

Наталья Бульба

Целительница

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Она — внучка двух князей, но оба отказались от родства, воспротивившись браку ее родителей. Она — целительница, но этот дар соседствует с другим, редким, за носителями которого охотятся спецслужбы. Она — обычная девушка, мечтающая о счастливом будущем, но тайна, которую хранит ее отец, заставила сменить имя и жить с оглядкой.

Справится ли она с такой ношей?

Она справится, потому что на помощь, если потребуется, придут друзья. Те, кто не предаст.

- [Наталья Бульба](#)
 -
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ВМЕСТО ЭПИЛОГА](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Наталья Бульба
ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

ГЛАВА 1

Еще только начало августа, но ночная прохлада уже намекала на подступавшую осень.

Игнат поежился — внутри стыло не от холода, а от нехороших предчувствий, перевел взгляд с окончательно потемневшего неба на мерцавшую над домом сетку защиты.

— Барин, — окликнули его, сбив с мысли о том, что от серьезного врага, если такового завел, мало что спасет.

— А по роже? — откликнулся он, даже не оглянувшись. Как ни скрывался, но Андрея Игнат ощутил, когда тот только вышел на крыльцо.

— Да не хотелось бы, — хмыкнул подошедший практически вплотную мужчина.

По возрасту почти ровесники. Но если Игнат иногда чувствовал себя стариком, то этот духом был молод.

Внешне Андрей не был крепок, но и в слабости не упрекнешь. Высок, худощав, но не худ. В одежде скромн, однако без «но» и здесь не обошлось. Все добротно и ухоженно.

Но это на первый взгляд. Второй, более внимательный, мог заметить особую легкую поступь, когда идешь, скорее зверьем, а не человеком. Да и держался так, что только дай повод, тут же бросится.

— Вот и мне не хотелось бы, — лишь теперь развернувшись, констатировал Игнат. — Время, Андрей. Пора. Можно было бы задержаться на день-два, но, чувствую, поджигает. Если не сами, так Александру в беду вовлечем.

— Согласен, барин, — без малейшего намека на ерничанье кивнул его собеседник. — Маотно. Еще не так, чтобы совсем ух, но мысль про заныкаться уже появляется.

Игнат и не хотел, но улыбнулся.

Андрей — бастард, воспитывался в доме отца. Род не из первой сотни, но и в захудалых не значился, так что образование непризнанный отпрыск получил хорошее. Все эти «барин», «заныкаться» были не по причине косности речи, а лишь из огромной тяги к лицедейству, которую не смогли выбить ни тяготы воинской

службы, ни война, ни те приключения, в которые вольно или невольно, но втянул его Игнат.

— Ну, раз и тебе маетно... — уже без улыбки начал Игнат. — Свяжись с Ревазом, пусть к рассвету начинается. А сам...

— Да помню я, помню, — отмахнулся Андрей. Вот только взгляд, несмотря на легковесность слов, был острым, напряженным. — Барышню в машину и в поезд. Посадить, негласно проводить, проследить, как встретят.

— Это хорошо, что помнишь, — все-таки поморщился Игнат.

Хоть и десять раз все продумано, но за дочь он беспокоился. Не из-за того, что не справится — Александра росла весьма и весьма смышленной, а из-за случая, который как ни предугадывай, а все равно не предугадаешь.

Вездеход покинул усадьбу за два часа до рассвета.

Проводив машину взглядом до лесочка, Игнат вернулся к столу. Медленно выдохнул, «возвращая» себя после прощания с дочерью.

И ведь ни слова...

Произнеси она хоть одно обидное слово, было бы проще — имела право и им воспользовалась, но Александра молчала. Молчала и смотрела, выворачивая взглядом наизнанку.

Ни матери, ни бабушек с дедушками, лишь он да дядьки, оказавшиеся вместо нянек.

Знал бы, какую судьбу уготовил любимой и единственной дочери...

Если не кривить душой, то Игнат знал. И когда, вопреки воле родителей, назвал Анну невестой, и когда женой увез в гарнизон, не получив благословения и от ее отца с матерью.

Двое изгнанных, выброшенных из мира, к которому привыкли.

Одни против всех!

Мгновение слабости прошло быстро, словно и не бывало. Беспокоиться о прошлом без толку, только поедом себя съешь. А раз так...

Выдвинув ящик стола, Игнат вытащил разовый амулет, который, в отличие от телефона, не засечь. Сжал, словно пытался раздавить.

Растекшаяся перед ним дымка белесой была лишь пару ударов сердца. Потом она побледнела, стала прозрачной...

Несмотря на ночь, его собеседник с той стороны тоже не спал. И тоже сидел за столом, явно разбираясь с накопившимися делами.

— Когда?

Игнат усмехнулся. Трофим Иванович Трубецкой, глава рода Трубецких, один из тайных советников Тайной коллегии его императорского величества Владимира, человеком был немногословным.

Впрочем, в этом случае лишние слова и не требовались, достаточно самого факта использования амулета.

— Утром. Из Самары.

Трубецкой тяжело вздохнул — дорога от Пензы до Самары могла оказаться отнюдь не безопасной, качнул головой:

— Будь осторожен. За Сашу не беспокойся, я присмотрю.

— Если что...

— Нет! — резко, категорично перебил его Трубецкой. — Никаких «если что»... Ты — должен!

Он был прав — Игнат должен. Не для того он влез в эту историю, чтобы подохнуть. Только победить, и никак иначе.

* * *

Вагон мерно покачивался, убаюкивая. Но сон, несмотря на ночные сборы, не шел. Взгляд цеплялся за мелькавшее за окном, вычлняя то одиноко стоявшее дерево, то петлявшую дорогу, то деревушку, чьи дома были практически спрятаны за отяжелевшими ветвями яблонь да груш.

А вот мысли...

Мысленно я вновь и вновь возвращалась к отцу, смотрела в его глаза, слушала слова, понимая, что прошлое... то беззаботное прошлое, в котором меня все любили, ушло навсегда, оставив один на один с настоящим. Одиноким настоящим, которого совершенно не хотела.

Стук в дверь был аккуратным. Чтобы и привлечь внимание, но и не разбудить, если пассажир вдруг предпочел отдых иному времяпрепровождению.

— Войдите, — разрешила я, заставив себя избавиться от флера грусти.

Как-никак ехала в столицу, да еще и поступать в академию. Тут нужен задор и предвкушение, чтобы не выбиваться из созданного отцом образа.

— Барышня не желает чаю? — приоткрыв дверь, вежливо поинтересовался проводник. — До завтрака еще полтора часа.

— Да, благодарю, — ответила я, улыбнувшись. — И печенье, будьте добры.

— Все сделаю, барышня, — склонил голову проводник и прикрыл дверь.

Я, резко выдохнув, на мгновение закрыла глаза. В горле встал комок, захотелось плакать... Нет, даже не плакать — рыдать, позволяя слезам избавиться от этой тяжести.

Одиночество я любила. Утомившись за день, закрывалась в комнате, устраивалась у окна летом или у камина зимой и замирала, наслаждаясь созерцательным ничегонеделанием.

Но это одиночество было другим. С впечатлением, что весь мир против меня одной.

И нет отца. Нет Андрея, с которым мы по вечерам вели философские беседы. Нет Реваза, учившего меня хорониться и искать захоронки. Нет дядьки Прохора, сызмальства бравшего меня с собой на охоту.

Прощай детство! Здравствуй взрослая, самостоятельная жизнь!

Все было бы не так страшно, не будь той роли, которую мне неизвестно сколько предстояло играть.

Долго горевать себе не позволила. Если бы могла что-то изменить...

Изменить я ничего не могла, а значит, не стоило лишний раз нервничать.

Когда вернулся проводник, принесся на подносе большую глиняную кружку с чаем и тарелочку с печеньем, я вновь мечтательно улыбалась. Словно была уже там, где меня ждало прекрасное будущее.

Я все-таки задремала. Уже после завтрака.

Поев, сначала взялась за книгу о практике использования диагностических магем — к поступлению готова, но знания лишними

не бывают, потом, сообразив, что вынуждена по второму разу перечитывать один и тот же абзац, решила все-таки прилечь.

Раздеваться не стала, только сняла пиджак — одежда не мялась, зачарованная мной самой, да и постель не расправила, лишь накинула на ноги край одеяла, чтобы ступням не было прохладно.

Сон, в который буквально провалилась, оказался спокойным. Легким. Беззаботным. Дорога уже делала свое дело, еще не избавив душу от тревог, но уже щедро делилась обещанием чего-то светлого и прекрасного.

Жаль, отдых получился коротким.

Проснулась я резко. От шума. В коридоре кто-то громко разговаривал. Хлопали двери...

Сердце дернулось — в таких поездах, как этот, чужой покой без веских оснований не нарушали, — но тут же забилось ровно. Столь острого чутья на опасность, как у отца, у меня не было, но, если грозила беда, я все равно ощутила бы.

Опустив ноги, села. Нащупала туфли, надела, предпочтя пусть так, но быть готовой к неожиданностям. Оправила блузку.

Вопреки ожиданиям, в мою дверь так и не постучали. Забарабанили в соседнее купе.

— Целитель есть? Нужен целитель...

Меня вроде и отпустило — мелькнуло опасение, что могли выследить, — но ненадолго, вновь вернулась тревога. Не случись что-то серьезное, вряд ли бы в голосе проводника так явственно звучали панические нотки.

С сомнениями, что делать в этой ситуации, я справилась быстро. Назвать меня целителем трудно — еще учиться да учиться, но помочь продержаться до ближайшей станции, пользуясь знаниями, полученными от отца — полкового лекаря, скорее всего, смогла бы.

— Что случилось? — открыв дверь, выглянула я в коридор.

Любопытной оказалась не я одна. У соседнего купе стояла молодая женщина.

Лицо приятное, располагающее, волосы аккуратно причесаны. Дорожное платье по последней моде, да и украшения, хоть их и немного, подобраны со вкусом. Вроде есть, но в глаза не бросаются.

Если что и портило образ, так некоторая суетливость, как у завидевшей блестящее сороки, и бегающие в предвкушении глазки.

Я хоть и юная, но попутешествовать успела. Да и отец с дядьками не упускали возможности учить видеть в людях даже то, что те скрывают от самих себя.

Такие, как эта дама, мне тоже встречались. С одной стороны, само благородство, с другой — только помани хоть чем-то напоминающим скандал, тут же растрещатся, картинно охая и ахая.

Чуть дальше у окна замерли двое мужчин, наблюдая за тем, что происходило в другом конце вагона. Оба в цивильном, но военное прошлое и в одном и в другом угадывалось без труда.

— Что случилось? — проводив взглядом скрывшегося в тамбуре проводника, обратила на меня внимание женщина, словно лишь теперь увидев. И, прижав руки к груди, добавила с придыханием: — Ребенок заболел. Говорят, совсем плох.

— Совсем плох, — так до конца и не решив, правильно ли намерена поступить, повторила я. Оглянувшись, посмотрела на смятую постель, на лежавшую на столике книгу...

Я вполне могла спокойно вернуться в купе — о моих способностях в этом поезде никто не знал, так что некому и осудить, но вот прощу ли сама себе, что могла, но не пришла на помощь?

С другой стороны, отец просил не выделяться, оставаться в тени, пока полностью не освоюсь с новой личностью. И я понимала, что это правильно, но...

Я решительно покинула купе, не позволяя себе передумать. Привычно бросив на дверь защитное плетение, прошла мимо заинтересованно посмотревшей на меня женщины.

Идти недалеко — из одного конца вагона в другой, но сколько всего можно увидеть, сколько передумать за эти несколько секунд!

Мысли я тщательно гнала прочь — не до них сейчас, а вот не замечать оказалось сложнее. Привычка! Поэтому уже иначе, чем это было ранним утром, оценивала и деревянные панели, которыми обит коридор. И ковровую дорожку под ногами. И магические светильники, спрятанные в бронзовые бра. И даже аромат... что-то легкое, успокаивающее, избавляющее от тревог.

Когда оказалась рядом с мужчинами, оба словно поджались, пропуская.

В носу засвербело от запаха трубочного табака и хвои.

Но это я тоже отметила вскользь, обратив внимание больше на взгляд одного из них — цепкий, оценивающий, он вызвал вполне осознанное желание передернуть плечами, избавляясь от чужого интереса к моей персоне.

Мысленно пожелав ему долгой икоты — в проклятиях я была не сильна, но на душе сразу стало легче, — подошла к купе, из которого доносились приглушенные всхлипы.

Открыла шире дверь, тут же ощутив неприятный кислый запах, в котором чувствовалась какая-то травяная сладость.

Внутри было трое. Женщина, совсем молодая, сидела у окна. Когда я появилась на пороге, посмотрела на меня растерянным взглядом. Суетливо поправила воротник блузки, скривилась и тут же прикусила губу, сдерживая себя, чтобы не зарыдать.

Мать? Если судить по возрасту, то, скорее всего, да.

Мужчина стоял у постели ребенка. Высокий, слегка сутулый. Лицо не спокойное, но в глазах виделась уверенность, что все закончится хорошо.

Мальчик лет пяти...

— Когда это началось? — заставив мужчину отступить в сторону, наклонилась я к ребенку.

Бледные кожные покровы, испарина, кое-как затертые следы рвоты, частое, поверхностное дыхание...

Мальчик лежал на боку, поджав колени к груди, и тихо, как щенок, поскуливал.

— Минут тридцать назад, — ответил мужчина. — Мы выходили в ресторан, с ним оставалась няня...

— Где она? — Разворачивая диагностическую магему, я провела рукой над крохой.

Ладонь привычно закололо, перед глазами появилась невидимая другим картинка, окрашенная в опасные, черно-малиновые цвета.

Рот, пищевод, желудок, кишечник, сосуды, по которым текла кровь... И свой особый окрас, тонкими нитями расплзавшийся по организму.

Яд!

— В соседнем...

— Отдыхали в усадьбе? — спросила я, пытаюсь понять, что именно меня тревожило.

Отравление ребенка — особая история. Сложно говорить о злой воле. А вот о беспечности...

— В Изюево, это...

— Знаю, — вновь перебила я.

Продолжая удерживать магему, прикрыла глаза, вспоминая, где и когда видела подобное. И эти кровавые вкрапления, и эту мохнатую паутинку, которая как кокон окутывала тельце ребенка.

И ведь видела точно! И не сказать, что давно. Не раньше чем год-два назад, потому как до этого времени диагностическая магема мне в руки не давалась.

— Вы целительница? — приподнимаясь, вдруг истерично закричала женщина. — Что вы здесь...

Наверное, именно этого мне и не хватало. Истошного крика, в котором четко слышалось отчаяние.

— Я — не целительница, но что такое отравление волчьим лыком, мне известно, — отрезала я, выпрямляясь.

Да, именно год назад, вот такой же мальчонка. Не деревенский — те о ядовитых ягодах чуть ли не с рождения знают, приезжий из города.

— И какими могут быть последствия, если вовремя не принять меры. Мне уйти? — жестко посмотрела я на вмиг растерявшуюся гонор женщину.

Ответить та не успела.

— Bravo, юная барышня. Не знаю, кто вас учил, но это достойный человек, потому как распознать отравление волчегодником, даже столь виртуозно владея диагностической магемой, совсем не просто.

— Простите?.. — опередил меня отец мальчика.

Стоявший в коридоре мужчина выглядел импозантно. От туфель, начищенных так, что в них можно было смотреться, до ухоженной шевелюры.

А еще он был уверенным. Настолько, насколько может быть уверенным человек, добившийся в жизни всего, чего хотел.

— Профессор Соколов Данила Евгеньевич, — представился он, ни на сантиметр не сдвинувшись с места. — Заведующий кафедрой практического целительства Московской магической академии.

Я едва удержала себя от вздоха облегчения.

Нет, я бы, конечно, справилась, но брать на себя ответственность за чужую жизнь еще побаивалась.

— И что вы намерены делать? — сбил меня с мысли профессор. — Диагноз установлен.

Я опустила голову — рано радовалась, но спустя мгновение смятения посмотрела на ожидавшего моего ответа Соколова уже твердо:

— В условиях больницы или дома применила бы большую очищающую магему. В дорожных условиях предпочтительнее нейтрализующая и малая очищающая, которую необходимо повторить не позднее чем через шесть часов. А также обильное питье и влажные обтирания для очистки пор.

— Великолепно, барышня, — пару раз хлопнув ладонью о ладонь, наметил аплодисменты профессор. — Приступайте.

— Но...

— Я рядом, — ободряюще улыбнулся Соколов. — И, если понадобится, поддержу ваши усилия.

— Люся, ты видишь то же, что и я?

Поддерживать усилия профессору не пришлось. Я хоть и нервничала — происходившее напоминало неожиданный экзамен, но с обеими магемами справилась. И даже еще добавила укрепляющую, чтобы помочь ослабленному отравлением организму ребенка.

— Если ты говоришь о юной барышне, использовавшей три не самые простые магемы, то да, я вижу то же, что и ты, — с легкой, какой-то сияющей улыбкой ответила Соколову стоявшая у окна в коридоре женщина.

Когда она появилась, я не заметила, обратив внимание лишь теперь, когда профессор задал ей вопрос.

— И ведь как уверенно...

— Простите? — разогнувшись, тяжело вздохнула я. Это со стороны кажется, что целитель ничего не делает. А на самом деле... Мне проще было пройти по лесу с десяток километров, чем вот так, как сейчас, не дать ребенку отправиться к праотцам.

— Моя супруга, Людмила Викторовна Соколова. Мастер-целитель той же академии, — представил профессор свою собеседницу. — А теперь, — уже другим тоном продолжил он, — с вашего позволения,

юная барышня, я пообщаюсь с родителями ребенка. А вы пока вернетесь в свое купе и выпьете чего-нибудь горячего и сладкого.

Его слова оказались весьма своевременными.

Нет, сделав самое тяжелое, я бы справилась и с объяснением, чем все могло закончиться для этого сорванца, но, видит Заступница, делать этого не хотела. Не мне, семнадцатилетней девчонке, вразумлять их. Пусть уж лучше профессор. Ему точно удастся донести, в чем были не правы.

Кивнув, что согласна, очистила руки, обрывая связь между собственным даром и пациентом. И, бросив еще один взгляд на малыша — на его щеках появился румянец, пусть еще и робкий, — покинула купе.

Чай принесли сразу, как только я вернулась в купе. Чай, вазочку с печеньем и тарелку с бутербродами. Отодвинув и то и другое — сразу после лечения есть не рекомендовали, взялась за кружку. Вдохнула аромат...

«Отпустило» меня резко. Я даже не думала, что можно испугаться так, как испугалась сейчас.

Нет, теперь, когда рядом профессор, жизнь ребенка была в полной безопасности, но я-то приняла решение помочь до того, как узнала о его присутствии.

А если бы вдруг...

Первое желание — бежать!

Куда?! Зачем?! Все было не важно! Главное, исчезнуть, не встречаться с теми, кто оказался свидетелем случившегося.

Второе...

Испытать второе я не успела. Дверь после короткого стука открылась, и на пороге появился человек, о котором только что думала.

— Люся, ты и теперь видишь то же, что и я? — произнес он, как мне показалось, лукаво.

— Если ты о душевных терзаниях, явственно написанных на лице юной барышни, то — да, — мягко отозвалась его супруга.

Тронув профессора за плечо, заставила его отодвинуться и первой вошла в купе. Присела напротив меня. Нас разделял только накрытый белой скатертью столик.

— Меня зовут Людмила Викторовна.

— Да, я слышала, — не без труда подняла я на нее взгляд. — Саша... Александра Салтыкова.

— Ирина Константиновна...

— Моя троюродная тетя, — заполнила я оставленную для меня паузу. — Мы из уральской линии Салтыковых.

— Ну, тогда мне все понятно, — лишь теперь войдя в купе, едва ли не удовлетворенно кивнул профессор. Закрыл за собой дверь.

Салтыковы — обширный род. В каждой семье не меньше шести детей. И так на протяжении нескольких поколений. Затеряться в столь богатом генеалогическом древе несложно, что при разработке моей легенды отец и учел.

Мужчины в основном занимались лесом и изделиями из дерева. А вот женщины... Нет, не каждая, но через одну точно имели дар целителя.

У кого-то он был сильнее, у кого-то хватало лишь на мелочи, но учили всех, чтобы не потерять ни крупицы способностей.

Ирина Константиновна, которую упомянул профессор, одна из самых известных ныне живущих Салтыковых, заведовала лекарским домом в Самаре и преподавала в местной академии.

Имелся в этой истории еще один нюанс. Девичья фамилия моей мамы — Салтыкова.

Вот только род был другой. Княжеский.

— В Москву учиться? — бросив взгляд на книгу, оставленную мной на столике, с теми же ласковыми, убаюкивающими интонациями поинтересовалась Людмила Викторовна.

— Да, — вспыхнув (вдруг подумают, что положила специально), промямлила я.

— Ты чай-то пей. — Вздохнув, профессор присел рядом с супругой. — Нагрузка большая, нужно восстанавливаться.

Под их умильными взглядами удалось сделать еще несколько глотков. А потом все, как отрезало. И ведь не было причин, но стеснение такое, что хоть под землю проваливайся.

Мое смятение их не остановило.

— Кстати, — подхватила разговор Людмила Викторовна, — а сколько магем ты можешь использовать?

— Семнадцать. — Я попыталась поставить кружку на стол, но под внимательным взглядом профессора была вынуждена вновь

поднести ее ко рту.

— Первый семестр третьего курса, — вроде как вскользь заметила Людмила Викторовна.

Куда уж дальше, но я опять стусевалась. Потом тряхнула головой, беря себя в руки. На самом деле изучила их двадцать, с семнадцатью работала не задумываясь.

— Поступать в академию? — Направленный на меня взгляд профессора стал цепким.

— Да, — кивнула я уже практически спокойно. — Ирина Константиновна сказала, что Самара — не мой уровень.

— Правильно сказала. — Профессор неожиданно поднялся, порывисто подошел к двери, резко развернулся. — Считай, что уже поступила.

— Но... — чуть не выронив кружку, подскочила я.

Чай плеснул, собираясь вырваться наружу...

Я привычно накрыла кружку «крышкой». Проверив, что не пролилось ни капельки, не веря посмотрела на профессора.

— Мне нужен помощник целителя. Возьмешься?

— Я?! — Я снова растерялась.

Привела меня в чувство улыбка на лице Людмилы Викторовны. Похоже, происходящее ее немного забавляло.

— Жить собиралась у родственников? — словно я уже дала согласие, спросил профессор, сложив руки на груди.

— Сначала в гостинице, потом в общежитии, — несколько удивилась я смене темы.

— Во флигеле спальня и гостиная. Живем мы неподалеку от академии, удобно будет ходить на занятия. Вход отдельный...

— Я так не могу... — Не будь у меня за спиной дивана, я бы попятилась, а так лишь переводила взгляд с профессора на его супругу, пытаюсь понять, правильно ли поняла его слова.

— Можешь! — на этот раз твердо, будто поставил точку, произнес профессор. — Тебе нужно развивать то, что дано Заступницей. И если я могу в этом помочь, то я это сделаю.

Все, что мне оставалось, кивнуть, соглашаясь.

Ничего подобного мы с отцом не планировали, но так оказалось даже лучше.

В той жизни, которая для меня начиналась, поддержка таких людей, как профессор Соколов и его супруга, мне не помешает.

* * *

Трубецкой еще раз перечитал сообщение агента и мысленно выругался.

Поезд из Самары шел одиннадцать часов. Три остановки, на которых барышню контролировали. И вот... «Объект вагон не покинул. Внутри отсутствует».

Вновь мысленно выругавшись — свои обещания он предпочитал выполнять, взял со стола магофон и отошел к окну.

Август. Еще не ночь, но уже практически стемнело.

Сейчас бы спуститься в гостиную, где собралась семья. Устроиться в углу дивана, наблюдая за вечерним общением под чашечку чая.

К сожалению, в последнее время столь беззаботно он проводил время все реже и реже.

И ведь не скажешь, что некому заняться проблемой, над которой корпел вот уже несколько лет, но...

Он эту игру начал. Ему и заканчивать.

Когда нажал вызов, ответили ему едва ли не мгновенно:

— Ваше превосходительство?

— Марат, — посмотрел Трубецкой в глаза визави, — вариант «Б».

— Понял, — нахмурился Марат. — Осторожно или...

— Очень осторожно, — подкорректировал формулировку Трубецкой. — Новости докладывать немедленно.

— Разрешите исполнять?

Трубецкой кивнул. Сбросил вызов, посмотрел на освещенную электрическими — нечего тратить дар на подобную ерунду — светильниками беседку. Взгляд привычно прошелся по столбику, вычленяя в завитках знакомый рисунок. Многоголовая гидра... Как напоминание, насколько хитер и изворотлив может быть враг.

Он уже собирался убрать магофон, когда тот завибрировал, привлекая внимание.

— Не ожидал услышать тебя сегодня, — ответил он на вызов. — Что-то случилось?

— Не знаю, что и сказать... — замялся его новый собеседник. Он сидел в кресле в кабинете и задумчиво крутил бокал с вином. — Подумал и решил, что одна голова хорошо, а две...

— Ты меня удивил, — усмехнулся Трубецкой, возвращаясь за стол. Сел, поставил магфон на подставку, чтобы не держать в руках. — Уж если твоя голова потребовала появления второй...

— Мне кажется, я видел сегодня Дедова, — не дав поюродствовать на тему кто кого умнее, перебил его собеседник.

— Кажется или?.. — остро прищурился Трубецкой.

Дедов когда-то был его топтуном. Пока не предал, продавшись с потрохами тому, кого Трубецкой считал заклятым врагом.

— Он слишком быстро отвернулся, а я был занят другим делом, так что...

— Где? Когда? — не скрывая напряжения, побарабанил Трубецкой пальцами по столу.

С профессором Соколовым они познакомились, когда того еще звали Данькой, а его Тофой. Имена рядом, родителей связывала дружба. Да и потом...

Пару раз жизнь Трубецкому спас именно он.

— В поезде, днем.

— И чем таким ты был занят? — расслабляясь, откинулся Трубецкой на спинку кресла.

О каком поезде шла речь, знал точно: фирменный, «Самара — Москва», на котором Соколов с супругой возвращались из Самары, где служил их старший сын.

А то, что этим же поездом ехала дочь Воронина... Всего лишь совпадение, но его чутье говорило, что в этом что-то есть.

— А это еще одна странная история, — сделав глоток, загадочно улыбнулся Соколов. — Отравление. Мальчик шести лет.

— И чем же оно странное? — У Трубецкого даже нос зачесался. Как всегда, когда на горизонте появлялось дело, над которым придется серьезно покорпеть.

— Отравление волчьей ягодой. Поделится подросток, с которым мальчишка познакомился на станции. Подошел, когда няня отвлеклась,

заговорил. Протянул кулек. Мальчишка взял горсть, тут же съел. Ну а в поезде и началось. Если бы не случай, не было бы сейчас мальчишки.

Трубецкой кивком оценил не столько речь, сколько интонации. Соколов говорил неторопливо, словно смаковал каждое слово. Это тоже было знакомо. Соответствующие выводы он уже сделал.

— А что родители?

— А вот это самое интересное! — Соколов отсалютовал бокалом. — Мать — в истерике. Отец — спокоен, но, когда сын начал говорить про подростка с кульком, закаменел. Едва зубами не скрежетал.

— А ты?

— А что я? — Соколов сделал глоток и отставил бокал на столик рядом с креслом. — Сделал вид, что ничего не заметил, но фамилию у проводника узнал. На всякий случай.

— И? — положив перед собой лист бумаги и ручку, поторопил Трубецкой друга.

Тот улыбнулся, но качнул головой. Мол, еще не все оговорено.

Трубецкой хмыкнул — Соколов хоть и целитель, но было в нем что-то от ищейки, — потом кивнул:

— Будут тебе подробности. Если оно, конечно, того стоит.

— Стоит, стоит, — с явным удовлетворением в голосе заметил Соколов. — Я практически уверен, что фамилия Варланов...

— Варланов Степан или Варланов Виталий... — мгновенно подобрался Трубецкой.

Первый — известный в определенных кругах следак из розыскной полиции. Второй — младший сын в главной линии рода Варлановых, серьезно подвизавшихся на дипломатическом поприще.

— Второй, — не стал затягивать с определенностью Соколов. — И как ты понимаешь...

Трубецкой понимал. На попытку убийства то, о чем рассказал старый друг, никак не тянуло. А вот на намек, что если ты... то и мы...

— Когда приедешь посмотреть Тамару? — поставив точку в одной теме, перевел он разговор на другое.

— По магофону я с ней уже разговаривал. — Соколов легкой улыбкой дал понять, что беспокоиться не о чем. — А так... Ждите в гости послезавтра, часиков так в пять. И не одного...

— С новым помощником, — хмыкнул Трубецкой. О том, что друг покровительствовал талантливым студентам, ему было хорошо известно.

— С новой помощницей, — поправил его Соколов. — Хорошая девочка. Очень!

Хорошая девочка... Хороший мальчик... Как ни странно, но, предсказывая судьбу своих студентов, Соколов был весьма точен. За шестнадцать лет лишь одна ошибка, но то... То была грустная история, о которой ни один из них не хотел вспоминать.

ГЛАВА 2

Флигель оказался двухэтажным. Добротным. Полноценная жилая постройка.

На втором этаже спальня, гардеробная и небольшая ванная с туалетом. На первом — гостиная-кабинет, разделенная на две части.

В одной, большей, камин с двумя креслами рядом с ним, обеденный стол на четверых и диван, напротив которого висела панель телевизора. В меньшей — рабочий стол и книжный шкаф.

Все очень удобно и уютно.

Два выхода. Один, как и говорил профессор, на улицу. Прямо на дорожку, которая вела из сада к подъездным воротам. Второй внутрь дома. Чтобы, как сказала Людмила Викторовна, не чувствовать себя оторванной от цивилизации.

И все было бы просто здорово — я о таком и мечтать не могла, если бы не одно «но». Произошло это как-то неожиданно. Раз — и я уже не только практически студентка, но и помощница настоящего целителя.

В жизни так не бывает. Только в приключенческих романах.

— Эй, есть кто живой? — вырывая меня из очередной серии самоедства, донеслось снизу.

— Есть! — крикнула я. — Сейчас спущусь.

С семьей профессор меня уже познакомил. Две дочери: Юля и Яна. Юля на год старше меня, Яна на столько же младше. Сыну Кириллу — десять.

Был еще один — Валерий, но тот уже служил. Как раз в Самаре, куда они с супругой и ездили.

— Я тебе принесла молока и булочек, — опять донеслось снизу. — А то еще помрешь с голоду.

— Смешно... — буркнула я себе под нос и, накинув поверх футболки легкую кофточку, вышла на лестницу.

Внизу стояла Юля.

— До утра бы не померла, — не без воодушевления глядя на кувшин и тарелку с булочками, тем не менее восстановила я справедливость.

— А кто тебя знает. — Рассмеявшись, Юля направилась к столу. — Не против, если составлю компанию?

— Ты в своем доме, — скорее дернула, чем пожала я плечом. Спустившись, достала из скрытого за небольшой перегородкой шкафа стаканы.

На ужин меня приглашали, но я отказалась. И не только из скромности, но и из желания хоть ненадолго остаться одной.

В поезде супруги быстро взяли меня в оборот. Как только попыталась отказаться от всех их предложений, вместе с вещами забрали в свое купе, находившееся в соседнем вагоне.

Ну а там...

Все, что мне оставалось, только кивать да коротко отвечать «да» или «нет».

В какой-то момент даже начала подозревать нехорошее — так просто не бывает, но, как только речь зашла о медицине, от этих подозрений не осталось и следа. Уж отличить настоящего целителя от ненастоящего благодаря отцу я вполне могла.

— Ага, — фыркнула на мою сентенцию Юля, но тут же прекратила кривляться. — Саш, поверь, ты не первая и не последняя, кто живет во флигеле. Отец — фанат своего дела. Он, как ищейка, нюхом чувствует, из кого будет толк, а кто так и останется одно название, что целитель.

Признаться честно, мне было приятно, но...

— Я не хочу, чтобы меня выделяли, — поставив стаканы на стол, упрямо произнесла я. — Я благодарна Даниле Евгеньевичу...

— Перестань! — беззлобно отмахнулась Юля. — Выделять тебя действительно будут, но так, что взвоешь. Поблажек он своим любимчикам не дает.

— Не знаю, радоваться теперь уже или нет, — всерьез задумалась я над ее словами. — Все настолько страшно?

— Еще страшнее, — разливая молоко, засмеялась она. — Тут до тебя парень жил, Игорем звали, так тот даже застрелиться хотел.

— Звали? — настороженно уточнила я, присаживаясь на стул.

— Ага, — опять начала придуриваться Юля. — Теперь Игорем Николаевичем кличут. И только на «вы».

— Тьфу на тебя! — хохотнула я, сообразив, что поймалась на простейшую разводку. — Напугала.

— Умею, — улыбнулась она, устраиваясь напротив. — Отец говорит, я люблю сгущать краски.

— Ты тоже целительница? — воспользовалась я моментом, чтобы внимательнее рассмотреть Юлю.

То, что пошла в мать, сомнений не вызывало. Такая же невысокая, хрупкая. Как фарфоровая статуэтка. Кожа светлая, нежная. Волосы светло-русые, волнистые. А вот глаза карие, что смотрелось очень и очень чарующе.

— Нет, — прихватив из тарелки булочку, отломилла она кусочек. — Второй курс МИУ. Факультет журналистики.

— Вот это да! — восхитилась я.

Московский Императорский университет!

Это было весьма престижно.

— А... — без всякого пиетета, как будто это ничего не значило, протянула она. — Пописывать я начала еще в лицее. Отец как-то подкинул пару моих заметок одному из своих пациентов, редактору «Московских вестей». Вот с тех пор и кручусь.

— Здорово! — вполне искренне произнесла я. — Наверное, это интересно.

— Интересно, — с улыбкой согласилась она. — Но иногда выматывает. Хочешь не хочешь, а материал ты должен выдать.

— Так ты и сейчас с ними сотрудничаешь?

— А куда мне деваться?! — засмеялась Юля. — Затягивает.

От избытка чувств я качнула головой. Надо же... просто затягивает...

Для меня журналистика была сродни чуду. Нужно ведь не только найти о чем писать, но и так преподнести читателю, чтобы тот прочел заметку от начала и до конца.

В лицее нас, конечно, учили стройно формулировать свои мысли, но чтобы вот так...

Тем временем Юля успела съесть булочку и уже добралась до второй. Сообразив, что могу и голодной остаться, поспешила последовать ее примеру.

Выпечка оказалась выше всяких похвал. Мягкая, воздушная. Сладковатая ровно настолько, чтобы поманить, побаловать тающим вкусом.

— Ну вот, а ты не хотела, — когда опустели и тарелка и кувшин вновь засмеялась Юля. Довольно откинулась на спинку стула. — А хочешь, я завтра с тобой в академию схожу?

— Конечно, хочу! — обрадованно воскликнула я. То ли одной плутать, то ли с той, кого вполне можно назвать приятельницей. — А ты там уже была?

Юля гордо задрала нос:

— Да я все годы учебы в лицее у отца на кафедре прожила. Если захочешь, потом такого порасскажу...

Я — хотела. Но она правильно сказала про потом. Перекусив, со всей очевидностью я поняла, что устала. День был долгим. День был тревожным. А еще он был богат на события, которые требовалось переосмыслить.

* * *

Московская магическая академия находилась на Большой Царицынской. И готовили в ней будущих целителей, магов-прикладников, бытовиков и теоретиков.

Что касается медицины, то в столице имелось еще несколько учебных заведений, в которых учились те, кто имел слабый дар или был полностью его лишен.

Как говорил отец, парадокс налицо. Тех, кто мог убить, среди одаренных большинство, а вот тех, кто способен исцелить...

В этом году на целительский факультет набирали восемьдесят человек, а заявлений было подано чуть больше сотни. Вот такая грустная математика. В медицинском институте на одно место претендовало трое.

— Можно вернуться домой за машиной. Или пройдемся пешком? — не дала мне погрузиться в размышления Юля.

Не знаю зачем, но я оглянулась на здание академии, из которого мы только что вышли.

Странное ощущение. Быть здесь и не верить...

— Ау?! — шутливо толкнула меня в плечо Юля. — Ты еще с нами?

— С вами, с вами, — хмыкнула я, догадываясь, как нелепо сейчас выглядела.

— Так что выбираем? — вернула меня Юля к заданному вопросу.

— Я бы предпочла пройтись, — отошла я в сторону, чтобы ненароком не сбили — народ валил и туда и оттуда. — По дороге можно где-нибудь перекусить. А то за столом кусок в рот не лез.

Мое признание ничего, кроме смеха, не вызвало. Но, как я уже заметила, Юля сама по себе была смешливой. Да и на настроение не жаловалась.

— Ты на Янку не обращай внимания, — отсмеявшись, все-таки «пожалела» она меня. — Ты думаешь, от кого я у папеньки на кафедре пряталась?

— От сестры? — не поверила я.

— От сестры, от сестры, — кивнула она, продолжая улыбаться. — Тот еще клещ. Привяжется, проще сбежать, что я и делала.

Теперь пришел мой черед кивать. Виделось в Яне что-то служившее подтверждением предложенному эпитету. В отличие от Юли младшенькая была пусть и не толстенькой, но пухленькой. Но взгляд... Точно как клещ. Вцепится — не отдерешь.

— А вот с братьями она совсем другая, — не столько взгрустнула, сколько перестала быть очень веселой Юля. — Старшенького побаивается, а с младшим...

Она не закончила. Меня «пробило» ощущением приближающейся опасности, потом раздался шум подъезжающей машины, визг шин...

Я так и не поняла, что сделала сначала — испугалась или приготовилась отражать нападение.

Скорее всего, второе. А вот Юля, приняв это самое второе за первое, успела ухватить меня за руку, прежде чем я наделала глупостей:

— Это Тоха. Неожиданно, но вовремя.

Не столько от слов, сколько от спокойствия в ее голосе готовое к боевому трансу тело вернулось в нормальное состояние. Сердце, натужно двинув в грудину, расслабилось, забившись в положенном ему ритме.

— А ты откуда? — Отпустив меня, Юля направилась к замершей у тротуара машине.

— Ехал мимо, — бросив быстрый взгляд на меня, отозвался вальяжно откинувшийся на спинку водительского сиденья парень. — Смотрю, ты! Ну не мог же я...

— Лъстец, — хохотнув, наклонилась вперед Юля. Щелкнула парня по носу, когда тот хмыкнул, выпрямилась. — У тебя новая тачка?

— Нравится? — не без самодовольства протянул парень. — Отец подарил за успехи в боевой.

Пока они разговаривали, успела рассмотреть обоих. И парня и машину.

Машина — спортивный кабриолет. Черный, хищный и даже, я бы сказала, самовлюбленный. Техника была мощной, красивой и безумно дорогой. Уж я-то знала, присматривала себе подобный.

Как и машиной, парнем вполне можно было любоваться. Пусть и сидел, но понятно, что высок. Темноволосый, с вытянутым, украшенным легкой горбинкой носом и твердым волевым подбородком.

Но еще больше привлекали внимание его руки. Сильные, крепкие, с крупными, но не лишенными изящества ладонями.

Одет он был так, как одевалось большинство молодежи, которую я видела. Джинсы, рубашка с завернутыми по локоть рукавами.

На первый взгляд все очень демократично. Но, как и в случае машины, я знала цену подобным вещам, так что не обманывалась. Одевался этот парень в элитных бутиках.

— Хвастун, — весело засмеявшись, отмахнулась Юля. — Пропал. Не звонишь. Теперь вот появляешься на шикарной машине.

— Отдыхал в имении, — улыбнувшись — общение с Юлей ему явно нравилось, вновь посмотрел он на меня.

Юля направление взгляда не пропустила. Оглянулась...

В ее глазах было столько предвкушения, что я бы предпочла за лучшее сбежать.

Увы, не успела!

— Саша, — позвала она меня. Я качнула головой, мол, не надо, но Юля была непреклонна. — Саш... — протянула она проказливо.

Пришлось подойти. Хоть это и не совсем по этикету, но похоже, что вот так, в неформальной обстановке, между собой они так неформально и общались.

— Саша, позволь тебе представить...

Что порадовало, продолжать демонстрировать пижона парень не стал.

— Простите, — прервал он Юлю. Выйдя из машины, подошел к нам. Улыбнулся, став еще привлекательнее, чем был. — Вот теперь можешь продолжать.

— Ну раз ты разрешаешь... — хмыкнула Юля. — Саша, позволь тебе представить моего одноклассника Антона Мещерского из княжеского рода Мещерских.

— Последнее было необязательно, — галантно склонив голову, заметил Антон. — Антон Мещерский, к вашим услугам.

— Александра Салтыкова, — протянула я руку, которую тот не пожал, а поднес к губам. — Для вас — Саша. И, если можно, на «ты».

— Очень приятно, Саша, — улыбнулся мне Антон. — И конечно, можно. Ты дочь...

— Я не та Салтыкова, — рассмеялась я и аккуратно вытянула ладошку из захвата. — Я из самарского рода. Точнее, его уральской ветви.

Вопреки ожиданиям, мой не столь высокий статус его несколько не смутил. Судя по тому, как он едва ли не демонстративно вздохнул с облегчением, Антона все устраивало.

— Кстати, Саша — будущий целитель. Живет во флигеле, — словно я была призом, похвалилась Юля.

— Поздравляю! — вполне искренне произнес Антон. — Быть замеченной профессором дорогого стоит. От него и доброго слова не всегда дождешься, а уж поселить во флигеле...

— Я еще не поступила, — слегка смутилась я. — Вот провалю...

— Не провалишь, — с твердой уверенностью заметил Антон. — Кстати, Юль, — вдруг вспыхнул он энтузиазмом, — как насчет пикника на прудах? Соберем одноклассников, отметим скорое окончание лета.

— И обязательно пригласим Сашу, — многозначительно посмотрела Юля на Антона.

— И обязательно пригласим Сашу, — покладисто повторил Антон. — Ты не против? — посмотрел он на меня.

— Завтра и послезавтра у меня экзамены, — напомнила я о насущном. — Если только вечером...

— Тогда послезавтра вечером, — решительно произнес Антон. Потом бросил взгляд на часы. — Вы извините, что не могу задержаться... Обещал... — взглядом побитой собаки посмотрел он сначала на Юлю, а потом и на меня. — Но послезавтра...

— Лети уж, — легко, играючи толкнула его Юля. — Вечером созвонимся.

— Обязательно, — усаживаясь в машину, махнул он нам рукой.

Мы проводили машину взглядом, пока та не скрылась за поворотом. Переглянулись.

— Ну что, гулять? — напомнила она о наших задумках.

— Гулять, — улыбнулась я. — Но сначала поесть.

— Тогда в студенческую кафешку, — осмотревшись, решительно ухватила меня за руку Юля. — И близко, и кормят хорошо.

То, что кормят хорошо, было здорово. В желудке уже урчало, напоминая, что нормально я ела в последний раз еще в поезде.

* * *

— Что-то случилось, Антон Николаевич?

Антон, «очнувшись», с некоторым недоумением посмотрел на стоявшего рядом с машиной охранника. Потом оглянулся на уже закрытые ворота.

Это же надо было так задуматься?!

— Николай Иванович дома? — выходя из машины, вместо ответа поинтересовался он.

Новое знакомство не давало покоя. И ведь вроде не красавица...

Александра была миленькой. И какой-то чистой. Он бы даже сказал — прозрачной в своей отстраненности от грязи этого мира.

И ведь вряд ли она с ней не сталкивалась — там, где целители, там и боль, но ведь буквально светилась.

Светилась! Он даже вздрогнул, лишь теперь сообразив, что его смутило. Сила стихий, которых не должно быть у целителей.

Или он, потянувшись к девушке душой, выдавал желаемое за действительное?

— В саду, господин, — отступил, пропуская, охранник. — В беседке.

Кивнув, Антон направился в сад. Душевные метания душевными метаниями, но что такое долг перед родом, он не забывал.

Отец действительно находился в беседке. На деревянном столике были разложены бумаги. Сбоку стояла кружка. Скорее всего, с брусничным отваром, который он любил.

Заметив Антона, Николай Иванович поднял голову, тут же перевернув лист, который читал.

— Рано ты.

При других обстоятельствах Антон только усмехнулся бы, при этих... Новая подружка бывшей одноклассницы что-то сдвинула в его восприятии происходящего, дав не только заметить в голосе отца нотку беспокойства, но и принять ее.

— Мы можем поговорить? — Остановившись у входа в беседку, Антон легкой улыбкой намекнул, что не произошло ничего серьезного.

— Конечно. — Николай Иванович сдвинул бумаги в сторону. — Приказать что-нибудь подать?

— Нет, не нужно. — Антон запрыгнул на перила. Откинулся назад, оперся спиной на столб. — Я сегодня случайно встретился с Юлией Соколовой. — Он вопросительно посмотрел на отца.

Тот кивнул: помню, знаю.

— Она была не одна, с подружкой. Девушка приехала поступать в ММА. Александра Салтыкова.

— Княжеский род?

— Самарские, — поправил Антон. — А эта из уральской ветви.

Николай Иванович, продолжая внимательно смотреть на сына, задумчиво склонил голову.

Антон опять не сдержался, улыбнулся. Приятно, когда тебя так слушают.

— Живет у них во флигеле, — добавил Антон, переходя к сути проблемы.

О том, кого из студентов профессор Соколов селит в своем доме, в родах было хорошо известно. И за каждым из них...

Заполучить себе сильного целителя было заманчиво. И — перспективно.

— Она хорошенькая?

Антон еще раз мысленно прошелся взглядом по новой знакомой.

Высокая, стройная, гибкая. То, что не неженка, тоже заметно — такую фигурку, даже учитывая генетику, без усилий не получишь.

Лицо приятное. Овал, линия бровей, глаза, нос, рисунок губ, подбородок... Все гармонично, создавая законченный образ аристократки далеко не в первом поколении.

Если что и выбивалось из него, так довольно короткая стрижка и взгляд; Острый, оценивающий. Но и это можно списать на специфику. Чтобы стать хорошим профессионалом, целитель должен научиться подмечать множество нюансов.

— И даже очень, — подтвердил Антон предположение отца. — Мы договорились встретиться послезавтра, после экзаменов.

— Где? — ничем не выдал своего интереса Николай Иванович.

— На прудах. Решили устроить небольшой пикник, — догадываясь, что именно сейчас просчитывал отец, довольно улыбнулся Антон. — Юлия обещала обзвонить одноклассниц. Я — одноклассников.

— Но это ведь не мешает тебе взять кого-нибудь из братьев? — провокационно поинтересовался Николай Иванович.

Антон предпочел бы сам... Будь Александра из княжеских Салтыковых, ему бы никто и слова не сказал, а так...

— Не мешает, — тоном заверив, что все понял, ответил Антон.

— Ну вот и хорошо, — довольно отозвался отец. — С главой я поговорю. О результатах узнаешь завтра.

Антон намек понял. Кивнув, прыгнул с перил и направился в сторону дома.

Вот только...

Все правильно — у каждого в роду своя роль, но на этот раз сердце с ней не соглашалось.

* * *

Новости о судьбе Александры Трубецкой получил уже к обеду.

Впрочем, ничего другого он и не ожидал. Если за дело брался Марат, можно было с уверенностью говорить, что результат рано или поздно будет.

Этот случай исключением не стал. И не важно, что на первый взгляд воспринимался незатейливым. Подумаешь, обнаружить пропавшую девицу!

— Вот, значит, как! — Трубецкой положил рапорт на зеленое сукно стола. — Флигель профессора Соколова...

От избытка эмоций — уже вторая бессонная ночь давала о себе знать — качнул головой. Поднявшись, прошелся по кабинету.

— Вы там не наследили? — резко развернулся он, посмотрев на тут же подобравшегося подчиненного.

— Никак нет, ваше превосходительство, — четко произнес тот. — Как и приказано, действовали крайне осторожно.

— Знаю я ваше «крайне осторожно», — проворчал Трубецкой.

Прочитанный только что рапорт четко отложился в памяти, так что воссоздать картину произошедшего удалось без труда.

Отравление. Первой на помощь пришла девушка-целительница. Затем подоспел ехавший в этом же поезде профессор Соколов. Высоко оценив способности девушки, Соколов решил составить ей протекцию и поселил в своем флигеле, уже не раз становившемся пристанищем даровитых студентов.

Кое-что из этого ему было известно от того же Соколова. Но вот то, что в истории оказалась замешана и Александра...

Если в поезде был действительно Дедов, опасность подстерегала дочь Воронина еще и с этой стороны.

— Утром девушка проследовала в академию, где подала документы в приемную комиссию, — продолжил между тем Марат.

— А без канцелярщины? — перебил его Трубецкой.

— Если без канцелярщины, — слегка обмяк Марат, — то девушка выглядела спокойной. Вела себя беззаботно.

— Это хорошо, что беззаботно, — чувствуя, как подступает недовольство, протянул Трубецкой. — Вот что, Марат, дело это весьма деликатное. За жизнь девушки я поручился честью не только своей, но и всего рода. А это, как ты понимаешь...

— Трофим Иванович, — едва ли не обиженно заметил Марат, — вы же знаете...

— Я-то знаю, — огрызнулся Трубецкой. Вернулся за стол. Сел. — Где она сейчас?

Прежде чем ответить, Марат взглянул на экран магофона:

— В торговом комплексе «Рассвет».

— Одна?

— С Юлией Соколовой, — не задержался Марат. — Нам продолжать наблюдение?

Трубецкой и сам бы хотел знать ответ на этот вопрос. С одной стороны, оставлять Александру без присмотра нежелательно. С другой... Прятать надо на виду, чтобы вроде вот она, но словно и нет.

Легенда, придуманная им и Ворониным, такой и была. Да, известная фамилия, но род не тот. Да, сильный дар, но все обосновано, не вызывая подозрений.

И если вдруг случайно...

— Ты Реваза, инструктора, помнишь?

— Такого забудешь, — скривившись, хмыкнул Марат. — Пока с ним не встретился, и не знал, на что я способен.

— Это хорошо, что помнишь. — Откинувшись на спинку кресла, Трубецкой сложил руки на груди. — Реваз Александру с семи лет учил. Так что если облажаетесь...

— Понял, ваше превосходительство, — тут же подтянулся Марат. — Наблюдение продолжаем, но крайне-крайне аккуратно.

— Если она заметит, бог с ним, а вот если привлечете чужое внимание...

— Не беспокойтесь, ваше превосходительство, все будет по высшему разряду. Разрешите...

— Иди, — позволил Трубецкой. И добавил, когда Марат уже взялся за ручку двери: — Докладывать каждый день. Но если что...

ГЛАВА 3

Целительский тест и экзамен по анатомии. Оба на «отлично».

Заметив проступившее на моем лице удовлетворение, профессор ухмыльнулся и переглянулся с Людмилой Викторовной.

Я точно знала, что даже редкие среди магов менталисты способны лишь принимать чужие образы, но в такие моменты, как этот, казалось, что Данила Евгеньевич без особого труда читает мысли.

— У меня сегодня визит. Ты будешь меня сопровождать. — Промокнув губы салфеткой, он отложил ее на край стола.

Прошлым вечером и нынешним утром наше с профессором общение было несколько напряженным. Я настаивала на плате за флигель. Он возражал, заявив, что моя задача — научиться всему, чему он может меня научить.

С такой формулировкой я была полностью согласна — для того и поступала в академию, но быть нахлебницей не собиралась. Благодаря отцу, позаботившемуся об этой стороне жизни, деньги у меня имелись. И вполне достаточно, чтобы пусть и не шикая, но достойно существовать в столице.

— А разве это не входит в мои обязанности? — едва сдержала я улыбку, заметив, с каким вниманием наблюдают за нами Юля с Яной. Как за теннисным мячиком. Передача туда, передача сюда...

К соглашению мы с профессором все-таки пришли. Я плачу за флигель. Он мне — за то, что помогаю ему с пациентами.

Если верить выражению лица присутствовавшей при разговоре Людмилы Викторовны, все равно вышло так, как хотел профессор.

Но это было уже не столь важно. Главное, определенную свободу я отвоевала.

— Тебе нужно внимательно ознакомиться с договором, — улыбнулся он, поднимаясь. — Прошу меня простить...

— К которому часу мне быть готовой? — Я тоже убрала салфетку, чувствуя, что на этом обед можно считать оконченным.

Приняли меня в семье очень даже неплохо, но я тяжело привыкала к чужим. А тут еще не совсем понятные обстоятельства.

Профессор подошел к Людмиле Викторовне, наклонился, поцеловал ее в висок:

— Прикажешь подать кофе в кабинет?

— Конечно, дорогой, — улыбнулась ему Людмила Викторовна. — Тебе составить компанию?

— Буду благодарен, — без малейшего намека на игру, очень искренне произнес профессор и лишь теперь посмотрел на меня. — Выезд в шесть. К ужину вернемся.

— Я буду готова, — поднимаясь, заверила я Данилу Евгеньевича. — С вашего позволения...

Юля зашла ко мне минут через пятнадцать. И опять принесла молоко и булочки. В своих пристрастиях в еде мы с ней были похожи.

— Ну у тебя и характер! — ставя на стол кувшин и тарелку, несколько осуждающе протянула она. — Ты перед отцом должна испытывать пиетет, а ты...

— А я что? — заулыбалась я. — Веду себя как невоспитанная особа?

— В том то и дело, что как воспитанная, — хмыкнула Юлька, устраиваясь в кресле у камина. Тот хоть и не был зажжен, но все равно добавлял уюта. — Он хочет о тебе позаботиться.

Самое смешное, что она была права. Но...

Будь я Александрой Салтыковой, с радостью приняла бы помощь.

Но Александрой Салтыковой я не была, и это накладывало определенные обязательства. Чем меньше ты кому-то должен, тем легче будет рвать связи, если вдруг придется неожиданно исчезнуть.

— Я очень уважаю твоего отца, — произнесла я серьезно.

Подойдя к столу, разлила молоко по стаканам. Один отдала Юле.

— Меня учили, что я должна рассчитывать только на себя, — слегка «приоткрылась» я. — В семь лет я уже умела не только прибираться в своей комнате, но и готовить. С тринадцати каждые каникулы работала санитаркой в больнице. И только год назад мне разрешили помогать медицинским сестрам и присутствовать на обходах.

— Ничего себе! — не без удивления воскликнула Юля. — Я-то думала, меня не слишком балуют, а тут...

Я пожала плечом — все это было не в тягость.

Интересно, что бы она сказала, поведай я ей о других своих занятиях?!

— Расскажи мне об Антоне, — решила я сменить тему.

Несмотря на то что встреча состоялась еще вчера, обсуждать мальчиков и будущий пикник мы с Юлей не стали. Нас больше интересовали столичная мода и едва ли не обязательные для студенчества тусовки, где устанавливались новые связи и завязывались нужные знакомства.

— О Тохе? — переспросила Юля, взглядом попросив поделиться булочками. Когда я протянула ей тарелку, сграбастала одну. — У него есть только два недостатка. Любовь к скорости и то, что он — Мещерский.

— Княжеский род, — вздохнула я. — И близок локоток, да не укусишь.

— Это ты точно заметила, — кивнула Юля и, отломив, сунула кусочек в рот. — Но дружить ведь это не мешает, — добавила она, так и не прожевав.

— Неожиданная мысль, — рассмеялась я. — И очень глубокая.

— Ничего ты не понимаешь, — отмахнулась от меня Юля. — Вот познакомишься с ним поближе...

Если честно, знакомиться с ним поближе мне не хотелось.

Да, симпатичный. Да, первое впечатление очень даже приятное. Но любой княжеский род — это пристальный интерес, которого мне следовало избегать.

— Мы как-то зимой пошли на пруды, кататься на коньках, — подобрав под себя ноги, как-то даже не серьезно, а словно заново переживая, начала вдруг Юля. — С нами была Янка. Злилась я тогда, хотелось побыть с друзьями, да и взрослой себя чувствовала, не было желания с малой возиться. Ну и не уследила, та на тонкий лед вылетела. И провалилась.

Не знаю, что подействовало на меня сильнее: слова или тон, которым она говорила. Вздогнув, передернула плечами.

Даже и сильные морозы, даже когда лед полностью встанет, можно случайно попасть на такую вымоину. То течение, то теплый ключ, то какая другая причина...

— Тоха бросился в воду не раздумывая. Лишь скинул куртку да коньки. Ухнул в промоину, только мы его и видели. Я даже забыла, что

он стихийник, что один из двух даров у него как раз вода.

— Это ничего не значит, — возразила я.

Видела я таких... водников. Достаточно растеряться, чтобы забыть обо всем, что умеешь. И это взрослые люди, а тут парень...

— Не значит, — как-то мудро посмотрела на меня Юля. — Водоворот там был. Янку утянуло к самому дну, но Тоха справился. Вытащил.

— Ох, как вам потом влетело!.. — нарочито глубокомысленно протянула я, слегка разряжая обстановку. — Причем всем троим.

— Ты даже не представляешь как! — рассмеялась Юля. Вот только смех ее был грустным. — Мне пришлось писать заметку об этом самом происшествии. Вроде как для полного осознания. И ведь подействовало. Пишу, а сама представляю, что Янка могла погибнуть...

— А Тохе как досталось? — опять переключила я подружку.

— Этот до сих пор отдувается, — уже значительно спокойнее отозвалась Юля. Откусив булочку, запила молоком. — Он собирался на юридический, но глава рода решил, что таким отважным самое место в военном училище.

— Не поняла? — действительно не поняла я.

Говоря про наказание Антона, я, скорее, шутила. Как на мой взгляд, так достойный поступок. Пусть и рискованный.

— На прудах специальная служба есть, — вздохнула Юля. — Тоха опередил бойца на десяток секунд, не больше.

— Этих десяти секунд...

— А у Янки от переживаний дар открылся, — согласно кивнув, перебила меня Юля. — А то родители уже переживали, что все, совсем бесталанная.

— Вода?

— Огонь. Да так пробило, что отец несколько суток от нее не отходил. Боялся, как бы дом не спалила. Потом пришлось наставника нанимать, чтобы научить дар контролировать.

— Не похожа она на огневика, — обдумав рассказ Юли, заметила я.

Как бы ни хотелось обратного, но стихия сказывалась на характере, добавляя тем же огневикам склонность к ярким вспышкам и необдуманным поступкам.

Водники чаще всего были отстраненными, себе на уме. Воздушники — заводилами, легкими в общении. А земляные отличались степенностью и взвешенностью действий и суждений.

Так было не всегда и не со всеми, но...

Самое интересное случалось, когда в одном человеке просыпались две противоположные стихии. Иногда даже доходило до казусов с невозможностью принять однозначное решение.

Поэтому уже давно было, пусть и негласно, принято, что в подобных случаях лишали права наследовать главную линию рода. Либо блокировали одну из стихий, что тоже иногда приводило к плачевным результатам.

— Это она пока тебя стесняется, — «успокоила» меня Юля. — Вот привыкнет... Слушай, — неожиданно сменила она тему, — а у тебя есть в чем идти с отцом? Пациенты у него серьезные, никаких джинсов и прочей фигни.

Вопрос был интересным.

Ответ...

Ответ мог найтись только в гардеробной, которую мы и направились инспектировать.

* * *

Машину Юли я уже видела — малоформатный внедорожник. Не сказать, что он ей подходил, но как минимум лично у меня не вызвал удивления. Для студентки-журналистки самое то. И по городу и за городом, если не углубляться далеко на периферию.

Техника же, стоявшая у крыльца, ассоциировалась только с одним эпитетом — миленькая. Небольшая, вся какая-то округлая, да еще и лупоглазая — фары для морды этой машины были слишком велики. Хорошо еще не красная, а приятного василькового цвета.

В такой неплохо бы смотрелся какой-нибудь провинциальный лекарь. Маленький, толстенький, в пенсне и обязательно лысенький.

В отличие от возникшего перед глазами образа профессор был все-таки выше среднего роста. Да и фигура не подкачала. В свои не меньше чем пятьдесят он был подтянут и крепок. А уж шевелюра... Такой любая прелестница позавидует.

Не могла машинка принадлежать и Людмиле Викторовне. Она дама классического вида, так что эта красотка по стилю ей точно не подходит.

— Уже познакомилась с моей девочкой? — вывел меня из задумчивого созерцания довольный голос профессора.

— Если вы о машине...

— О ней, о ком же еще, — посмеиваясь, перебил меня профессор. Открыл пассажирскую дверь, предлагая устраиваться.

Перебрав весь гардероб, для первого визита мы с Юлей выбрали скромное «школьное» платье, простоту которого разбавлял ажурный кардиган.

Судя по тому, что, окинув меня быстрым взглядом, профессор ничего не сказал, не ошиблись.

— Миленькая, — когда в машину сел и профессор, все-таки озвучила я собственное впечатление.

— Тогда познакомлю вас поближе, — усмехнулся Данила Евгеньевич и нажал на газ.

Готовясь к поступлению, карту Москвы, насколько это было возможно, я изучила. В поездке мне это несколько не помогло. Добирались мы до места минут тридцать, и все это время петляли по дворам, дворикам, переулочкам...

Через какое-то время я перестала следить за дорогой, предпочтя наблюдать за профессором. Ездой он наслаждался. С упоением переключал скорости, с добродушным бурчанием вписывал машину в поворот, посвистывал, чуть слышно пел что-то незнакомое...

Все это оставляло приятное ощущение. Ощущение легкости и беззаботности. Я даже забыла, куда и зачем мы ехали. Просто откинулась на спинку сиденья и расслабилась, позволяя себе не думать ни о чем, а лишь быть здесь и сейчас.

Закончилось все резко. Мы вывернули из какого-то закоулка и, проехав еще немного, буквально уперлись в преградивший нам путь шлагбаум, рядом с которым стояло четверо вооруженных бойцов.

Как только машина остановилась, один из них направился к нам. Подошел он со стороны водителя. Наклонился, заглянул внутрь через открытое окно...

Его действия выглядели ленивыми, но я в игру не поверила. Андрей тоже двигался так, словно делал одолжение. А потом раз — и

ты уже лежишь мордой в пол, не в силах не то что двигаться, а даже и дышать.

Остальные трое тоже стояли не сбившись в кучу, а вроде и рядом, но каждый по себе.

— Рад видеть вас, Данила Евгеньевич, — наконец произнес боец. — Давно вас не было.

— К сыну ездил, Сережа, — заулыбавшись, отозвался профессор. — Да и девочку себе новую завел. Хорошенькая?

Боец улыбнулся — похоже, они были неплохо знакомы, но тона не поддержал:

— У вас новая помощница?

— Твоя проницательность делает тебе честь, — явно продолжая провоцировать, заметил профессор.

— У нас других не держат, — все так же ровно ответил боец. — Я могу посмотреть документы барышни?

Не дожидаясь просьбы профессора, открыла сумочку и достала так называемый детский паспорт, который выдавался в четырнадцать и должен быть заменен в восемнадцать. Повернувшись, хоть и мешал ремень безопасности, протянула бойцу.

Тот взял, раскрыл, посмотрел на фотографию, на меня... Открыл страницу, на которой делались отметки о социальном статусе. Пока что их там было две: окончила лицей и подала документы в ММА.

— Вы можете ехать, — вернув мне паспорт, выпрямился боец.

Отойти не успел.

— Сергей, завтра загляни ко мне на кафедру.

— Данила Евгеньевич... — вновь наклонился к нам боец. — Вы и так...

— Не спорь! — жестко оборвал его профессор. — К трем сможешь?

— Обязательно буду; — заверил этот самый Сергей и снова улыбнулся. — Спасибо!

— Спасибо скажешь, когда снова козликом скакать начнешь, — фыркнул Данила Евгеньевич и демонстративно закрыл окно.

Дальнейший путь был более понятен. Прямо, прямо, прямо...

— Что у него с позвоночником? — после третьего поворота, мимо которого мы тоже проехали, спросила я.

Профессор больше не посвистывал и не пел себе под нос. Напряжением то, что я чувствовала, тоже не было. Он словно что-то переживал внутри и не мог с этим справиться.

— Молодец, что заметила, — несмотря на некоторую отстраненность, не оставил он меня без ответа. — Спасал детей из горящего дома. Когда последнего вытаскивал, балка упала. Пацаненка собой прикрыл, но позвоночник ему порвало. Полгода восстанавливали за счет генерал-губернатора. Вроде как поощрение за подвиг. Но когда шрамы свели да собрали более или менее, о нем и забыли. А о том, что ему теперь постоянно реабилитация нужна, думать никто не стал.

— А вы? — Я посмотрела на профессора с уважением. В отличие от многих он был способен на поступок.

— А я помогаю по мере сил, — огрызнулся Данила Евгеньевич. Было заметно, что тема собственной благотворительности — его услуги стоили, скорее всего, весьма недешево — ему была неприятна. — Дом, в который едем, княжеский. Меня там принимают как своего, а вот ты...

— Я знаю свое место, — ответила я спокойно.

Княжеские роды — отдельная история, к которой я не хотела бы иметь отношения. Но пациентов не выбирают. Тем более в моей ситуации.

— Да не место ты свое знай, — вдруг рыкнул профессор, — а помни, что ты — будущая целительница. Но пока еще молодая и только учишься.

Кивнув, опустила голову, потому как задорная улыбка так и просилась на лицо.

Хорошо, что есть такие люди, как профессор. Без них этот мир был бы не столь светлым и доброжелательным.

* * *

— Тамара Львовна, позволь тебе представить мою новую помощницу. Александра.

Оценить размеры усадьбы, в которой нас ждали, мне не удалось. Ее границы терялись где-то за комплексом построек и парком.

Центром был огромный хозяйский дом, беломраморную колоннаду парадного входа которого венчал треугольный фронтон.

Нас запустили через другой, боковой. Снаружи он выглядел значительно скромнее, но внутри был роскошен, сразу же поразив мой неискушенный взгляд.

Впрочем, неожиданностью для меня это не стало. Профессору достаточно было упомянуть про княжеский род, чтобы я уже не питала иллюзий, догадываясь, что именно нас ждет.

— Александра, — сделав шаг вперед, склонила я голову, выказывая почтение.

Не совсем по этикету, но Данила Евгеньевич правильно напомнил о том, что я — будущая целительница. Для нас все было чуть-чуть иначе.

Если коротко, то во взаимоотношениях с пациентами целители излишне не расшаркивались. Да, все вежливо и корректно, но без особого подострастия перед сословными привилегиями.

— Наша будущая гордость? — без малейшего намека на иронию внимательно осмотрела меня Тамара Львовна.

Я в долгу не осталась. Была не столь откровенной, но не менее внимательной. Около пятидесяти — целителя не обманешь, — но в прекрасной форме. Даже если очень придирается, больше сорока ей не дать.

Красивая, но это неудивительно. Многие поколения отбора и своевременной магической корректировки.

Приятной, а главное, здоровой комплекции, когда и не худая, но и не полная. Хорошая физическая форма — телом регулярно занимались, поддерживая его кондиции.

Волосы темные, блестящие. Глаза карие, чистые, взгляд ясный. Кожа...

— Мне подняться? — сбила меня с осмотра Тамара Львовна.

Я слегка ступевалась — сама не заметила, как начала диагностику, но тут же спокойно посмотрела на профессора, вроде как спрашивая, продолжать или нет.

Он кивнул и ободряюще улыбнулся. Мол, так держать.

Я и без его благословения была готова действовать, а уж с ним...

В конце концов, он сам сказал, что ему будет интересно услышать мое мнение.

— Буду благодарна, — вновь посмотрела я на Тамару Львовну. — И, если вы позволите, я подойду ближе.

— Конечно-конечно, — заулыбалась она, но я не обманулась. Во взгляде была такая смесь, что если раньше не сталкиваться, то и не разберешься.

Но я видела. В больнице, где практически у каждого в глазах пробивалось что-то подобное. Граничащая со страхом тревога. Не желающая подышать надежда. И вера, что если не тот врач или целитель, то уж этот точно поможет. Пусть и не сегодня, но уж завтра обязательно.

И это было более чем странно. Она имела возможность обратиться к лучшим целителям. И не только российским.

Отбросив лишние мысли, подошла ближе к Тамаре Львовне. Вновь запустила диагностическую магему. Не ту, которую использовала в поезде, малую. Чтобы получить направление поиска.

От центра к периферии, начиная с сердца и коронарных сосудов...

Диссонансом ударило едва ли не сразу. Конфликт между физическим телом и той оболочкой, с которой мы в основном и работали.

Оставив это вопросом, пошла дальше, собирая полную картину.

Сердечно-сосудистая, дыхательная, пищеварительная, мочевыделительная...

Пройдясь по системам органов и не найдя серьезных отклонений, вернулась к тому, с чего начала — к конфликту физического тела и его полевой структуры. Оценила состояние внешних оболочек, спустилась вглубь, к каналам...

Пока не дошла до левой ноги, все было относительно нормально. Да, «шрамы» от разрывов имелись, намекая либо на бурную молодость, либо на хорошо залеченные ранения, но ничего, что могло вызвать подобный дисбаланс.

А вот нога...

— Я готова, — «очистив» руки, развернулась я к профессору.

— Слушаем, — посмотрел он не на меня, а на Тамару Львовну.

Кабинет, в котором мы находились, был небольшим и уютным.

Вроде бы какое отношение имеют друг к другу уют и рабочая обстановка, но у того, кто обставлял эту комнату, получилось создать одно, не нарушив другого.

Основной оттенок тоже был приятным. Серый, но какой-то легкий, ненавязчивый. Где-то чуть светлее, где-то слегка темнее... Немного черного — сам рабочий стол и теплого белого — диван и кресла в уголке для отдыха не столько контрастировали, сколько добавляли обстановке сочности.

Странно было думать об этом сейчас, когда...

Нет, ничья судьба сейчас не решалась — все, что я собиралась сказать, они оба знали уже давно, но все-таки момент разочарования здесь точно присутствовал.

— Думаю, про легкое расстройство пищеварительной системы говорить не стоит. Скорее всего, это связано с некоторым злоупотреблением ягодами и фруктами.

Тамара Львовна слегка потупилась, словно я выдала ее тайну. Данила Евгеньевич мягко усмехнулся и погрозил ей пальцем.

Если бы и все остальное было так просто...

— Коллапс основного заднемедиального канала левой ноги. Созданный вами, Данила Евгеньевич, искусственный, с работой не справляется. Забивается время от времени, что требует его регулярной чистки. Когда напряжение в нем нарастает, идет излишняя нагрузка на сердечно-сосудистую и дыхательные системы, что приводит к болям в груди и одышке.

Я, выдохнув, подняла глаза, встретившись со взглядом Тамары Львовны.

Что в нем было...

Ничего в нем не было, кроме поразительного спокойствия.

— Метод лечения неизвестен, — понимая, что это как раз тот случай, когда, сказав «а», нужно говорить и «б», продолжила я, — но об этом вы и без меня знаете.

С минуту она молчала. Настоящая княгиня, с улыбкой на устах принимающая смертный приговор...

Я утрировала. С ее положением и деньгами про приговор речь не шла.

— Это был взрыв гранаты с магической начинкой, — неожиданно заговорила она. Подойдя к креслу, стоявшему слева от столика, присела.

Про настоящую княгиню я не преувеличила. Надменности и высокомерия в ней не было, а вот той высокородной отстраненности, с

которой принимала жизненные перипетии, предостаточно.

— Персидский конфликт, — сложив руки на коленях, продолжила она так же спокойно. — Мой супруг был посредником, участвуя в урегулировании вопроса, но не всем это нравилось. Меня беременную выкрали из дома. Несколько дней держали в подвале в антимагических браслетах.

— Тамара... — решительно подошел к ней профессор. Присел на корточки. — Посмотри на меня.

Она выполнила просьбу... А потому улыбнулась. Грустно.

— Со мной все в порядке.

— Я же...

— Я не знаю почему, но уверена, что она должна это знать, — перебила его Тамара Львовна.

Он не ответил. Качнул головой. Поднялся...

— Меня спасли, но во время отхода группа попала в засаду. Был бой...

— Чтобы не навредить ребенку, вам не сразу оказали помощь. А потом было уже поздно, — закончила я за нее. — Извините.

— Ну что ты! — На этот раз ее улыбка была другой. Она словно пыталась поддержать меня в том, что я не могу ничего изменить.

Меня! Поддержать! Это было странно и больно. Спасение пришло откуда не ждала...

— Как хорошо, что я тебя застал, — буквально ворвался в комнату мужчина.

Заметив меня, остановился. Окинул изучающим взглядом, пройдясь им сверху вниз.

Я невольно поежилась. Властности в нем было более чем достаточно. Властности и опасности, которой он фонил.

— Я чего-то не знаю? — похоже, сделав выводы и потеряв после этого ко мне интерес, обратился он к Тамаре Львовне.

Волнения в голосе не было — та же властность, что и во взгляде, и в позе, но оно присутствовало.

Я — целитель, я это чувствовала.

— Просто воспоминания, — мягкой улыбкой успокоила его Тамара Львовна. — У Данилы новая помощница.

— Я заметил, — «обмяк» вошедший. — Ты ведь представишь мне барышню? — вроде как поддел он профессора. — Или мне самому?

Данила... Поддел... Профессор, когда говорил, что в этом доме его принимают за своего, лукавил. Он действительно был своим. И уже давно.

— Моя помощница, Александра Салтыкова. Из младшего рода, — с легкой ухмылкой предвосхитил он уже готовый сорваться с уст мужчины вопрос. — Князь Трубецкой, Трофим Иванович. Мой...

Он еще что-то говорил, но я словно оглохла.

Князь Трубецкой!

...Он как акула, схарчит и даже не заметит...

...Главное, не привлечь его внимания. В противном случае лучше самоубиться. Будет не так страшно и больно...

В разговорах отца с Андреем, Ревазом и дядькой Прохором, которые я подслушивала, имя князя Трубецкого упоминалось не раз. Не все я поняла — большую часть просто не удавалось расслышать, но для осознания того, что князь не среди наших друзей, вполне хватило.

И вот теперь... Лично у меня было ощущение, что я сама, добровольно, сунулась к тигру в клетку.

* * *

Биология тоже на «отлично». Как гарантия поступления. И не важно, что через десять дней будет еще один поток. Высший проходной балл я уже получила.

Ночь перед экзаменом была бессонной. И не волнение стало тому причиной, а вопрос: что делать? С одной стороны, не хотелось и дальше мелькать перед глазами князя Трубецкого. С другой...

Так и металась до утра, как в помутнении. То в одну сторону, то в другую. Немного «прояснилось» к экзамену. Тут хочешь не хочешь, а надо брать себя в руки. Однако стоило выйти за дверь экзаменационного зала, как сомнения нахлынули с новой силой. Перед глазами стоял то образ Тамары Львовны — еще совсем молодой, носившей под сердцем ребенка, то ее супруга, князя Трубецкого.

И взгляды. Его. Ее.

Хоть вой, но ведь не поможет.

Я уже и вправду собиралась разреветься — благо в коридоре находилась одна, как на меня «снизло». Целитель я или нет?! А

если целитель...

Как тогда, в поезде, приняв решение, больше не колебалась. Выйдя из здания, в котором принимали экзамен, направилась ко второму, где находилась кафедра практического целительства.

Не скажу, что эта короткая дорога далась легко. Вновь появились сомнения и желание развернуться, раз и навсегда забыв про свой порыв, но я продолжала идти, пока не поднялась на второй этаж и не остановилась у первой же двери ведущего направо коридора.

Тихонечко стукнула, вроде как проявив воспитанность, быстро открыла дверь, чтобы уже окончательно не дать себе отступить.

Профессор сидел за столом и читал что-то с экрана планшета. Людмила Викторовна, которую я тоже ожидала увидеть, устроившись в кресле, листала журнал.

Заметили меня оба сразу. Переглянулись.

— Что-то случилось? — поднялся Данила Евгеньевич. — Завалила экзамен?

Качнув головой — на горло словно петлю накинули, резко выдохнула. Бывало у меня такое. От излишнего волнения спазмом стягивало.

— Я должна была еще вчера сказать...

— Так, подожди, — остановил меня профессор.

Подойдя, усадил меня на диван. Сам, подхватив стул, сел напротив.

Как ни странно, но этого времени хватило, чтобы окончательно успокоиться. Ну и принять тот факт, что делаю все правильно.

— А теперь рассказывай. — Мягкой, доброжелательной улыбкой он дал понять, что готов услышать все что угодно и поддержать меня в любой ситуации, какой бы она ни была.

И я ему верила.

Хоть и не должна была.

Бросив взгляд на Людмилу Викторовну — та отложила журнал и теперь наблюдала за нами, сосредоточилась. Поведать всего я не могла — имелись нюансы, о которых не стоило никому знать, так что мне предстояло быть весьма аккуратной и следить за словами.

Мысленно попросив прощения у отца — он ведь не мог предположить, в какую ситуацию попаду, как школьница сложила руки на коленях и начала издалека:

— Мне было около десяти. Со мной уже занимались, но результат был слабым. А иногда его и совсем не было. И вот в один из таких моментов я сорвалась. Закатила истерику, кидалась всем, что попадало под руку. Кричала, что бездарная, что у меня нет сил. Что лучше от меня отказаться сразу, чтобы не было стыдно.

— Тебе это никого не напоминает? — то ли поддерживая меня, то ли ностальгируя, вдруг произнес Данила Евгеньевич.

Людмила Викторовна в ответ загадочно улыбнулась, потом хохотнула...

Когда со мной произошла та история, отец сказал, что такое случается со всеми хорошими целителями. Момент неверия в самих себя. Мне было десять, но я запомнила. А еще я поверила. Не в себя — отцу. И верила всегда, даже когда хотелось плакать. И не важно от чего. От брезгливости, вынося судно. Или от усталости, сотни раз отрабатывая магеми.

Вздыхнув — несмотря на бурную жизнь, по отцу я уже соскучилась, решила продолжить:

— Тетя, у которой я тогда жила, дала прореветься, а потом, когда успокоилась, рассказала историю. Это случилось во время Персидского конфликта. В деревню после тяжелых ранений вернулся молодой мужчина. Был он огневицом, и очень сильным. Но попал под обстрел, его посекло осколками, в том числе и от магических снарядов, которые перебили не только заднемедиальный канал ноги, но и несколько периферических.

— Без постоянной целительской поддержки — безусловная ампутация, — вздыхнув, посетовала Людмила Викторовна.

— Вот именно! Ампутация. Он это знал, но от операции отказался. Мол, бабка — знахарка, все поправит. И она действительно поправила. Через месяц мужчина начал потихоньку ходить, а через полгода уже выплясывал на собственной свадьбе. Я тогда подумала, что тетя этим примером хотела мне сказать, что главное — верить, но спустя несколько лет история получила продолжение. Та бабка умерла, и мужчина пришел к наблюдавшей за ним много лет тете, чтобы передать секрет лечения.

— Подожди... — воспользовавшись паузой, подобрался профессор. Только был таким умиротворенным добрячком, а тут...

Нет, гнили я в нем не чувствовала. Скорее азарт естествоиспытателя, готового за открытием отправиться хоть на край света.

— Люсенька... — Он растерянно посмотрел на супругу.

— Я услышала то же, что и ты, — опередила профессора Людмила Викторовна.

Поднявшись, налила в стакан воды из стоявшего на столике графина, подала Даниле Евгеньевичу:

— Выпей, пока не взорвался.

Тот осушил стакан несколькими крупными глотками. Выдохнув, вскочил, дошел до окна, развернулся...

Я и не хотела, но улыбнулась. Наблюдать за находившимся в смятении профессором было весьма познавательно. Как морщит лоб, как шевелит губами, собираясь сказать, но не находя в себе сил произнести то, что рвалось изнутри. Как отводит взгляд, чтобы тут же вновь посмотреть на меня...

Дождаться, когда он все-таки задаст свой вопрос, я не стала:

— Как оказалось, все было очень просто и имело прямое отношение к моим детским стенаниям.

— Просто?! — возмущенно вскинулся профессор, но тут же затих. Лишь смотрел на меня так, что хотелось его пожалеть.

Пожалеть я не могла, а вот удовлетворить зудевшее любопытство — вполне.

— При лечении коллапса каналов используют мощные потоки, пытаюсь их пробить. А бабка, которая на самом деле оказалась прабабкой, воздействовала, как он сказал, буквально капелюшечками и начиная с одной минуты.

— Капелюшечками? — растерянно посмотрев на супругу, переспросил профессор. Потом задышал тяжело...

Я вскочила, уже «собирая» пальцами магему, но все-таки надеюсь, что Данила Евгеньевич не вознамерился прямо здесь свалиться с ударом.

С выводами я поторопилась.

— Люсенька, ты слышала?! Капелюшечками и по одной минутке. Это же так просто... Неиспользуемый канал становится хрупким и от мощного потока разрушается. А тут всего лишь капелюшечка и по минутке...

Людмила Викторовна его воодушевления не разделяла.

— В этом-то и проблема, Даня. — Она вновь устроилась в кресле, в котором сидела, когда я пришла. — Мы принимаем в академию тех, кто вырабатывает средний или сильный поток, и отсеиваем с малым, потому что в обычной практике он неэффективен. У нас просто нет специалистов, способных работать на таком уровне. Чтобы справиться с подобной задачей, целитель должен обладать запредельной концентрацией и точностью дозирования. Боюсь, даже тебе это не по силам.

Пока Людмила Викторовна говорила, профессор смотрел на нее с недоумением. Словно то, что слышал, звучало кощунственно, едва ли не посягательством на святое.

Не скажу, что я его понимала, но сочувствовала — точно. Быть совсем рядом, только протяни руку и...

— Значит, буду тренироваться! — сбивая меня с мысли, твердо, категорично произнес Данила Евгеньевич. — Ты ведь pomoжешь? — обратился он к супруге.

Поворот событий меня только порадовал. Признаться в том, что полностью овладела методикой, мне не хотелось.

ГЛАВА 4

— Можешь встать и одеться.

Данила Евгеньевич отошел от кушетки, на которой на животе лежат Сергей. Подойдя к раковине, тщательно вымыл руки. Вытер.

Парень ему нравился. Цельный. Честный. Не говоря уже про мужественность, которую доказал дважды. В первый раз — бросившись в горящий дом, где погибали дети. Во второй — через боль, встав на ноги, хотя многие и сомневались, что усилия врачей и целителей дадут результат.

— Ну как? — закончив, оглянулся он, не без удовлетворения наблюдая отсутствие осторожности в движениях, которую приметил там, на дороге.

О чем говорила скованность, профессор прекрасно знал. Накопленная усталость. Не та, которую легко снять обычным отдыхом, другая, избавиться от которой мог помочь только целитель.

Позвоночник Сергея собирали по кусочкам. И в физическом теле, и в полевых структурах. Много было сделано, но...

Мысль, пусть и не законченная, заставила Данилу Евгеньевича вздрогнуть. Во время сеанса он шел проторенным путем: очистка, корректировка, установка корсета, напиток.

И вроде все правильно — еще несколько встреч, и можно попрощаться на полгода, но исцелением сделанное назвать трудно. Только временной поддержкой, как и в случае с Тamarой.

И это профессора не устраивало. Уже давно.

А тут как гром с ясного неба: «капелюшечка и не больше минуты...»

На часть магем организм Сергея не реагировал — привыкание за счет избыточного воздействия. Часть действовали слабее, чем это было в них заложено.

А если дело в том, что покореженные каналы просто не в состоянии пропустить через себя все, что в них закачивали?!

Об этом он тоже думал не раз, но вот эта «капелюшечка» меняла его представление о необходимом процессе, переворачивая все с ног на голову.

Целительство по своей сути весьма консервативно. И хотя какие-то попытки внести новую струю в привычные действия присутствовали — на то она и академия, чтобы экспериментировать, создавать и внедрять, — говорить о прорывах не приходилось.

Впрочем, низкодозированное вливание стать тем самым прорывом тоже вроде не обещало. Но в случае удачи перспективы у методики имелись.

— Данила Евгеньевич? — Встревоженный голос Сергея на миг вернул в реальность.

— Помолчи! — не то попросил, не то приказал Данила Евгеньевич.

Подойдя к окну, оперся на подоконник руками.

Его решение экспериментировать самому было правильным. Средние и сильные потоки... Избавиться от того, с чем работал годами, будет сложно и даже в какой-то мере болезненно.

Но кто, если не он?! Ну и верная Люсенька, которая ни за что не оставит своего непутевого супруга в его изысканиях.

Но одно дело тренироваться на неживой модели, другое...

Он окинул Сергея уже другим, заточенным на исследования взглядом.

Двадцать шесть лет. Рост метр восемьдесят два. Вес — девяносто два. Если бы не травма, вполне можно говорить об отменном здоровье.

Воспитывался в кадетском корпусе — сын погибшего офицера. Затем военное училище. Служба на пограничной заставе.

Спасать детей он кинулся, когда находился в отпуске, ставшем в тот день бессрочным.

На армии — крест. Пенсия небольшая, да и той могло не быть, если бы не тот же генерал-губернатор. А на руках мать и две сестры, которых еще предстояло выдать замуж.

Со службой в частной охране помог Трубецкой. По просьбе Данилы Евгеньевича.

Хорошо, что хотя бы об этом Сергей не знал. Больно щепетилен в том, что касалось долгов.

— Сережа, а как ты смотришь на то, чтобы побыть подопытным кроликом? — решив, что в случае отказа ничего не теряет, спросил профессор.

— Новая замечательная идея? — с легким скептицизмом уточнил тот.

Явно давая понять, что на дальнейший разговор настроен, присел на край кушетки.

Рабочий кабинет был гордостью Данилы Евгеньевича.

Помещение небольшое, но уютное. Никакого слепящего белого и запаха дезинфицирующих средств, что вызывало ненужные ассоциации. Стены в мягком оттенке зеленого, аромат герани и ощущение теплого, но не жаркого дня, создаваемое несколькими артефактами, подаренными магами-прикладниками.

— Замечательная, но не новая, — улыбкой успокоил Сергея Данила Евгеньевич. — То, что хуже не будет, могу гарантировать.

— Вы же знаете, меня этим не испугать, — засмеялся Сергей, но тут же продолжил серьезно: — Данила Евгеньевич, вы так много...

— А вот об этом не надо, — твердо оборвал его профессор. Прощел за рабочий стол. Сев, придвинул к себе историю болезни Сергея. — Давай договоримся так: ты мне подходишь, чтобы отработать методику. И на этом...

— Я согласен, — с улыбкой перебил его Сергей. — И извините, Данила Евгеньевич, но быть меркантильным у вас не получается. Взгляд не тот.

Наверное, Сергей был прав. От предложения Данилу Евгеньевича самого немного корежило — использовать парня в своих интересах все-таки оказалось болезненно для совести, но с этим он был готов смириться. В случае успеха...

Говорить об успехе, еще не начав работать, не стоило, однако чутье буквально вопило: в этом что-то есть. А уж своему чутью...

Его чутье убеждало не только в возможной удаче, но и в тех проблемах, которые она могла повлечь.

И не только для него.

— Сережа, тебя ведь готовили в егеря?

— В егеря, — подтвердил Сергей, глядя уже внимательно. — Вам нужна...

— Нет, — перебил его Данила Евгеньевич, — ты меня неправильно понял. Хотя...

— Говорите как есть. Вы же знаете, для вас я сделаю все что угодно, — чуть подался вперед Сергей.

Одет он был так же, как одевалось большинство молодежи. Джинсы, кроссовки, рубашка, легкий блейзер...

Качество его одежды было неплохим, но для задумки профессора требовалось значительно лучше.

И это была еще одна возможность помочь. На этот раз материально.

— Барышню помнишь, которая была со мной в машине?

— Александра Салтыкова? — не задержался с ответом Сергей. — Помню.

— Сможешь за ней присмотреть? Когда не на службе. Я тебе...

— Про деньги давайте не будем. — Сергей поднялся с кушетки, взял стоявший у двери стул, переставил к столу. — Есть основания считать, что ей угрожают?

— Пока нет, — успокоил скорее себя, чем Сергея, Данила Евгеньевич. — Но гложет меня. Не дает покоя. Девочка очень талантливая, боюсь, как только об этом станет известно, многие роды возбудятся на ее счет. И произойдет это раньше, чем мне бы хотелось.

— Насколько раньше? — уловил суть проблемы Сергей.

— Да уже сегодня, — сетуя на энтузиазм старшей дочери, сказал профессор. — Вечером у Юли пикник на прудах с одноклассниками. Она берет с собой и Сашу. А ты ведь понимаешь...

Сергей кивнул.

О том, что Данила Евгеньевич селил во флигеле только перспективных целителей, среди заинтересованных лиц было известно.

* * *

На пруды мы приехали чуть позже семи. Опаздывать не в моих привычках, но Юля сказала, что так лучше. Мол, познакомлю сразу со всеми.

Площадка для пикника находилась у самой воды. Большой деревянный помост, на котором под тентами были расставлены столы, стулья и кресла с наброшенными на их спинки пледами.

Не обошлось и без места для танцулек. Судя по тому, что там была установлена соответствующая аппаратура, можно было говорить

о живой музыке.

— Останься здесь, — когда мы вышли из машины, бросила Юля сопровождавшему нас Сергею.

Да-да, тому самому Сергею, который останавливал для проверки машину Данилы Евгеньевича.

— Извините, Юлия Даниловна, но приказ вашего батюшки был однозначным. Вы и Александра Игнатьевна должны постоянно находиться у меня на глазах.

— А если мы вдруг захотим в кустики? — тут же нашлась эта егоза.

Смутить меня подобным вопросом было невозможно — для целителя нет неестественного в том, что касалось функционирования человеческого тела, но определенное неудобство присутствовало. Говорить о таком с посторонним мужчиной без особой необходимости точно не стоило.

— Будь вы более внимательной, — тем же спокойным, если даже не менторским тоном заговорил Сергей, — могли заметить, что кустиков поблизости здесь нет. А для удобств поставлены кабинки, которые хоть и несколько в стороне, но в пределах ограждения зоны пикника.

Юля, выслушав его, напыжилась, потом медленно выдохнула и выдала:

— Ну ты и зануда, Серега!

— Таким родился, — чуть заметно улыбнулся он и жестом указал на лестницу, которая вела вниз.

Нас заметили, когда мы еще были наверху. Приветливо замахали руками. Кто-то засвистел...

Парней оказалось пятеро. Девушек на одну больше. Это не считая нас.

Охрана тоже присутствовала. Держались по периметру, разбившись на двойки и тройки.

— Всем привет! — закричала Юлька еще с середины лестницы. — Рада всех видеть!

— А уж я-то как рада... — чуть слышно заметила я.

Поездка на пикник без «кровопролития» не обошлась. Сначала Данила Евгеньевич хотел оставить меня дома, намекнув, что неплохо бы потренироваться в том, о чем мы говорили днем.

Надо признать, что я и сама бы с удовольствием осталась. Не то что не любила подобного времяпрепровождения, просто все опять упиралось в княжеские роды. Точнее, в их представителей, которые обещали присутствовать.

Потом, смирившись с тем, что Юля без меня ехать наотрез отказалась, навязал нам сопровождение.

И опять лично я этому только порадовалась — у охраны в подобных случаях широкие полномочия, так что должно было обойтись без эксцессов. А вот Юля...

Юля не очень любила, когда ограничивали ее свободу. Причина понятна. Та самая журналистика. Успеха в этой профессии достигают люди с определенным складом характера.

— Держитесь подальше от Трубецкого, — неожиданно произнесли за спиной. Шепотом.

Я невольно оглянулась.

Сергей сделал вид, что ничего не говорил, но я все равно кивнула, давая понять, что не только услышала, но и приняла.

Впрочем, именно это я собиралась делать. Насколько получится.

— Так, — между тем спустившись, остановилась Юля, — прошу любить и жаловать. Александра Салтыкова. Младшая, — подчеркнула она, предвосхитив возможные вопросы. — С Урала. — Схватив меня за руку, буквально заставила встать рядом. — Тоху ты уже знаешь, — нарушая все правила этикета, указала она на Антона, с которым я познакомилась вчера. — Это — Иван Струпынин, его двоюродный брат.

Струпынин. Двоюродный. Мещерские — главная линия рода, княжеская. Струпынины, похоже, родня через сестру отца Антона.

Вроде и не столь опасное знакомство, но все же лучше, как и в случае с Трубецким, держаться подальше.

А так... похожи. Есть общее, породистое. Тот же нос с горбинкой, тот же волевой подбородок. Да и ростом не обижен. Высокие оба.

— Иван, — подойдя ко мне, склонил голову Струпынин. Да еще и прищелкнул каблуками, выдавая свою принадлежность к будущим армеутам.

— Саша, — протянула я руку.

Он взял ее осторожно, за пальцы. И нет, не пожал, но словно согрел. И улыбнулся... не нахально, а так, словно говоря, что он —

хороший парень.

Парень-то он, может, и хороший, но вот фамилия...

— Илья Воронцов, — поманила Юля пальчиком следующего одноклассника.

Тот подошел. Легко, без грубости, плечом оттолкнул Ивана:

— Воронцов. Илья.

— Саша, — заставила я себя дышать спокойно.

Фамилия отца до изгнания из рода была Воронцов, так что сейчас передо мной стоял родственник.

Правда, вряд ли он об этом когда-нибудь узнает.

— А вы красивая, Саша, — подмигнул он мне.

— Не обращай внимания на этого ловеласа. — Засмеявшись, Юля подошла к Илье и, развернув за плечи, толкнула в спину.

Тот даже не сопротивлялся. Но, отойдя на пару шагов, развернулся и послал мне воздушный поцелуй.

— Игорь Валдаев, — представила Юля следующего. — Твой собрат-целитель.

— Будущий полковой лекарь, — поправил ее Игорь.

Этот оказался рядом как-то незаметно. Вроде только стоял в стороне, заставляя хихикать парочку девчонок, и вот уже замер напротив.

— Валдаев, это который Иннокентьевич или Фролович? — продемонстрировала я знание целительских родов.

И ведь все так и было. Пусть и не первые, да и особыми титулами не отличались, но, если в роду в каждом поколении хоть по одному целителю появлялось, стояли наособицу.

У Салтыковых, которые младшие, отличались все девицы, и изредка дар проявлялся и в мужской линии. А вот у Валдаевых все с точностью до наоборот. Потому и прямая дорога была им в полковые лекари, что обещало не только хорошую карьеру, но и достойное место после отставки.

— Фролович, — довольно хмыкнув, протянул он руку. Когда подала ладонь, поднес ее к губам, но не прикоснулся губами, а сделал глубокий вдох, «пробуя» меня на тот самый дар. — Вы ведь оставите мне свой номер телефона? — поднял он голову, глядя на меня обаятельными серыми глазами.

— Звоните в дом Соколовых. Не ошибетесь, — с улыбкой ответила я.

Из тех, с кем успела познакомиться, он и Тоха воспринимались... нет, не безобидными — все эти парни были достойно подготовлены, чтобы заставить считаться с собой. Просто Игорь и Антон не воспринимались агрессивными по своей природе, как если бы предпочитали принимать этот мир, а не завоевывать его.

— Буду считать это разрешением, — не остался в долгу Игорь.

И отошел, уступив место последнему из компании. Александр Трубецкой, как успела шепнуть Юля.

На Тамару Львовну ее сын не был похож. На отца.

Но отнюдь не воспитанием...

— А ты ничего, — сделал он шаг ко мне и, видит Заступница, если бы не отступила, приподнял бы голову за подбородок, унижая своей снисходительностью.

— Держи себя в руках! — прежде чем я отреагировала, встала между нами Юля. — Она помощница отца. И если ты...

— Все понял! — насмешливо улыбаясь, поднял он руки. — Данила Евгеньевич тут же превратит меня в лягушку.

— Для лягушки ты еще не дорос, — разворачиваясь, через плечо бросила Юля. — Пока только до малька.

Я думала, парень взорвется, но...

Он засмеялся первым. Весело, задорно, словно говоря, что совсем не обиделся на выпад.

И, судя по тому, что я чувствовала, обиды в нем действительно не было.

Если только горечь, которую тщательно скрывал.

* * *

— Вот ты где. — Подошедший Игорь протянул мне кружку с глинтвейном. — Устала?

— Есть немного, — кивнула я.

С девчонками получилось просто. Юля подвела меня к ним, назвала всех по имени и сказала, что остальное — в процессе.

Приблизительно так и получилось. Через час я чувствовала себя в этой компании своей. Но это была не моя заслуга, а их. Приняли меня более чем доброжелательно.

— Юля сказала, что ты уже сдала экзамены.

Я оглянулась. Там, наверху, на площадке, всю танцевали. Здесь же, у воды, было не столько тихо, сколько спокойно. Умиротворенно.

Ну и прохладно, конечно. Уже совсем стемнело, и, если бы не плед, который накинула на плечи, тонкая курточка поверх футболки вряд ли бы меня спасла.

— Три «отлично», — не торопясь делать глоток, поднесла я кружку к лицу.

Глинтвейн был горячим. И — пахучим, с яркими цитрусовыми нотками, заставлявшими улыбаться.

— Кто принимал целительство? — Игорь отпил из своей кружки.

Моя была пузатой, покрытой глазурью. Его — простой, с незамысловатым узором по кромке.

— Березин, — на мгновение нахмурилась я. Воспоминания были не самыми приятными. — Было ощущение, что пытался завалить.

— Они с Дániлой Евгеньевичем давние соперники, — усмехнулся Игорь. — Но «отлично» все-таки поставил.

— Мне показалось, что на подлость он не способен, — поделилась я впечатлением. Поежилась. С воды все сильнее тянуло прохладой.

По-хорошему, нужно было подняться наверх, но не хотелось. Мне было легко и весело, несмотря на то что я устала. Не привыкла к большим и шумным компаниям.

— В этом ты права... — задумчиво протянул Игорь. — Ты пей, пей.

Отнекиваться я не стала. Сделала глоток, второй...

Вина в глинтвейне оказалось немного, только слегка разогреть. Зато специй не пожалели, но не переборщили. Вкус яркий, похожий на фейерверк.

— Вы необычные, — когда молчание затянулось, заметила я.

— Ты о том, что парни не кичатся своими княжескими родами? — правильно ухватил суть Игорь. Когда кивнула, продолжил: — Это все Юлькина работа. Она с первого класса стала заводилой, так и продолжалось до выпуска. Трубецкой как-то пытался напомнить ей ее

место, так она со всего маху двинула его учебником по голове. Тот от неожиданности даже не знал, что сказать. Только пыхтел и пыжился.

— Что, правда?! — не поверила я. Чтобы хрупкая, нежная Юля...

— О... — засмеялся Игорь, — дальше было интереснее. Тоха не разобрался, посчитал, что Сашка ее обидел. Ну и врезал еще раз. Тут Трубецкой не выдержал, двинул в ответ, ну и вновь получил от Юльки. Если бы не вошедший преподаватель, неизвестно чем бы закончилось.

— Это в каком классе было? — под его рассказ ополовинив кружку, уточнила я.

— Это... В первом старшем. В самом начале. С тех пор княжеские замашки в компании не приветствуются. Если это, конечно, не официальное мероприятие.

— Здорово! — кивнула я.

У нас было так и не так. Кичиться особо некому — ни одного титулованного, но имелись те, кто побогаче да понаглее. Внешне — не придерешься, все-таки сказывалось вбитое: не выносить сор из избы. Но вот исподтишка бывало. Меня начали задевать, когда узнали, что летом работала санитаркой. То утку — и где только достали — под парту подкинут. То грязную бумагу из туалета.

Издевались недолго. Оставив на парте «спящую» малую диагностическую магему, я уже через два дня знала, кто именно считал себя таким умным.

Первым желанием было ответить тем же самым: расслабить сфинктер ануса или мочевого пузыря проблемой для меня тогда уже не являлось, но я решила не уподобляться подонку. Просто подошла после уроков и, глядя на глумливую улыбку, положила руку на грудь. Остановить сердце я бы не смогла, а вот замедлить, вызывая даже не страх, а ужас, — да.

Вечером его отец приезжал к нам разбираться, но на попытку высказаться папенька ответил: никогда не станет мужчиной тот, кто смеет оскорблять будущую целительницу.

Как ни странно, этого хватило. Похоже, у тех, кто побывал на войне, некоторые ценности уже в глубинной памяти.

— Ну что, возвращаемся? — вернул меня Игорь из прошлого. Забрал уже пустую кружку. И вдруг подался вперед.

Его глаза оказались совсем близко. Его губы...

— А вот и наши голубки...

— Кто-то успел напиться, — резко отстранился Игорь. И добавил, разворачиваясь: — Только не влезай.

Кивать я не стала. Мало ли... Так и стояла, глядя на воду и пытаюсь понять, что это только что было.

— Девочка не там ищет покровителя, — между тем продолжил Трубецкой, которого я узнала по голосу. — Сашенька, тебе надо было ко мне или к Воронцову. Мы не обидим. Мы щедрые.

Тут уж я не сдержалась. Развернулась...

Трубецкой стоял совсем близко, в полутора-двух шагах от меня. Смотрел и скалился злой, куражливой улыбкой.

Все остальное я сделала не задумываясь. Так, как учил Реваз. Подшаг, движение корпусом и не удар, два тычка в болевые точки с коротким импульсом. Первый тут же отсушил Трубецкому правую руку, второй заставил согнуться и ловить ртом воздух.

В следующее мгновение я уже отступила, глядя на дело рук своих, но не забывая, что противник непредсказуем и может уметь блокировать подобное воздействие.

Трубецкой не умел. Покачнувшись, упал на колени и завалился на бок, тяжело, прерывисто дыша.

— Кажется, я зря торопился.

Появление еще одного участника я пропустила. Сергей возник из темноты, словно вылепился из сумрака. Вышел на пристань, окинул нас быстрым, все замечающим взглядом. Чуть расслабился и даже отошел в сторону, словно предлагая нам закончить представление самим.

Игорь не подкачал.

— У вас на Урале все девчонки такие? — отдав мне кружки, присел он рядом с Трубецким.

— Через минуту будет в порядке, — не пропустила я момент развертывания диагностической магеми.

— Ну, если так... — «очистив» руки, поднялся Игорь. — А ты тут как оказался? — посмотрел он на Сергея.

— Приглядывал за этим, — кивнул тот на почти пришедшего в себя Трубецкого. — Александра Игнатьевна, нам пора возвращаться.

Я молча вернула кружки Игорю и направилась к лестнице.

Мне очень не хотелось, чтобы все так заканчивалось, но с родовыми всегда так: один раз позволишь слабину, считай, все, не

слезут.

— А ведь она твою мать будет лечить, гаденыш! — зло прошипели за спиной.

Я развернулась... Сергей держал Трубецкого за грудки и шипел ему прямо в лицо. Игорь...

Заметив, что смотрю на них, Игорь улыбнулся и жестом дал понять, что позвонит.

Я не возражала. Без друзей и знакомых в Москве трудно. А он вполне мог стать другом.

* * *

Данила Евгеньевич еще раз посмотрел на экран, задумчиво качнул головой — ответ не стал полной неожиданностью, но все равно удивил, и позвал, помня, что одна голова хорошо, а две...

— Люсенька...

Кричать не пришлось, достаточно негромко произнести имя. После ужина оба любили посидеть в его кабинете. Он просматривал почту, верная спутница — последние новости.

— Да, дорогой? — Людмила Викторовна, отложив газеты — в этом плане она была консервативна, предпочитая старую добрую бумагу, встала с дивана и подошла к супругу. — Что-то...

— Посмотри, — развернул он к ней планшет.

Чтение много времени не заняло. Письмо было коротким.

— Только не говори, что удивлен, — хмыкнула она, возвращаясь на диван. Села, расправила юбку своего любимого платья.

Цвет «серая гавань» подчеркивал глубину ее глаз. Тонкий трикотаж приятно облегал фигуру и не стеснял при этом движений.

— Не удивлен, — протянул он, продолжая наблюдать за супругой.

Когда познакомились, ей было восемнадцать. Он на два года старше. Через месяц они были помолвлены. Через три — сочтались браком. Несмотря на поддержку родных, первое время оказалось сложным. Оба учились, потом появился первенец. Затем война.

Он невольно вздохнул, вспоминая. Целителей не хватало, призывали даже женщин.

Как же он за нее беспокоился! До сих пор вздрагивал, только допуская мысль, что могла погибнуть.

А то, что он сам... Он — мужчина. Защищать Родину — его долг.

— И что будем делать? — улыбнулся он с интересом наблюдавшей за ним супруге.

Почти тридцать лет вместе, но свою Люсеньку Данила Евгеньевич любил, как и тогда, молодым. Любил и уважал, признавая, что тем, кем был теперь, без ее поддержки не стал бы.

— Ты ведь все уже решил, — с ухмылкой поддела его Людмила Викторовна.

— Но ведь должен я услышать твое мнение, — легко парировал Данила Евгеньевич.

— Мое мнение, — тут же стала серьезной Людмила Викторовна. Привычным движением подвесила в кабинете защитное плетение, не допускавшее подслушивание.

И ведь целитель... Целителям тоже приходилось идти на ухищрения, чтобы тайна пациента так и осталась тайной.

— Давай начнем с того, что девочка она хорошая. И в ее таланте сомнений нет.

— Согласен. Будь в Саше грязь, Юля вряд ли ощутила бы родственную душу. Уж у нее на таких людей чутье, — не стал спорить Данила Евгеньевич. Откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди.

Когда Людмила Викторовна слегка приподняла бровь, намекая, что его поза при этом разговоре ей совсем не нравится, опустил руки, положив их на подлокотники.

— Второй момент, который для нас важен. Ваша встреча в поезде...

— ...была чистой случайностью, — закончил он. — В этом сомнений нет.

— И, значит, решение поселить ее в доме было твоим и только твоим решением.

— Нашим, — с легкой улыбкой поправил он.

— Нашим, — тоже улыбнулась ему Людмила Викторовна. — А дальше мы ступаем на зыбкую почву предположений.

— То, что она не Салтыкова, мы можем говорить уверенно, — указал он на экран планшета. — Ирина Константиновна...

Писать Ирине Салтыковой, троюродной тетке Александры, заведовавшей лекарским домом в Самаре и преподававшей там же в академии, Данила Евгеньевич не собирался. Но тут как под руку толкнуло.

И вот результат. Александра Салтыкова в роду действительно была. И действительно, Ирина Константиновна приходилась ей троюродной теткой. Но! Настоящей Александре было не семнадцать, а двадцать. Да и находилась она в данный момент вместе с мужем на Дальнем Востоке.

— Не можем, — заставив его удивиться, возразила Людмила Викторовна. — Салтыковой-младшей — нет, а если Салтыковой-старшей...

Данила Евгеньевич даже подался вперед от неординарности сделанного предположения.

— Ты хочешь сказать...

— Бастард. И игры с фамилией в данном случае — неплохой вариант. Та, да не та, — с намеком улыбнулась Людмила Викторовна. — А зная отношение главы рода к «лишним» детям, едва ли не идеальный. Целительницу, да такого уровня, он и не захочет, а рано или поздно признает.

Данила Евгеньевич согласился не сразу. Сначала вновь откинулся на спинку кресла, потом, словно спохватившись, что расслабляться рано, выпрямился. Сдвинул планшет...

— Ей может грозить опасность. Если мы...

— Да, может, но не от твоего к ней внимания, — поправила Людмила Викторовна супруга. — Единственное, что меня беспокоит, — твое письмо Ирине Константиновне, но я попробую избавить ее от подозрений.

— Выставишь меня старым маразматиком? — рассмеялся Данила Евгеньевич. — Мол, совсем выжил из ума, раз девиц начал путать.

— Главное, чтобы ты вnutрях ничего не перепутал, — поддержала его смехом Людмила Викторовна. Потом задумчиво произнесла: — И все-таки интересно: чья же она дочь?

Данила Евгеньевич кивнул — ему тоже было интересно, потом хмыкнул:

— А ты заметила, как она разворачивает диагностическое плетение?

Перед глазами тут же возник образ девушки, о которой они говорили. Сосредоточенное лицо, чуть наморщенный лоб. Прищуренный взгляд... А потом пальцы начинали двигаться, создавая сложный узор, от правильности которого зависела порой жизнь человека.

— Она не сбрасывает его полностью, а словно делит на блоки...

— Как делают полевые лекари! — вскочила с дивана Людмила Викторовна. Стремительно подошла к столу. — Тогда я знаю, чья она дочь!

— И чья?! — поторопил супругу Данила Евгеньевич.

От нетерпения аж сердце зашлось, застучало где-то в горле, даря ни с чем не сравнимое ощущение прикосновения к тайне.

— Василия Салтыкова, третьего из сыновей главы. Если ты помнишь...

Да, Данила Евгеньевич помнил. Спокойный, уравновешенный, может быть, даже слегка робкий Василий, бывший его студентом, преображался, когда речь заходила о целительстве.

Быстрый ум, четкие, выверенные движения. И способность брать ответственность.

Он не жил в его флигеле, но лишь потому, что не нуждался в приюте.

— Полковой лекарь гвардейского Измайловского полка. Участвовал в Персидском конфликте... — продолжая обдумывать высказанное Людмилой Викторовной предположение, протянул он. — И как раз около восемнадцати лет назад, чтобы служба безопасности рода не раскопала интрижку. А отчество? — вскинулся он, мысленно наткнувшись на несоответствие.

— Да кто его знает, — равнодушно пожала плечами Людмила Викторовна. — Может, мать в честь своего отца дала, раз уж без мужа. А может, документы такие выправили. Разве это имеет значение?

— Ну, раз не имеет... — поднялся и профессор. Обойдя стол, притянул Людмилу Викторовну к себе. — Значит, девочка остается у нас. Более того...

Людмила Викторовна взглядом дала понять, что согласна с ним.

Говорить о том, что оба будут не только покровительствовать талантливой студентке, но и оберегать ее от возможных проблем, уже не стоило.

ГЛАВА 5

— Ты на него не сердись. — Юля переложила на тарелку очередной фаршированный блинчик. Взясась за приборы. — Год назад была у него нехорошая история с целительницей из вашей академии.

Поговорить вчера вечером нам с Юлей не удалось. Во-первых, присутствие Сергея лишало разговор нужной откровенности. Во-вторых, эмоции были слишком яркими, чтобы делать правильные выводы.

Когда вернулись домой, Юля попыталась вызвать меня на откровенность, но я сослалась на усталость и пообещала, что расскажу все утром. Отвертеться от общения не рассчитывала — уже успела узнать Юлю поближе, но хотя бы собрать мысли в кучу...

Утром мне «повезло». Чета Соколовых покинула дом раньше обычного, Янка с братом, помня про каникулы, вставали только к обеду, так что за столом мы с Юлей были вдвоем.

— У всех бывают нехорошие истории, — предпочтя блинчикам сырники со сметаной, равнодушно произнесла я. — Но это не значит, что можно срывать на правых и виноватых.

— Не значит, — глядя на меня с лукавой улыбкой, заметила Юля. — Но понять-то можно...

— Понять, наверное, можно, — была вынуждена согласиться я. И, не выдержав ее взгляда, все-таки рассмеялась. — Ладно, рассказывай про ту нехорошую историю.

Эту черту — добиваться своего любыми способами — у своей новой подружки я тоже заметила. В ход шло все. А учитывая природное обаяние и талант разбираться в людях, этого всего было предостаточно.

— Да там и рассказывать особо нечего, — вроде как пошла на попятный Юля.

Теперь уже мне пришлось посмотреть на подружку по-особенному. Мол, ты подумай, я ведь могу и отомстить.

— Ой, боюсь, боюсь! — отодвигая тарелку, захихикала Юля.

— И правильно делаешь... — вооружившись вилкой и ножом, замогильным голосом протянула я.

Юля от смеха едва не сползла со стула. Я успела доесть сырник, когда она наконец успокоилась. Промокнув салфеткой выступившие от смеха слезы, долила в чашку чай, посмотрела на меня...

— Там и рассказывать особо нечего, — повторила она практически серьезно. — На балу первокурсников познакомился с целительницей. Девчонка со способностями, дворянка. Род из небогатых, но с древней историей.

— Мезальянс, но при особом желании можно и закрыть глаза, — хмыкнула я.

Этот взгляд Юли на меня был уже другим. Словно она только что сделала очередное открытие.

Я вздохнула и развела руками. Да — цинично, но лично меня жизнь от романтических бредней отучила довольно рано.

— Да не было там особой любви, — отпив из чашки, без особых эмоций заметила Юля, — но увлекся Сашка серьезно. Это Илюха Воронцов у нас ловелас, ни одной юбки не пропускает, а этот не то что разборчивый — целеустремленный. Уже с первого старшего готовился к поступлению в военное училище. Только об этом и думал.

— Так он у нас сама невинность... — с многозначительной улыбкой, глубоким грудным голосом протянула я.

Юля сначала не поняла, а когда до нее дошло, едва снова не свалилась со стула.

— Ты хоть предупреждай, — жалобно попросила она через минуту.

— Обязательно, — продолжая играть роль этакой коварной соблазнительницы, заверила я ее. — И что там про саму невинность?

— А! — отмахнулась она. — А то не знаешь, как им девок подкладывают, чтобы желания в голову не били.

— Тогда все действительно серьезно, — уже без кривлянья согласилась я с тем, с чего начался разговор.

— Более чем, — нахмурилась Юля. — Он из-за нее даже в самоволку ходил. Лишь бы встретиться, да хоть полчаса побыть вместе.

— А она?

Несмотря на душещипательные подробности, Трубецкого мне не было жалко. Увлечение увлечениями, но голова человеку дана как раз на то, чтобы думать.

Впрочем, отец не раз говорил, что иногда я весьма категорична в своих суждениях и однажды это может сыграть со мной злую шутку. Что за злая шутка, я догадывалась. Та самая любовь, способная заставить забыть обо всем, чему учили.

— А она? — повторила за мной Юля. — Как потом оказалось, интерес Трубецкого род этой барышни использовал, чтобы добиться для нее лучшей партии. Сейчас она замужем, и, что самое неожиданное, говорят, вполне счастлива.

— Ну и...

— Барышня Александра, — вошедшая служанка не дала мне закончить, — вам звонок.

Юля вопросительно приподняла бровь. Я повела плечами и многозначительно улыбнулась, предлагая самой догадаться. Лично я в том, кто звонил, даже не сомневалась.

В гостиную, где находился телефон, Юля направилась со мной. Демонстративно устроилась в кресле у столика с небрежно брошенными на него газетами и даже подперла голову кулачком, намекая на внимание и интерес.

Я — тоже демонстративно — встала к ней спиной. Главное, не видеть, как смотрит на меня. А то ведь можно не справиться с голосом и расхохотаться.

— Да, слушаю вас, — произнесла я, взяв трубку.

— Саша, доброе утро! Это Игорь...

— Узнала, — невольно улыбнулась я. — Доброе утро!

— Как обещал... Саша, — оборвал он сам себя, — предлагаю сходить в кино. А перед этим посидеть в кафе.

— Сходить в кино? — не сдержавшись, оглянулась я на Юлю.

Та, сделав «страшное» лицо, яростно закивала.

Сглотнув смешок, я отвернулась, сосредоточившись на разговоре.

— Сеанс в шесть. Мы могли бы встретиться в четыре...

Отказываться я не стала. Договорившись о времени и месте встречи, положила трубку.

И ведь не собиралась... Успокаивало меня то, что Валдаевы пусть и в первой сотне дворянского списка, но ближе к концу. Да и род целительский, родственный.

— Вот и молодец. — Стоило мне закончить, Юля вскочила, неловким движением сбросив газеты на пол. — Так всегда... —

опускаясь на корточки, посетовала она.

Посчитав себя косвенно виновной, поспешила на помощь. Первой достала ту газету, что улетела под стол. Перевернув, зацепилась взглядом не столько за заголовок «Новый виток магических войн?», сколько за название имения, упомянутое в первой же строке.

Старое городище. Имение, в котором мы жили. И дата... Два дня назад.

— Что тут? — не пропустив мой интерес, выхватила газету Юля. Пробежавшись взглядом по заметке, вернула обратно. — Ты их знала?

Качнула головой — Александра Салтыкова с Урала никак не могла знать семью сгоревшего в магическом огне изгнанного из княжеского рода Воронцовых Игната Воронина.

Его дочь, находившуюся в доме вместе с ним, я тоже знать не могла.

И старого слугу, дядьку Прохора.

И Реваза с Андреем. И тетку Полину, занимавшуюся кухней.

По данным следствия, в магическом огне погибли шесть человек, опознать которых так и не удалось. Но по свидетельствам очевидцев...

Бросив газету к остальным, отошла к окну. Сдвинула штору, слепо глядя на раскинувшийся с той стороны сад.

Яблони. Груши. Черемуха...

В том, что ни отца, ни остальных не было в доме, я не сомневалась. К чему-то подобному он готовился, так что вряд ли его могли застать врасплох.

Но шесть трупов!

После магического огня определить, кто есть кто, невозможно. Лишь пол погибшего да примерный возраст. Да и то если очень повезет. Так что...

— Саш... — подошла ко мне Юля. — Что-то случилось?

— Извини, — развернулась я. Глубоко вздохнула. — У меня богатое воображение. Да и как целителю...

Она смотрела на меня серьезно. Думала. Взвешивала. Потом кивнула, соглашаясь, что эта смерть была страшной. Обложить огнем по периметру, не оставив шанса на спасение...

Тем... сгоревшим повезло умереть значительно раньше. Безымянных трупов в лекарственных домах хватало. А уже сделать так,

чтобы их исчезновение не стало проблемой... Думаю, отец догадывался, как это будет, так что озаботился ее решением заранее.

* * *

Игнат проснулся, когда машина подскочила на кочке.

Скорее всего, эта была не первой и не последней, но именно она оказалась весьма чувствительной. Клацнули зубы, да и от удара головой спасла только хорошо тренированная реакция.

— Где мы?

— Километров сто пятьдесят до Царицына, — резко выворачивая руль, негромко отозвался Реваз. — Если не остановимся, то нас и убивать не придется. Сами уьемся.

За окном было темно, только фары выбивали из ночной мглы то ствол дерева, то вилявшую из стороны в сторону колею грунтовки, то норотивший броситься под колеса куст. Так что Реваз был прав. Убиться, может, и не убьются, но при таком раскладе лучше хорошо стоять, чем очень плохо ехать.

— Ищи, где посуше, и тормози.

— Сделаем, — дернул головой Реваз, опять кидая машину в сторону.

Им бы по нормальной дороге...

По нормальной дороге им ехать не стоило. Они хоть и сгорели там, в имении под Пензой, но в жизни бывало всякое. А им сейчас лучше бы без случайностей.

Посуше нашлось минут через десять. Колея вдруг стала не такой глубокой, почти слившись с травяным покровом. Кусты и тощие деревца отступили в стороны, больше не норовя вцепиться ветвями.

Реваз вырулил в сторону, сумев приткнуть машину за прибившуюся друг к другу осиновую поросль.

— Все, я спать. Три часа...

Он отрубился еще до того, как договорил. Просто откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и расслабился.

Игнат вздохнул, поерзал, устраиваясь удобнее. Сон он сбил — пары часов, чтобы не свалиться на ходу, было вполне достаточно. По нужде не хотелось. Есть...

Поставив отвод — до ближайшей деревеньки тоже не ближний свет, но сюрприз мог подбросить тот же случай, открыл магофон, влез в почту.

В отличие от телефона магофон штука значительно более дорогая и столь же значительно более надежная. К тому же без установленного маячка не отследить, да и от близости цивилизации не зависит.

Еще более серьезная игрушка — амулеты. Но это уже когда критично.

Новых писем оказалось два. Одно от Андрея, второе от Трубецкого.

Игнат хотел бы увидеть весточку и от Саши, но так было даже лучше. Тем более запретил сам.

Трубецкой был немногословен. Коротко рассказал о событиях в поезде. Об интересе профессора Соколова, о флигеле...

Та самая случайность, от которой никто не застрахован.

В последних строчках упомянул о Дедове. И хотя достоверно известно не было, он это или нет, предполагать стоило худший вариант.

Дедов, Дедов...

Во время Персидского конфликта он служил в том же полку, что и Игнат. Потом, как оказалось, подвизался топтуном у Трубецкого. По сведениям, которые раздобыл Реваз, нынешний Дедов обосновался в службе безопасности князя Бабичева, чей род имел и имеет обширные связи с персами и турками. И хотя сам факт смены хозяина ни о чем не говорил, но, по словам того же Реваза, в этой истории все было не столь просто, как казалось на первый взгляд. А если уж присмотреться...

Упоминание Дедова вытянуло воспоминание о далеком прошлом. Как иллюстрацию к вопросу: а если бы все изменить...

Изменить было невозможно, только закрыть открытый когда-то вопрос.

Восемнадцать лет... А помнилось, словно произошло только вчера.

Персидский конфликт переходил в стадию затишья. До мира еще далеко — не все на той стороне осознали, что императорская армия шутить не собиралась, но активные действия практически не велись. Противнику было уже нечем — рассчитывали на лояльность местных,

но просчитались. А их командование не собиралось проливать лишнюю кровь, имея все шансы получить нужное без дополнительных усилий.

В один из таких тихих вечеров командира полка предупредили о шедшей с той стороны разведгруппе. Приказ был категоричным: противника отвлечь, группу встретить, раненому, о котором сообщили, оказать помощь.

Сигнал к началу операции поступил под утро. Потом бой. Он вместе с Андреем, Ревазом и еще двумя бойцами из тех, кто и с голыми руками против автомата выстоит, под эту какофонию ушли в чужой тыл, где ждала группа.

Разведчиков оказалось двое, еще одного уложили в промежуток между предупреждением и сигналом. Да и эта парочка... Одного Игнат подлатал, чтобы хватило на прорыв. Второго подпитывал непрерывно, лишь бы дотянуть...

А персы словно что-то почувствовали. Давили яростно, пустив в дело не только артиллерию крупного калибра, но и магов. Вокруг все пылало, тряслось, сыпало обломками камней и песком.

Как отсекали парней и они оказались втроем, Игнат так и не сообразил. Как-то случилось.

Он, конечно, хоть и лекарь, но полковой, да еще и приписанный к разведке, так что определенные навыки имел, но... Будь на его месте Андрей или Реваз, все вышло бы иначе, однако история не признавала сослагательного наклонения, принимая лишь «здесь и сейчас».

На свою сторону они вернулись вдвоем. Третий, который только и стоял на ногах, прикрывал.

Парня на операционный, документы, которые нес, командиру полка. И вроде бы — все, сделал дело...

Налет начался практически сразу после этого. Самолеты шли плотно. Тараном пробивали магический купол, падали, вспахивая тушами и их обломками землю. Те, кто прорывался, сбрасывали бомбы...

Земля дрожала, взбрыкивала, сбивая с ног. Остро пахло опаленным металлом, кровью. От гула и взрывов закладывало уши. Как рвануло рядом со штабным блиндажом, Игнат увидел, поднимаясь после очередного падения. Кинулся туда...

Все остальное было на каком-то наитии. Выстрелил он в якобы фельдъегеря раньше, чем разглядел кровавое пятно на груди полковника. Перехватил падающий пакет с документами, кинулся к командиру...

Тот был еще жив, но все, на что ему хватило сил, это прошептать несколько слов, из которых Игнат разобрал только два: «спрячь» и «Трубецкой».

Раздавшийся за спиной шорох заставил Игната подобраться, но это оказались свои. Андрей и Реваз. Только вернулись.

К счастью, объяснять, что произошло, не пришлось. Сами поняли. Да и одежда на фельдъегере была явно с чужого плеча. Со следами от выстрелов.

Документы, часть из которых была копиями протоколов допроса, просматривали по диагонали. Андрей стоял у приоткрытой двери, контролируя подходы, Реваз вместе с Игнатом у стола.

Матерился только Реваз. Не по-русски, по-своему. Потом забрал бумаги и исчез. А Андрей, вытолкав Игната из блиндажа, буквально за шкуру уволок поближе к лекарке.

Через сутки прилетели дознаватели. Всех трясли как грушу, но никто ничего конкретного сказать не мог. Налет был страшным. Те, кого не убило сразу, умирали еще несколько дней.

Когда конфликт с персами закончился, Игнат отправился в отпуск, познакомился с Анной, влюбился, разругался с родителями, не желавшими видеть Салтыкову в качестве невестки. Потом изгнание из семьи — он сам взбрыкнул, отказавшись и от фамилии. Скромная свадьба, гарнизон на границе с враждебным Афганистаном, рождение Сашки и нападение на крепость, во время которого погибла жена.

Игнат еще несколько лет менял полки, но, когда понял, что большие звезды на погоны ему не светят, подал в отставку и вернулся в подаренное бабкой имение под Пензой.

Искать Трубецкого он не думал. Помнил, что именно было в бумагах, и рисковать ни собой, ни дочерью не собирался.

А вот Трубецкой искал. Не его конкретно, а того, в чьих руках могли оказаться документы. И нашел, предложив стать приманкой. Ну а чтобы проникся, рассказал другую историю. И он, Игнат Воронин, бывший когда-то Игнатом Воронцовым, имел к ней непосредственное отношение.

— Ты долго будешь так громко думать? — выбил его из воспоминаний ворчливый голос.

— Так и скажи, что не спится, — парировал Игнат.

Оба, и Реваз и Андрей, подали в отставку вместе с ним. В имение отправились тоже вместе, объяснив решение привязанностью к маленькой Сашке. Возразить Игнату оказалось нечего. Они ее действительно любили. Как и она их.

— Как там Андрюха? — Реваз так и не открыл глаза.

— Откуда знаешь, что письмо от Андрея? — не без улыбки поинтересовался Игнат.

Ночь. Лес. Грунтовая дорога, ведущая хрен знает куда. И философский вопрос, важнее которого больше ничего нет.

— Ты меня совсем за сосунка держишь? — приоткрыл один глаз Реваз. — А то я ни разу не слышал, как пыхтишь, когда о Сашке думаешь. Ну и тянешь, занимаясь мазохизмом.

Реваз был прав. И пыхтел, и занимался мазохизмом, оттягивая момент, когда узнает подробности о жизни дочери. Что все нормально, ему было уже известно, а вот все остальное...

Ночь. Лес. Грунтовая дорога... Все было не важно. Главное, чтобы дочь была жива и счастлива.

А уж он для этого сделает все возможное.

Невозможное — тоже.

* * *

Кафе оказалось небольшим. Несколько столиков на улице, за живой изгородью, скрывавшей от любопытных взглядов, и под ярко-зелеными зонтиками на случай непогоды.

Чуть больше внутри, в отделанных деревом нишах. Напротив входа барная стойка, слева небольшой помост. Тоже со стойкой, но уже для микрофона.

Игорь ждал внутри. Увидев, как вхожу, поднялся из-за столика у окна, вышел навстречу.

— Это тебе. — Он протянул розу на длинном стебле. Не белую — с едва проступавшими розовыми прожилками.

— Спасибо, — искренне улыбнулась я, принимая цветок. Поднесла к лицу. Аромат был легким, прозрачным.

— Я хотел букет, но кино... — повiniлся он, подводя меня к столику.

Сегодня Игорь был при параде. Костюм-тройка, галстук, торчащий из кармана уголок платка и начищенные до блеска туфли.

Ну и как окончательный акцент — цветок, переводящий простой поход в кино в свидание.

По настоянию Юли я тоже принарядилась, выбрав из своего небольшого гардероба самое красивое платье. Тонкий трикотаж вишневого цвета, прямой силуэт, маленький воротничок, длинный рукав, поясик на талии и разрезы по бокам, начинавшиеся на уровне колен.

Платье не стесняло движений и шло мне, ненавязчиво подчеркивая достоинства фигуры. А вот сумочка была черной. Как и туфли на небольшом каблучке.

— Ты правильно сделал, — поддержала я Игоря.

Поделившись капелькой силы, тут же окутавшей и стебель и бутон, положила подарок на край столика. Теперь точно не завянет, дождавшись, пока поставлю в вазу.

Игорь, проследив за манипуляциями, вновь улыбнулся. Отодвинул для меня стул, подал меню.

Сделать выбор мне не удалось.

— А вот и мы! — влетев в зал, быстрым шагом направилась к нам Юля. Подойдя, рухнула на стул напротив.

Подмигнула. Мол, зря надеялась от меня избавиться. Положила рядом с моей вторую розу. Похожую, но более яркую и надменную.

Пришлось поделиться силой и с ней. Цветы точно были ни в чем не виноваты.

— Хорошо выглядишь, — сделал мне комплимент подошедший следом Антон. Обменялся рукопожатием с поднявшимся Игорем. — Ты ведь не против? — вновь посмотрел он на меня.

Говорить, что только рада, я не стала, просто улыбнулась в ответ.

Не люблю, когда события развиваются слишком быстро. Только вчера познакомились, и вот... Свидание не свидание, но романтикой здесь точно пахло.

После взаимных расшаркиваний мы сделали заказ. Шампанское, фрукты, пирожные...

Первый тост — за встречу. Солировала Юля. Получилось уморительно. Если верить ее словам, то мое появление в городе тянуло на судьбоносное событие.

Парни не отставали. Тоха поддакивал — да, то самое, судьбоносное. Игорь немного смущался, но мысль о том, что рад знакомству, все-таки облек в словесную форму, пусть и витиевато.

В какой-то момент и я поддалась этому безумству. Расхваливала, одаривала комплиментами, убеждая, что таких мужественных, таких привлекательных...

Все изменилось после того, как Антону позвонили. Тот, увидев на телефоне номер, обрадовался. Как оказалось, зря.

— Илюха, ну что же... — вроде как демонстрируя обиду, начал он. Потом замолчал, мрачняя с каждым словом собеседника. — Все понял. Заеду вечером.

— Что случилось? — тут же вцепилась в него Юля, стоило Тохе закончить разговор.

— Траур у Воронцовых, — хмуро посмотрел он на Игоря.

— Траур? — вскинулась Юля. — Кто?

— Младший сын главы. Сожгли в имении. — Тоха взял бокал, одним глотком выпил оставшееся в нем шампанское. — Война будет.

— Подожди, — бросила на меня взгляд Юля, — ты про то имение под Пензой?

— Про него, — вместо Тохи ответил Игорь. — Мой отец ездил сегодня в Кремль. Отвозил петицию от Совета полковых врачей с требованием тщательного расследования. Вернулся на взводе.

У меня внутри все оборвалось — не ожидала, что история получит такое продолжение, но старательно делала вид, что — да, интересно, хотя меня совершенно не касается.

— Я ничего не понимаю, — насупилась Юля. — При чем тут Воронцовы и твой отец? — впиалась она взглядом в Игоря.

— А при том, — чуть подался вперед Игорь, — что фамилия погибшего — Воронин. До изгнания из рода — Воронцов. Была лет восемнадцать назад история. То ли глава погорячился, то ли этот встал в позу, но вернулся он с войны Воронцовым, а через несколько месяцев уехал в гарнизон с молодой женой, но уже Ворониным. А еще он был

полковым лекарем, и отец его хорошо знал. Служили вместе. Говорит, таких целителей, как он, на руках носить надо, а его во всякие дыры бросали. Скорее всего, по воле того же главы. Чтобы спесь поубавить.

— А с чего тогда сейчас траур объявлять? — не удержалась я от вопроса. — Да и война...

Тоха и Игорь посмотрели на меня одинаково. Как на дуру. И оба быстро спохватились, сообразив, что я могу просто не знать всех этих столичных течений.

— Потому что это уже другая история, — первым заговорил Тоха. — Убили их. Дерзко. Страшно. Как напоказ. И тут уже род не может остаться в стороне. Своя кровь. А если еще про дочь Воронина вспомнить, которая была в имении... Илюха говорит, глава рода рвет и мечет. Девушка наша ровесница. Старший Воронцов, вопреки ссоре, хотел приветить внучку. Собирался писать сыну, чтобы привез в Москву. А тут...

Потянувшись за бокалом — требовалось срочно занять руки, поднесла его к губам. Сделала глоток.

Поворот событий оказался неожиданным. Я не знала бабушек и дедушек, а тут...

Мысль о том, что отец поторопился, была острой и жгучей, едва ли не выбив слезы на глазах, но я быстро от нее избавилась. Если пошел на такой шаг, значит, обстоятельства вынуждали действовать именно так.

— И что теперь будет? — Юля явно была под впечатлением от услышанного. Куда только делась ее веселость?!

— Будут искать — кто, — твердо, не сомневаясь в своих словах, произнес Тоха. — А вот когда найдут...

— Надо будет к Илюхе завтра заехать, — посмотрела на меня Юля. — Ты же со мной?

Честно сказать, я не хотела, но... Другой шанс посмотреть на родных, мог появиться не скоро.

* * *

Настойка была хороша. Крепкая. Пряная. Горьковатая.
Хоть и увлечение, но Трубецкой в нем достиг небывалых высот.

— Вот скажи мне, Даня, в кого он такой? Тамара — святая. Я не отличаюсь кротостью нрава, но чтобы оскорбить женщину...

Рассказывать Трубецкому о вчерашнем инциденте Данила Евгеньевич не собирался. Выслушал доклад Сергея, поблагодарил, еще раз попытался оплатить услуги, но, встретив серьезное сопротивление, временно отступил. Возвращать одежду, приобретенную для этого случая, Сергей не стал, что было более чем понятно — ему и дальше работать, а со всем остальным...

Главное, не давить слишком сильно. Чтобы парень не уперся конкретно.

Нет, заниматься благотворительностью Данила Евгеньевич не собирался. Не в данном контексте. Просто предполагал, что помощь Сергея ему понадобится еще не раз. А это — время. А время, как известно, деньги. Особенно в том варианте, когда семья из трех человек содержится на две пенсии и не самый высокий заработок, потому как без особого риска.

— Молодой он еще, — причмокнув от удовольствия, философски заметил Данила Евгеньевич. — И память у него хорошая.

Трубецкой выслушал. Хмыкнул — про память старый друг заметил точно, опустошил рюмку:

— Так что там про капелюшечки?

Данила Евгеньевич поперхнулся, посмотрел укоризненно.

Их отношения были даже не дружескими — братскими, в том лучшем смысле, когда друг за друга горой. А то, что один князь, а второй простой дворянин, никого из них особо не волновало.

Там, где грань жизни и смерти, на некоторые вещи смотришь иначе.

Им — довелось побывать и увидеть.

Впрочем, особых трений у них не было и до этого... довелось. Просто оба умели ценить главное. И хранить его, защищая от событий и обстоятельств.

— Про капелюшечки... — угрюмо повторил Данила Евгеньевич. Наполнил рюмку, выпил, собираясь с мыслями.

Первая попытка отработать методику оказалась провальной. Стоило попробовать выдавить ту самую капелюшечку, рвануло, как из брандспойта.

Сергею-то хорошо — чем плотнее полевой корсет, тем крепче держит спину, а вот самому Даниле Евгеньевичу плохо. Как минимум от осознания, что какая-то деревенская знахарка могла, а он — нет.

Вот тогда и решил использовать Александру. Было ощущение, что в рассказе девушки кое-чего не хватало. И это «кое-что» напрямую касалось того, чем он занимался.

Оставив парня отдыхать, позвонил Саше.

Та появилась через полчаса. Посмотрела на лежавшего на кушетке Сергея, на Данилу Евгеньевича...

— Представляешь, — ища понимания, вскинулся Данила Евгеньевич, — я ее спрашиваю: а чем капелька отличается от капелюшечки? Я! Профессор! Заведующий кафедрой! Признанное светило! Спрашиваю у этой пигалицы! А она искренне, без тени лукавства смотрит на меня и говорит: «Капелька — это когда проходит через широкую трубочку для коктейлей. А капелюшечка — через тонкую».

— Ну... — снова наполнив рюмки, глубокомысленно произнес Трубецкой.

— Вот тебе и ну! — грозно отрезал Данила Евгеньевич. — Когда я попросил продемонстрировать и то и другое, вошла в полевую структуру и протолкнула через суженные каналы спины Сергея сначала капельку, а потом капелюшечку. А затем повернулась ко мне и заявляет: «А теперь, профессор, вы. Я в вас верю!»

Посмотрев на зашедшегося смехом друга, Данила Евгеньевич тяжело вздохнул.

Сергей тоже хохотал. Всячески сдерживался, но кушетка тряслась, вызывая не злость, а странную такую обиду пополам с гордостью. Да, себя, конечно, немного жалко, но это ведь он заметил девчонку в поезде. Это ведь он уговорил и настоял...

И Люся, когда поделился, тоже зашлась смехом. До выступивших на глазах слез и начавшейся после этого икоты.

— Ну и как, — все еще продолжая всхлипывать, Трубецкой зацепил на вилку кусочек копченого мяса, — получилось?

Данила Евгеньевич довольно усмехнулся, расправил плечи:

— А как же!

А то, что вышло коряво и далеко не с первого раза... Методику предстояло тщательно отрабатывать. То, что сделано, — первый

крошечный шажочек. Как та самая капелюшечка.

— Еще она заставила поклясться, что ее имя в этой работе упоминаться не будет, — грустно добавил он. — И я ее уговаривал. И Сергей... Сам сидит на кушетке с голым торсом, убеждает... А она смотрит на него совсем не по-девичьи, как целительница смотрит, и спокойно так, твердо говорит: нет.

— Возможно, у нее на то имеются причины. — Трубецкой передвинул тарелку поближе к другу.

Данила Евгеньевич не отказался. Намотал нарезку на вилку, посмотрел на друга совершенно трезвым взглядом. Напоить целителя, если он того не захочет, задача невыполнимая. Трубецкому об этом было известно.

— Естественно, Тофа, у нее есть причины. Но ты ведь понимаешь, что если методика сработает...

— Вот тогда и поговорите еще раз, — перебил его Трубецкой.

Данила Евгеньевич подумал и... кивнул, соглашаясь. Сам ведь недавно думал про Сергея. Главное, не давить, а потихонечку продавливать. А вот с Александрой вдруг взял и растерялся. То ли потому что девушка, то ли...

— Про Варланова новенькое есть?

Трубецкой тяжело вздохнул. Профессор хмыкнул: мол, пои не пои, а про насущное я не забыл.

— К детям, а их у него двое, приставлена охрана. Супружница не кажет носа из дома. А так... — Он пожал плечом. — Он ведь в персидском отделе служит, а у персов опять какие-то непонятные шевеления. Может, одно к другому отношения и не имеет, но мои люди копают. Да и Дедов...

— Так это был все-таки он? — тут же подобрался Данила Евгеньевич.

Взгляд, которым тот тип проводил уходившую из купе Александру, профессор не пропустил.

— Пока недостоверно, но... Войдите! — разрешил он, отреагировав на стук в дверь.

Данила Евгеньевич чуть развернулся...

— Отец...

Младший Трубецкой выглядел скорее не растерянным, а потерянным. Смотрел хмуро. Кривился.

— Ты откуда такой? — поднялся старший Трубецкой. Подошел к сыну, развернул того к свету.

— От Воронцовых, — отступил младший. — Как-то это все...

На взгляд Данилы Евгеньевича, это действительно так и выглядело. Сначала отказаться от сына лишь потому, что полюбил не ту, которую приглядели родичи, а теперь, когда так страшно убили...

Смерть обнажает скрытое, проявляет, обдирая чужие представления и домыслы.

Жаль, понимают это поздно. Когда уже ничего не изменить.

* * *

Мне показалось, что звонок раздался сразу, как только уснула, но на экране телефона, когда взяла в руки, часы показывали за полночь.

Номер я видела впервые, вот только сердце забилось сильнее. Словно подсказывая, кто это был.

— Да, — ответила я негромко, опасаясь спугнуть ночную тишину.

День выдался сложным. Впрочем, и те, что ему предшествовали, легкостью тоже не отличались.

— Открой дверь, — попросили меня хорошо знакомым голосом.

— Сейчас! — Я едва не закричала от радости. Вскочила. Накинув поверх ночной рубашки домашний халат, кубарем скатилась вниз.

Там на миг замерла, успокаивая дыхание, но к двери все равно кинулась, как если бы от этого зависела жизнь.

Ночной гость протиснулся в появившуюся щель, плотно закрыл дверь за собой и повернул вставленный в замок ключ.

А я не знала, то ли плакать, то ли смеяться. Вроде и не виделась меньше недели, но он был своим. Тем самым родным, присутствие которого поблизости в моей новой жизни вселяло в меня уверенность.

— Ну что, егоза, — развернувшись ко мне, раскинул он руки. — Целовать дядьку Андрея будешь?

— Буду! — бросилась я ему на шею. Ухватила, поджав ноги и уткнувшись носом в ухо.

От него пахло как всегда. Оружейной смазкой и порохом.

— Так... все, — легко освободился он от захвата, — с телячьими нежностями заканчиваем. Ты шторы задернула?

— Обижает! — фыркнула я, отходя в сторону. — Шторы задернуты, полог поставлен.

— Молодец, боец! — подмигнул он мне. Прошел в гостиную.

Свет я не включала, только подвесила светлячок, но, чтобы не сбить ничего по пути, его вполне хватило.

— Хорошо устроилась, — осмотревшись, развернулся он ко мне.

— Так получилось, — продолжая улыбаться, пожала плечами я.

Я, конечно, знала, что Андрей где-то рядом, но знать и видеть перед собой — разные вещи.

— Про историю в поезде в курсе. — Андрей отодвинул от стола стул и сел на него. — Про остальное — тоже.

— Следишь? — сложила я руки на груди.

— Не я один, — довольно жестко посмотрел он на меня. — Отец тебя просил...

— Просил! — перебила я его. — Но что я могла...

Реваз — нудный, вредный и мстительный. Ты ему гадость, он тебе две, а то и три сразу. И все с ехидным прищуром, как будто спрашивает: «И что дальше?»

Андрей — веселый, смешливый. Даже когда все серьезно, без шуток и прибауток не обходится.

Отец, когда впервые поделилась с ним наблюдениями, сказал, чтобы не обманывалась. Просто не пришло время, чтобы показали себя настоящими.

Я тогда не поняла — маленькая была, но запомнила.

Не знаю, об этом отец говорил или нет, да только Андрея я сейчас не узнавала. Тот и не тот.

Меня это нисколько не смущало, скорее даже наоборот. С таким, как теперь, спокойнее.

— Так кто за мной следит? — Подойдя, я переставила второй стул. Устроилась напротив так близко, что едва-едва коленями не соприкасались. — Кроме Сергея.

— Правильное дополнение, — усмехнулся он. — Ходят за тобой двое, меняют друг друга. Я их тебе покажу.

— Свои? — предположила я.

Андрей поморщился, но подтвердил:

— Свои, но лучше держаться подальше. Кстати, а почему про отца не спрашиваешь?

— А что спрашивать? — хмыкнула я. — Случись что, сам расскажешь.

— Умная, да? — резко вернулся он к своему шалонайскому образу.

И как-то даже преобразился. И ведь ничего не изменилось — одежда, прическа, поза, а перед глазами уже другой человек. И нет в нем опасности, нет готовности, от которой стынет кровь в жилах...

— Умная, — буркнула я, нахохлившись. Ему все игры, а мне...

— Ладно, извини, — пошел он на попятную. Взял меня за руку, сжал легонечко. — Какие планы на день?

Я отвела взгляд. Говорить о том, что собралась к Воронцовым, не хотелось, но... Из-за таких недомолвок потом проблемы и возникали.

— Ну-ка, ну-ка... — не без иронии протянул он. — И во что ты еще решила влезть?

Убеждать, что ошибся, не стала. Все было именно так, как он и сказал.

— Юлия предложила навестить Илью Воронцова. У них траур.

— Траур у них... — зло процедил он. Отпустил мою руку, поднялся. Отошел к той части гостиной, где находился кабинет.

Андрей не худой — худощавый. Из тех, что внешне не производят впечатления. Но мне не раз доводилось видеть их с Ревазом тренировки. Оба с даром, но и без него способны смести все на своем пути.

— А знаешь, — развернулся он ко мне, — сходи посмотри. Тебе будет полезно.

— А меня там не узнают?

Светлячка, чтобы разглядеть бушевавшее в его глазах, не хватало, но мне достаточно было чувствовать. Ярость там была. Но не огненная — ледяная, что во сто крат опаснее.

Прежде чем ответить, он выдохнул. Улыбнулся...

И опять была метаморфоза, в одно мгновение вернув «своего парня».

— Ты в салтыковскую породу. И даже не на мать похожа, а на прабабку. Вот к ним тебе точно соваться не стоит.

— Успокоил, — ответила и я ему улыбкой. — А ты зачем вообще пришел?

— Уже гонишь? — Подойдя, он присел передо мной на корточки. Вопросительно изогнул бровь. Скорчил обиженную физиономию.

И это его сорокалетие мы недавно праздновали!

— К трем сможешь освободиться? — продолжая лицедействовать, поинтересовался он.

— Смогу, — чуть склонила я голову к плечу. — А зачем?

— Кто-то хотел попасть в стрелковый клуб.

Хорошо, что не забыла установить в комнате купол, а то бы мой радостный крик разнесся не только по дому, но и по саду, и по соседним участкам.

Закрытый стрелковый клуб, членом которого можно было стать, только получив соответствующие рекомендации. Андрей мог их дать. Не только потому, что был отменным стрелком. Этот клуб был его собственностью.

Правда, об этом мало кому было известно.

ГЛАВА 6

Андрей ждал меня на стоянке около академии. Сидел в неприметной, какой-то блеклой машине и дремал.

Я хотела пошутить, подкравшись незаметно, но он открыл глаза раньше, чем удалось подойти. Дернул дверь, вывалившись наружу. Сделав перекат, встал на одно колено, «целясь» в меня выставленной пистолетом кистью.

— А если камеры? — демонстративно засунув руки в задние карманы джинсов, с иронией посмотрела я на него.

— Здесь мертвая зона, — поднимаясь, подмигнул он мне. Отряхнув колено, обошел машину, открыл пассажирскую дверь, предлагая устраиваться.

— А слежка? — напомнила я, что кроме камер имелись еще и топтуны.

— У Сергея сегодня дежурство, — улыбнулся он.

Я кивнула — тех, которые вроде как свои, принимать во внимание не стоило. По крайней мере сейчас.

Закрыв за мной дверь, Андрей вернулся на водительское место.

Очень хотелось спросить про отца, но Андрей еще ночью сказал, что на связь, за исключением экстренных случаев, они с Ревазом выходили раз в сутки. Так что рассчитывать на новости не приходилось. Да и Андрей, судя по тому, как подчеркнуто внимательно смотрел на дорогу, к общению не был расположен.

Я тоже предпочла помолчать. Утро было не самым приятным, хотелось просто расслабиться и побыть в уютной тишине.

Андрей заговорил, когда уже выехали за окружную:

— На заднем сиденье сумка. Там камуфляж, обувь и прочие причиндалы.

— Все по-взрослому, — хмыкнула я, оглянувшись. Сумка обычная спортивная. Черная, с двумя белыми вставками.

— Как и обещал, — вдавил он педаль газа в пол.

Иной езды, кроме как быстрой, он не признавал, так что к подобному повороту событий я оказалась готова. Как только мелькнул знак, снимавший ограничение скорости, ждала «броска».

— Молодец, — похвалил он меня за бдительность.

А что хвалить-то, когда учил сам. И замечать все, что происходит вокруг, и водить.

— У Воронцовых была?

Эта тема разговора мне не нравилась, но не ответить было нельзя.

— Не самые приятные ощущения.

— Конкретней, — бросил он на меня быстрый взгляд.

Прежде чем удовлетворить его любопытство, посмотрела в окно.

Москва — город со своим лицом, сохранившимся несмотря на активное строительство, добавлявшее его облику современности. Исторический центр, отражавший тот древний русский дух, ради которого в столицу ехали со всего мира. Огромный район вдоль Москвы-реки, где располагались окруженные огромными парковыми зонами особняки княжеских и так называемых старых дворянских родов. Академический город, наполненный студентами разных сословий. На землях за окружной находились дворянские поместья. И военные училища, в которых имелись магические факультеты.

Тот антураж, который рассматривала сейчас, был в какой-то мере типичным. Рощицы, поля, виднеющиеся вдалеке дома. Провинциальная идиллия. И не скажешь, что Москва вот она, совсем рядом.

— Саша? — напомнил о себе Андрей.

Вздыхнув — обращаться к памяти о сегодняшнем утре не хотелось, все-таки ответила:

— Князь как глыба — непробиваемый и недостижимый, но внутри клокотало. Я даже едва не сорвалась. Собиралась сбросить успокаивающую магему, чтобы удар не хватил. Хорошо в последний момент спохватилась, где именно нахожусь. А вот княгиня...

Нам с Юлей уделили минимум внимания. Да и того могло не быть, не окажись подруга дочерью профессора Соколова. Такие целители, как он, отдельная каста, с которой считались даже князья.

Но хватило и этих нескольких минут. Ментальные способности у меня отсутствовали, но их неплохо заменяла целительская эмпатия. Боль, которую испытывали и князь и княгиня, была искренней.

А еще к ней примешивалась ярость. И именно эта ярость меня больше всего и пугала. Судя по всему, глава рода был настроен весьма воинственно.

Чем это грозило лично мне?

Мне — вряд ли. А вот отцу, когда его папенька узнает, кто именно все это затеял...

Впрочем, это не мое дело. Они взрослые, сами разберутся.

— Что княгиня? — вновь поторопил меня Андрей.

— Смотрела на меня пристально, словно пыталась вспомнить, где видела, — вздохнула я.

Когда мы вошли в залу, княгиня стояла у окна. Услышав нас, развернулась...

По возрасту ей уже за семьдесят, но держалась она прямо, без малейшего намека на старческую немощь. Глядела надменно, но капелька тепла внуку досталась. Ну и нам заодно.

Слова сочувствия выслушала спокойно. Поблагодарила...

Моя бабушка, которую я никогда не видела!

Наверное, я выдала себя интересом, чем и привлекла ее внимание.

Наверное...

В тот момент я очень остро почувствовала, чего была лишена. Большого дома, множества родных. Их любви, заботы. Нет, в моей жизни этого хватало, но... Это было другое. И отец, как и я в то мгновение, это понимал.

— И ведь может вспомнить, — съехав на грунтовку, без малейшего намека на беспокойство подтвердил Андрей предположение. — Но вряд ли поверит. Или подумает, что кто-то где-то и с кем-то... Запоминай, — резко изменил он тон, — эта дорога ведет к служебному входу. Есть подъезд и с главной, но тебе лучше добираться так.

— И как я это буду делать? — намекнула я на то, что ехали мы почти час.

— Или на такси, или вызовешь водителя, — равнодушно, словно это не было проблемой, бросил Андрей.

— Какого водителя? — непонимающе уточнила я.

— Простого, — хмыкнул Андрей. Удерживая руль одной рукой, наклонился, достал из бардачка конверт и деревянную коробочку, которую передал мне. — Открой.

Она была перетянута веревкой, и узел залит сургучом. От сургуча фонило смесью огня и земли. От веревки — воды и ветра.

Меры предосторожности выглядели серьезно.

Разломив сургуч, выбросила крошки в окно. Развязав узел, открыла коробочку.

— Жетон? — удивленно посмотрела я на пластинку белого металла с золотистым кантом, в кольцо которой была вдега цепочка.

— Твой именной доступ в стрелковый клуб. Носи на шее и не снимай.

— Маяк? — приподняла я бровь.

— И это тоже, но главное — опознаватель для своих. Если тебе потребуется помощь...

— А она мне потребуется? — холодно уточнила я.

Андрей темнил. И это было... нет, не странно — настораживающе.

— Саша, — укоризненно протянул Андрей, — чему я тебя учил?

— Максимально предугадывать действия противника, ориентируясь на самый негативный вариант, — послушно повторила я. Прозвучало не дословно, но смысл не изменился ни на йоту.

— В конверте ключ и адрес. Две квартиры соединены дверью в шкафу гардеробной. Доступ через твой жетон. Там документы, деньги, вещи. Если вдруг придется уходить.

— Поняла, — взяв конверт, прочитала я вложенную в него записку.

Запомнить адрес не составило труда. Ключ подвесила на ту же цепочку, что и жетон, надела ее на шею, спрятав под рубашку.

Оттуда, из имения, все казалось игрой.

Да, вполне серьезной — ни дядьки, ни отец не были склонны к подобным розыгрышам, — но больше похожей на экзамен, чем на реальность. Да и потом все выходило как-то просто. Не без тревог, конечно, но легко, словно события подстраивались под меня.

И вот теперь...

Андрею потребовалось несколько слов, чтобы столкнуть меня с действительностью. И в этой действительности требовались уже иные меры предосторожности.

— Да ты не пугайся раньше времени, — сообразив, что слегка перегнул палку, попытался успокоить он меня.

Но было уже поздно. Испугаться я, может, и не испугалась, но осознала, что именно и кого могу потерять.

И это было действительно страшно.

Площадь, занятая стрелковым клубом, оказалась огромной. Ее границы терялись за тем краем, где пасовало зрение.

— Там — гостиничный комплекс, — указал Андрей на скрывававшиеся в рощице постройки. — Бани, бильярдная, ресторан, кафе, теннисный корт, пруды. Одни для любителей позагорать, во втором разводят рыбу для рыбалки.

— А я думала, что это стрелковый клуб, — ехидно заметила я.

— А одно другому не мешает, — рассмеялся Андрей. — В той стороне, — повернулся он влево, — два стрельбища, полигон для практической стрельбы и городок. Блоки с шестого по девятый.

— А первые пять? — сделала я очевидный вывод.

— А это — здесь, — развернулся он к двухэтажному зданию, на стоянке которого мы и находились. — Подземный круговой тир на пять блоков. Один — трехсотметровый, один — имитация здания, с возможностью изменения внутренней структуры. И три стометровых. Раздевалки, душевые, кабинеты для теоретической подготовки. Малый оружейный склад и склад с амуницией.

Мне оставалось только охать и ахать. Когда Андрей обещал свозить в свой стрелковый клуб, я думала увидеть обычный тир. Ну пусть и не совсем обычный — у таких людей, как Андрей и Реваз, ничего обычного быть не могло, но то, что представало перед глазами, выглядело совсем уж неожиданно.

— И это все твое? — не скрывая трепета, спросила я приглушенно.

К оружию я относилась с пиететом. Не с тем, когда, взяв в руки пистолет, чувствуешь себя крутым, а с тем, когда понимаешь и принимаешь ответственность за последствия своих действий.

Стрелять меня учили все. Дядька Прохор из охотничьего. Андрей и Реваз — из того, что состояло на вооружении в армии. Не все подряд, тщательно подбирали под меня, но попробовала я многое.

— И это все мое, — довольно равнодушно подтвердил он. — Получил в качестве подарка за серьезную услугу.

— Ты — киллер? — не без изумления посмотрела я на него.

Осуждала ли? Скорее, не верила собственному предположению.

Смеялся Андрей громко. Даже не смеялся, хохотал, вытирая выступившие на глазах слезы. И ведь так заразительно...

Сделав вид, что я тут совершенно ни при чем, огляделась.

Эта стоянка была рабочей. Как и говорил Андрей, подъезд с двух сторон: с грунтовки и от главной дороги. Невысокий заборчик — только отметить периметр, разметка на три десятка машин. Занято было меньше половины, намекая на количество обслуживающего персонала.

Везде камеры наружного наблюдения и... магические артефакты. Судя по легкому, но «гудящему» фону, отнюдь не декоративные.

— Ну и насмешила ты меня, — между тем успокоился Андрей. — Нет, я не киллер. Скорее уж наоборот. Вот что, Саша, — посерьезнел он, — давай договоримся так. Несмотря на твой допуск, в то, что тебя не касается, ты нос не суешь. А если о чем-то догадаешься...

— ...то молчишь, — закончила я за него.

— Вот и умница, — улыбкой похвалил он меня за сообразительность. — А теперь идем, нас уже ждут.

Внутри мы попали через двойные двери. И там и там камеры и «окошко», в которое требовалось вложить жетон.

Затем узкий коридор, еще одни двери. Судя по толщине, чтобы пробить их, требовался весьма серьезный калибр.

— Здравствуйте, Андрей Аркадьевич, — встретил нас боец в камуфляже и балаклаве. — Александра Игнатъевна, — приветствовал он меня.

— Добрый, Витя, — поздоровался Андрей и продолжил инструктировать меня: — В следующий раз надеваешь балаклаву между двумя дверями.

— Зачем? — не поняла я.

Андрей посмотрел на меня огорченно — мол, не ожидал, но ответил:

— В клубе в том числе стрелки готовятся к соревнованиям. И информация об их достижениях...

— Поняла, — смущенно улыбнулась я.

И подумала, что соревнования соревнованиями, но такие специфичные полигоны, как «городок» и километровое стрельбище, о

котором Андрей упомянул вскользь, больше говорят о специальной подготовке, чем о мирных пострелушках.

Но это были мои догадки, а о догадках я обещала молчать.

— Тогда, — указал мне Андрей на череду дверей с внутренней стороны кольцевого коридора, — твоя раздевалка семь. Душ там же. Прикладываешь жетон,ходишь. Прикладываешь жетон — дверь блокируется изнутри. Прикладываешь жетон...

— ...выходишь, — с сарказмом протянула я. — Ну не совсем уж я глупая.

— Надеюсь, что нет, — подав мне сумку, все-таки оставил последнее слово за собой Андрей.

За дверь оказалась уютная раздевалка. Два шкафа для одежды — в одном встроены бытовые магемы для очистки. Столик, на котором стоял чайник, чашки, коробочка с чаем и пакетик с печеньем. Кресло, стул, небольшая панель телевизора на стене.

Переоделась я быстро. Скинула кроссовки, стянула надетый поверх рубашки тонкий свитер. Сняла рубашку, джинсы.

Камуфляж сел на меня идеально, словно подгоняли. Носки, армейские ботинки. Балаклава на голову...

Привычные действия. Я хоть и не мальчик, но мои воспитатели других игр, кроме как устроить засаду, пойти на охоту, пострелять на скорость и меткость, набить друг другу морду, просто не знали.

— Я готова. — Проделав все манипуляции с жетоном, я вышла в коридор.

Андрей оглядел меня с ног до головы. Похоже, остался доволен увиденным. Кивнув, бросил:

— Идем.

Идти пришлось недалеко, метров двадцать. Дверь с большой цифрой «один» и предупреждением, что без инструктора вход воспрещен, была с левой, наружной стороны коридора.

— Прошу. — Он своим жетоном открыл дверь.

Я вошла и обомлела.

На спортивном канале, где транслировали соревнования в том числе и по практической стрельбе, я что-то подобное видела. Но здесь...

В ширину галерея была метров двадцать пять. В глубину — сто. По краям перегородки-пулеуловители и магические ловушки.

Все помещение разделено сетчатыми рамами — перегородками-ограничителями, мягкими вертикальными и горизонтальными блоками, благодаря которым создавался дизайн прохождения.

Ну и мишени. Около тридцати бумажных и стальных, стационарных. И несколько модулей с движущимися. Ну и так называемые «безопасные» объекты, при попадании в которые снимаются баллы.

— Очки, наушники, — отвлек меня Андрей от созерцания этого богатства.

Проследив за его взглядом, подошла к столику, где лежало и то и другое. И все в двух экземплярах.

Надев наушники, включая связь, вдавила кнопку на правом динамике. Опустила микрофон, чтобы не мешался. Разговаривать мне не придется. Когда идет тренировка, разговаривает только тренер.

Надела очки, поправила сбитую балаклаву.

— На позицию.

Подошла к другому столу. На этом находилась только металлическая коробка.

— Оружие, — последовал следующий приказ.

Открыв коробку, достала пистолет. Мой любимый CZ-75 и три магазина на шестнадцать патронов.

— Зарядить оружие.

Проверив пистолет, выполнила команду. Вставила магазин, дослала патрон в патронник, поставила на предохранитель, засунула в кобуру. Два дополнительных магазина ушли в подсумок на поясе.

— Упражнение номер три. Зеленые мишени.

Подсветка показала, где именно они находятся. Проследив взглядом, оценила траекторию движения. Дома, в усадьбе, все было проще и незатейливее. Насыпи и магические сети в качестве пулеуловителей. Мешки с песком — ограничители.

— Готов? — встал в паре шагов за спиной Андрей.

— Готов, — отозвалась я практически мгновенно. Мужчин и женщин здесь нет. Есть только спортсмен-стрелок.

— Внимание... Вперед!

Для размышлений больше времени не было. Выхватить пистолет из кобуры, снять с предохранителя... Короткий взгляд на мишень...

Бах! Бах! Вторая... Бах! Бах! Несколько шагов в сторону, обходя препятствие... Бах! Бах! Вперед и влево. Бах! Бах... Сменить магазин.

Рядом с зеленой — красная, тот самый «безопасный» объект. Бах! Еще вперед, присесть... Бах! Бах...

Движущаяся справа... Бах! Бах! Еще одна...

— Стоп! — остановил меня Андрей. — Если закончил, разрядить оружие, показать.

Судя по тому, что зеленых мишеней больше не осталось, я действительно закончила. Извлекла магазин, открыла затвор, показала Андрею пустой патронник.

— Разряжено. Контрольный спуск. В кобуру.

Все действия давно отработаны. Закрыть затвор, нажать на спусковой крючок, поставить на предохранитель и вернуть в кобуру.

— Отбой, — отдал Андрей последнюю команду. Встал рядом. — Ну что, пойдём посмотрим...

— Да что там смотреть?! — раздалось от двери. — Пятнадцать мишеней. Поражено — пятнадцать. Ни одного штрафного. Да и время прохождения...

Андрей развернулся первым. Я — второй, уже зная, кого именно увижу. Узнала даже не по голосу, по интонациям.

— Вы хотите лишиться жетона, Александр Трофимович? — Несмотря на то, что была в балаклаве, Андрей прикрыл меня собой.

— А вы можете? — насмешливо поинтересовался младший Трубецкой. Прислонился плечом к стене. — Мой отец...

— Ваш отец мне только спасибо скажет, — жестко перебил его Андрей. — За то, что не сдохли раньше времени. И — да, я могу все, потому что я, — подчеркнул он это «я», — здесь хозяин. И каждый клиент, прежде чем получить жетон, подписывает соглашение, в котором прописано четкое следование установленным правилам. И если за вас его подписал ваш отец, это не значит, что штрафные санкции действовать не будут.

На месте Трубецкого я бы смутилась. Как минимум. Этот же...

В его глазах я видела вызов. Желание схлестнуться. Доказать...

Не с тем связался. Отец рассказывал, как во время войны Андрей, тогда командир разведвзвода, ставил молодых на место.

— Виктор, — позвал Андрей, даже не напрягая голоса. Похоже, в его случае связь была не только со мной.

Дежурный появился спустя пару секунд. Остановился на пороге. На кобуре открытый клапан...

— Отметь в системе, что господин Александр Трубецкой на две недели лишен допуска на стрельбище. Пусть пока половит рыбку или погоняет шары на бильярде.

Вопреки ожиданиям, оспаривать решение Андрея княжич не стал. Дернулся кадык, заходили желваки, но с гневом он справился. Развернувшись, дождался, когда Виктор отойдет в сторону, пропуская, и вышел из галереи.

— Похоже на провокацию, — когда дверь за ним закрылась, негромко заметила я.

Андрей обернулся, посмотрел на меня, не скрывая удовлетворения. Но произнес он несколько удрученно:

— А вот он не понял.

Я только кивнула. Насколько успела заметить, на безопасности здесь были буквально помешаны. А тут незаблокированная дверь и, скорее всего, чей-то намек, что внутри происходит нечто весьма интересное.

В таком случае я бы тысячу раз подумала. Он же...

Не знаю почему, но мне было обидно.

За него.

* * *

Домой я вернулась около семи. Как раз успевала умыться и переодеться к ужину.

Увы, оказалось, что этим планам не суждено сбыться. Не успела я войти в калитку, ко мне с крыльца бросилась Юля.

— Ты где была?! Почему не отвечаешь на звонки?!

Мысленно ругнувшись — забыла включить телефон, достала его из кармана джинсов. Показала Юле.

Та постучала кулачком по голове, намекая на мою дурость, но не успокоилась. Скорее даже еще больше разволновалась.

— Что случилось? — Я подошла ближе и взяла ее за плечи. Небольшая, но все-таки поддержка.

— Янка пропала, — посмотрела она на меня с такой тревогой, что я едва не вздрогнула.

— Когда? — бросила я взгляд на дом.

На завтраке Яна и Кирилл за столом отсутствовали. Но это было нормально, вставали они позже. Потом старшие Соколовы уехали в академию, а мы с Юлей — к Воронцовым, а затем с Тохой Мещерским и Игорем Валдаевым пообедали в кафе. Оттуда, извинившись, что оставляю их, я и отправилась на встречу с Андреем.

— Она не ночевала дома, — выдохнула Юля. Отстранилась. — Когда я вернулась, Кирюха сказал, что Яна не выходила из комнаты. Он стучат, а она молчит.

— А прислуга?

Еще прежде чем Юля ответила, я вспомнила. Четверг. У служанки выходной, а кухарку Кирилл побаивался. Строгая она.

— Данила Евгеньевич...

— Знают, — опустила голову Юля. Отошла, присела на ступеньку крыльца. — Папа в полиции. Хотели отследить с помощью телефона, но он отключен. Мама разговаривала с подружками Яны. Те говорят, она вчера поссорилась с мальчиком. Он вроде начал встречаться с другой.

— И поэтому сбежала из дома. — Положив сумочку, я пристроилась рядом с Юлей.

— Главное, чтобы была жива, — вздохнула Юля. Шмыгнула носом...

— Быстро перестала! — рыкнула я. Только ее истерики сейчас не хватало. — Жива она.

— А ты откуда знаешь? — подскочила Юля.

— Знаю, — проворчала я.

Каждый раз, когда думала, что вот теперь все будет тихо и спокойно, жизнь вновь ставила меня перед необходимостью приоткрыть еще одну грань моих способностей.

Если и дальше так пойдет...

В порядочности Соколовых я была уверена, но, когда это станет известно другим, а станет известно обязательно, чужого внимания уже не избежать.

— Я бы почувствовала, — встретила я взглядом с Юлей.

— Ты...

Она хотела спросить, ментат ли я, но я ответила до того, как вопрос прозвучал:

— Я — эмпат. Немного сильнее, чем это обычно бывает у целителей.

Узнать мнение Юли по этому поводу мне не удалось.

— Саша...

Поднявшись, повернулась к вышедшей из дома Людмиле Викторовне.

— Извините, — не скрывая сожаления, повинилась я. — Была в библиотеке. Отключила телефон, а включить забыла.

История про телефон была шита белыми нитками.

Если в полиции заинтересуются моим времяпрепровождением, от этой истории камня на камне не оставят. Да еще и заподозрят меня во всех грехах.

А стоит рассказать о стрелковом клубе...

На мгновение мне даже стало страшно. Вряд ли двух Андреев — того, который владелец клуба, и того, который «погиб» в имении, — связать так просто, но это если не копать. А они будут. Хотя бы в наказание за вранье.

— Людмила Викторовна... — Я сглотнула, так как горло опять стянуло спазмом. — Я могу попробовать найти Яну. Но...

— Что ты?.. — стремительно подошла она ко мне.

— Я могу попробовать найти Яну, — повторила я негромко. — Но я не хочу, чтобы о моих способностях стало известно.

— Ты ведь не только эмпат? — бросив взгляд на дочь, изучающе посмотрела на меня Людмила Викторовна.

— Не знаю, как это называется, — не стала я отнекиваться, — но я действительно чувствую людей и то, что с ними происходит. Не всегда и не со всеми, но даже в таком варианте я лакомый кусочек для нечистоплотных родов.

— Мне дать магическую клятву? — Людмила Викторовна, подняв руку, развернула ладонь.

Наверное, правильнее было согласиться, но до такой степени оскорбить ее недоверием я не могла. Не после того, что они с мужем делали для меня.

Я попыталась улыбнуться:

— Достаточно обещания.

— Обещаю! — твердо произнесла Людмила Викторовна. Жестом подозвала Юлю. Когда та подошла, потребовала: — Повторяй за мной.

— Мама? — непонимающе уточнила Юля.

— Повторяй! — жестко, категорично потребовала Людмила Викторовна. — Я ни словом, ни молчанием, ни действием, ни бездействием, ни иными способами никогда, если не получу на то разрешения, не выдам тайн, связанных со способностями и талантами присутствующей здесь Александры.

Юля смотрела на нас огромными глазами, но повторила сказанное матерью. И, как и Людмила Викторовна, закончила магической клятвой.

Трудно передать словами, что я чувствовала при этом. Возможно, мне не хватало жизненного опыта, но другого варианта решить противоречие между необходимостью найти Яну и сохранить тайну я не видела.

— Что тебе нужно? — как только Юля закончила, уже спокойно, по-деловому спросила Людмила Викторовна.

— Машина. Сначала круг по району, пока не почувствую направление, в котором надо искать. Потом будет проще.

— Я возьму свою, — дала Юля понять, что без нее не обойтись.

А я и не собиралась спорить. Пусть и малоформатный, но все-таки внедорожник.

— Вы не поедете одни...

— Вы должны остаться дома, — перебила я ее. — Если вдруг Яна решит вернуться. Да и Данила Евгеньевич...

— Это может быть опасно. — Лицо Людмилы Викторовны стало еще более сосредоточенным. На лбу появилась тревожная складочка.

Говорить о том, что это действительно опасно, я не стала. Не хотела пугать сильнее, чем она уже была напугана. Но то, что Яна вляпалась, я чувствовала.

Таковы были мои способности. Стоило только сосредоточиться на том, о ком беспокоилась...

Но делать что-то надо. Время утекало, и для меня это было очевидно.

Позвонить Андрею? Он, конечно, будет ворчать, но в помощи не откажет. Вариант был хорош, но я предпочла от него отказаться, беспокоясь о его безопасности.

Сергей? Тоже неплохо, но он на дежурстве. Ради такого дела Людмила Викторовна, скорее всего, решит вопрос, но... Опять ненужное внимание.

— Игорь! — воскликнула Юля. — Игорь Валдаев. У него даже разрешение на оружие есть.

Выдохнув — выглядело едва ли не идеально, я посмотрела на Людмилу Викторовну. Она старше, опытнее, так что рассудит лучше.

Та ответила не сразу. Зачем-то оглянулась на дом, снова посмотрела на меня...

— Если он даст магическую клятву, — наконец произнесла она.

— Он даст, — уверенно заявила Юля. — Я его...

— Вот сейчас и проверим. — Найдя в телефоне его номер, я нажала на «вызов».

Впрочем, в том, что согласится, не сомневалась. Было в этом парне то надежное, что отличало настоящих мужчин.

Таких, как мой отец, Андрей, Реваз и дядька Прохор.

* * *

— Андрей Аркадьевич, — тронули его за плечо.

Он открыл глаза, привычно потер уши, возвращая ясность сознанию.

Пара бессонных ночей в молодости — просто игрушки. А вот в его возрасте...

Нет, до старика ему было далеко, но побережь организм уже стоило. К сожалению, жизнь вносила свои коррективы, предлагая смириться и надеяться, что если не сегодня, то завтра точно все будет лучше.

— Что случилось? — уже осмысленно посмотрел он на дежурного.

— Объект номер пять. Выход за периметр безопасности.

— Когда? — поднялся он с дивана, на котором задремал, просматривая последние финансовые документы клуба.

Дела шли весьма неплохо, и это была их с Игнатом и Ревазом заслуга.

Соревноваться с инструкторами спецподразделений было сложно, но им удалось. Не всем нравилась шагистика и жесткое подчинение приказам. Да и в зарботке не обижали, обеспечивая людям соответствующий их уровню подготовки достаток.

А уж когда подключился Трубецкой, предложив поработать с частными охранными предприятиями, дошло до того, что зашла речь о расширении. Один комплекс не закрывал потребности, которые с каждым днем только росли.

Прежде чем ответить, дежурный бросил взгляд на часы.

— Четыре минуты назад. Подняли записи с камер. Есть картинка.

— Сбрасывай. — Андрей направился к своему столу. Сев, пододвинул планшет. Подождав, когда уйдет заставка, набрал пароль.

Вернувшись к мониторам, на которые выводилась информация не только обо всем, что происходило в клубе, но и об объектах, находившихся у них на контроле, дежурный отправил фото.

— Сделал.

— Даже так...

Изображение оказалось серьезно размытым, но двое на переднем сиденье джипа были вполне узнаваемы. Как и парочка на заднем.

— Отправь за ними ближайшую машину, — приказал Андрей дежурному и нажал кнопку сбоку на столе. Плавно опустилась разделявшая комнату перегородка, и только после этого он взял магфон.

Дожидался соединения недолго. Будущий собеседник знал, что без нужды Андрей звонить не станет.

— Слушаю.

— Ваше превосход...

— Дальше, — оборвали его.

Андрей даже мысленно не расслабился. С Трубецким, пусть и в роли союзника, стоило держать ухо востро.

— Александра выехала за периметр безопасности. С ней Антон Мещерский, Игорь Валдаев и Юлия Соколова. Ничего не скажете по этому поводу?

Прежде чем получить ответ, пришлось выслушать все, что Трубецкой думает про нынешнюю молодежь.

Кое с чем Андрей был согласен, но, к сожалению, проблемы это не решало.

Дежурных машин в том районе, в который целенаправленно следовала Саша, у них не было — не тот проживал контингент. Ближайшей, чтобы успеть к жареному — в том, что так и будет, Андрей не сомневался, — требовалось время.

Чтобы использовать, если возникнет необходимость, другие средства, нужно понимать ситуацию. А Андрей ее пока совершенно не понимал.

— У Соколовых пропала младшая дочь. Скорее всего, еще ночью ушла из дома. Хватились только днем. Телефон отключен.

— Карта? — тут же подобрался Андрей.

Все оказалось хуже, чем он думал.

Способности поисковика... Довольно редкая разновидность эмпатов, за которыми охотились не только роды, но и специальные службы.

— Сняла наличные в банкомате. Карту сломала и выбросила там же, — зло выдохнул Трубецкой. — Соколов в полиции, ищут по камерам. Я подключил своих, но... Подожди... — Князь впился в Андрея взглядом. — Ты считаешь...

— Я не считаю, — хмуро произнес Андрей, — я вижу. Саша взяла на себя поиск и теперь...

Трубецкой нецензурно выругался. И вновь Андрей был с ним солидарен.

Впрочем, о том, что Сашка — бедовая девчонка с повышенным чувством ответственности, он знал давно, так что к подобным взбрыкам был готов. И морально, и с той точки зрения, когда придется прикрывать любимицу и заметать ненужные следы.

Трубецкой, что подтверждали их последние контакты, тоже был готов. И к тому и к другому.

— Полицию я возьму на себя, — уже значительно спокойнее произнес он. О том, что князь всего лишь сдерживается, говорили заострившиеся скулы да дернувшийся кадык. — А ты...

— А я прикрою клубом. Если они не успеют наделать глупостей, — закончил за него Андрей.

Дождавшись, когда собеседник отключится, откинулся на спинку кресла.

Как ни странно, он не злился. Если только тревожился. Она, конечно, девчонка, но рано или поздно все, чему ее учили, должно

было пригодиться. Хорошо, что это начало происходить рано. Когда он рядом и может помочь.

ГЛАВА 7

Магическую клятву Игорь дал. И не только он, но и Антон Мещерский.

Без ограничений в виде посягательства на их честь и честь рода не обошлось, но это был как раз тот случай, когда парни четко осознавали, чем грозят необдуманные поступки.

— Теперь направо, — скомандовала я, все четче чувствуя ниточку, которая связывала меня с Яной.

— Ты уверена, что лучше обойтись без полиции? — повернул ко мне голову Тоха.

Именно он сидел за рулем машины. Не Юлиной — его. Но не того крутого кабриолета, а джипа, судя по толщине дверей, бронированного.

— Не уверена, — хмуро ответила я. — Но объяснять им, откуда знаю, где Яна находится, мне не хочется.

— Тох, Саша права, — заметил сидевший на заднем сиденье Игорь. — Представляешь, во что превратится ее жизнь, когда о таком даре станет известно? Твои родичи будут первыми, кто захочет заполучить ее.

— Они и так уже хотят, — огрызнулся Антон, заставив меня улыбнуться. — Целитель, живет во флигеле профессора.

— И ты тут совершенно ни при чем, — ехидно поддел его Игорь. — То-то без твоего Ванечки на пикнике не обошлось.

— При чем, — не стал отпираться Тоха, — но сейчас не тот случай.

— Мальчики, не спорим, — решила побыть миротворцем Юля.

— А мы и не спорим, — успокоил ее Игорь. — Мы просто вырабатываем общую позицию.

Оглянувшись, я показала Игорю большой палец. Чем дальше, тем больше он мне нравился. И вот этим уверенным спокойствием, и умением видеть то, что не бросалось в глаза.

— С позицией это ты точно, — протянул Антон, по моему жесту вновь сворачивая направо. — Но если мы не сменим направление, то занесет нас не в самый гостеприимный район. И чем все может...

Закончить предупреждение ему не дал звонок. На мой телефон.

Глянув на номер, попросила:

— Останови.

Взгляд Тохи был не самым дружелюбным, но задавать глупые вопросы он не стал. Притер машину к обочине.

Выскочив, отошла подальше и только тогда ответила:

— Да, слушаю.

— И куда это тебя понесло? — довольно холодно поинтересовался Андрей.

— Следишь? — вспомнив, что жетон, который он приказал носить не снимая, был еще и маяком, с сарказмом уточнила я.

— Только когда ты покидаешь периметр безопасности, — парировал он. — Что случилось?

Уверять, что все в порядке, я не стала. Да он и не поверил бы. Слишком хорошо меня знал.

— Пропала Яна. Поссорилась с мальчиком, не ночевала дома.

Молчание было недолгим.

— Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь? — все так же отстраненно произнес он.

— Они дали магическую клятву...

— ...которую при желании и определенных навыках легко обойти, — продолжил Андрей. — Но то, что додумалась до клятвы, уже хорошо.

— И даже ругать не будешь? — фыркнула я, чувствуя, что гроза, хоть и была совсем рядом, прошла мимо.

— Ты достаточно взрослая, чтобы принимать решения и отвечать за их последствия, — отрезал он, давая понять, что все равно недоволен. — А теперь слушай внимательно, — резко сменил тон Андрей. — Номер и марка машины... Старший наряда — Владимир. Если придется общаться с полицией, вы ни при чем, все вопросы решает он. Своим парням покажешь жетон клуба. Они поймут.

— Андрей, ты кто? — глухо поинтересовалась я, когда до меня дошло, о чем именно он сказал.

Решать вопросы с полицией... Это был тот уровень влияния, о котором даже думать страшно.

Андрей хмыкнул — видеорежим не включил, так что обошлось без выражения лица. Но так даже лучше. Не хотела видеть

самодовольного ехидства, которое слышалось в его голосе.

— Главное, что ты должна знать: я — друг твоего отца. И твой дядька, который за тебя перегрызет глотку любому. Ты поняла? — строго спросил он.

— Поняла, — промямлила я и вздохнула.

Мне бы еще что-нибудь сказать, но Андрей отключился, оставив меня со всем, что я уже сделала, и с тем, что только предстояло сделать.

Я постояла еще полминутки — после такого разговора требовалась передышка, потом убрала телефон в карман и решительно вернулась в машину. Беспокойство за Янку никуда не делось, лишь становилось сильнее.

Села, пристегнулась.

— Марка машины... Номер... Цвет... — встретила я взгляд ожидавшего распоряжений Антона.

— Не понял? — сдвинул он брови к переносице.

Не забыв наказ, вытянула из-под рубашки жетон. Чуть развернувшись, чтобы видели все, показала.

Игорь, разглядев его, присвистнул. Антон, хмыкнув, качнул головой. Но я видела, что его, как и Валдаева, это успокоило.

— Из нас только у Трубецкого такой есть, — выезжая с обочины, заметил Тоха. — Класс «А». Доступ ко всем стрельбищам.

— За исключением тех, где тренируют спецподразделения, — поправил его Игорь. — Но все равно круто.

Они явно ждали комментариев, но я только пожала плечом.

Чем меньше подробностей, тем меньше придется врать. А лишний раз врать мне не хотелось.

— У тебя и пистолет имеется? — сообразив, о чем идет речь, проявила любопытство и Юля.

Вместо ответа приподняла штанину джинсов, продемонстрировав закрепленную на голени кобуру с находившимся в ней «ругером».

Это была еще одна причина, по которой Андрей потащил меня в клуб. Членство в нем и сданный экзамен, что подтверждало сделанное в галерее видео, давали право на владение и использование огнестрельного оружия.

Мой возраст и социальный статус, конечно, ограничивали его типы и модели, но линейка все равно оставалась широкой.

Выбор в пользу «ругера» сделал тоже Андрей. Сказал, что воевать за меня будут другие, а для непредвиденного случая в мирной жизни этой игрушки вполне хватит.

Я согласилась. Маленький. Легкий. Компактный. В качестве сюрприза при скрытом ношении он был очень хорош.

— Ну, раз даже пистолет имеется... — иронично протянул Антон, — тогда и пойдём вместе.

Говорить о том, что раз Андрей взялся за дело, то вряд ли наши услуги потребуются и в дальнейшем, я не стала. Просто в очередной раз жестом попросила повернуть направо, понимая, что кое в чем Тоха прав.

Мы все дальше удалялись от центра города. И все чаще нам по пути попадались готовые к сносу дома, что спокойствия никому не добавляло.

* * *

Серый мини-вэн, о котором предупредил Андрей, догнал нас минут через пятнадцать. Вывернул из какой-то подворотни, мигнул фарами и пристроился за нами.

А еще минут через пять меня стало корезить. Сначала усилилось беспокойство, затем обдало жутким страхом, от которого кожа покрылась мурашками, потом резко скрутило, провоцируя позывы рвоты.

Антон сначала испугался, хотел остановиться, но Игорь быстро сообразил, что мы где-то рядом и я перетягиваю на себя все, что испытывала в этот момент Яна.

Лучше бы не говорил. Юля сжалась, стиснула зубы, чтобы не разрыдаться от тревоги за сестру.

О том, что мы у цели, я оповестила криком. «Удар» в лицо, голову мотнуло. Засаднила бровь, «закрылся» глаз...

С трудом вырываясь из чужой боли, указала на стоявший метрах в ста от дороги двухэтажный дом.

То, что давно заброшен, было понятно не только по внешнему виду — пустые оконные проемы, почти полностью лишенный

штукатурки кирпич и сорванная с крыши черепица, — но и по зарослям бурьяна вокруг здания.

Тоха бросил машину к обочине. Тормозил резко, если бы не ремень, я бы ударилась головой о переднее стекло.

Но тут уже не до сантиментов. Он видел, что творилось со мной, и должен был понимать — Янке сейчас намного хуже.

Игорь выскочил за ним. Я видела, как оба, доставая оружие, бросились к дому; но были вынуждены остановиться, когда их перехватили бойцы из второй машины.

Разговор получился коротким. Четверо в камуфляже и с короткоствольными автоматами побежали дальше, а Игорь и Тохой остались на месте, лишь отошли за росшие рядом кусты, чтобы не светиться.

В этот момент я как раз и вывалилась из машины. Открыв дверь, упала на колени, потом рухнула на землю и свернулась, пережидая очередной приступ боли. На этот раз «двинули» меня в живот. Жестко двинули, без всякого милосердия.

Юлька была уже рядом. Приподняла мне голову, поднесла ко рту бутылку с водой...

Сделав несколько глотков, я почувствовала себя лучше. Не потому, что лучше стало Яне, просто удалось сосредоточиться и оборвать нашу привязку.

— Ты как? — заметив, что задышала ровнее, с беспокойством спросила Юля.

Когда я предлагала найти Яну, вряд ли она ожидала, что это будет так.

— Уже лучше. — Сев, я подтянула к себе колени.

Слабость еще присутствовала, но фантомные боли уже прошли. И это был хороший признак, потому что, не сумела бы я справиться с привязкой, все могло закончиться плохо и для меня.

— А если они ее... — Юля то и дело бросала взгляды на дом.

О том, что не успели, я не сказала. Сначала раздался одиночный выстрел. Похоже, предупреждающий. Потом короткая очередь. Еще одна...

Мы с Юлей вскочили, хотели уже кинуться к Игорю с Тохой — оба тоже смотрели в ту сторону, но нас перехватил оставшийся у мини-вэна боец.

— Стоять! — рывкнул он и кивнул на мини-вэн. — Быстро в машину!

Юля хотела высказаться, но мне хватило благоразумия не спорить. В отличие от нас, дилетантов, эти точно знали, что делали.

Схватив Юлю за руку, потянула ее за собой. Она едва переставляла ноги, запинаясь. Оглядывалась...

— Тоха, там! — вдруг закричала она. Когда Мещерский обернулся, рукой указала на угол дома.

Что она там увидела?

В машину меня закинули. Следом на сиденье плюхнулась Юлька.

— Дурак! — зло процедила она сквозь зубы.

Относилось это к бойцу, для которого мы здесь точно были лишними.

— Это их работа, — устраиваясь удобнее, заметила я. Заставила себя расслабиться.

Все, что могла...

Оставалось надеяться, что обойдется без лишней крови.

Без лишней крови не обошлось.

Серьезно избитая Яна.

Бандитов было шестеро. Двое убитых и двое раненых. Одного, пытавшегося сбежать, взяли Тоха с Игорем.

Когда все закончилось и мы с Игорем оказали Яне первую помощь, к нам подошел старший группы Владимир.

— Значит, так, детки. Сейчас садитесь в машину и быстренько уезжаете. Словно вас здесь и не было.

— Но... — попытался возразить Тоха.

— Я непонятно выразился? — холодно уточнил Владимир. — За помощь, конечно, спасибо, но все прочее оставьте нам. Или так хочется познакомиться с полицией?

Судя по помрачевшему Тохе, не хотелось.

— А как же Яна? — едва не заплакала Юля.

Владимира это нисколько не смягчило. Бросив взгляд на мини-вэн — Яна находилась там, лежала на разложенных сиденьях, посмотрел на часы, надетые поверх камуфляжа:

— У вас шесть минут. Проезжаете дальше, метров через четыреста съезд на грунтовку. По ней два километра, выедете на

трассу. Все понятно?

Тоха только кивнул. Взял Юлю за руку.

— Я никуда без нее...

— У них штатный целитель, — как уже сегодня делала, взяла я Юлю за плечи. — И ей ничто не грозит.

Моих слов хватило, чтобы Юля как-то вся обмякла. Ее взгляд затуманился... Упасть она не упала, но пошатнулась. Игорь успел поддержать и так, придерживая, повел к машине. Следом направился и Тоха.

Я задержалась. Всего на несколько секунд.

— Спасибо! — искренне поблагодарила Владимира. — Если бы не вы...

— Тебе спасибо, — без той жесткости, с которой разговаривал до этого, вдруг произнес он. — У этих тварей на счету уже пятеро девчонок. Всех замучили. Сначала измывались, потом убивали.

Я сглотнула. Говорить, что о чем-то подобном подозревала, не стоило. Чувствовала, как с каждой минутой становится все хуже, но чтобы так...

Кивнув еще раз — все слова словно вылетели из головы, направилась к машине.

Игорь уже сидел внутри, Тоха ждал меня. Когда подошла, открыл дверь, помог сесть. С этим он угадал. Ноги подрагивали. И от пережитого. И от того, что могло случиться, но, к счастью, не случилось.

Когда трогались, издали донесся вой полицейских сирен.

Не шесть минут. Меньше.

До грунтовки действительно оказалось метров четыреста. Потом езда по кочкам. Трасса.

Юля не плакала, но время от времени вздыхала. Тяжело. Горько.

Парни молчали.

Заговорил Тоха, когда уже почти подъехали к дому Соколовых.

— Саш...

— Что? — шевельнулась я. Все это время была в каком-то оцепенении, тело затекло, стало вялым.

— Ты прости за Ваньку. Он хороший, но я не должен был...

— Перестань. — Я заставила себя улыбнуться. — В роду целитель не лишний, да?

— Не лишний, — то ли хмыкнул, то ли усмехнулся он. — Но если бы я знал...

— ...что я такая дура, — поспешила я перевести все в шутку.

Попытка оказалась успешной. Юля сдвинулась вперед, дотянувшись, сжала мою руку. Игорь подмигнул в зеркало заднего вида. А Тоха улыбнулся. Не натужно, открыто.

Радовалась победе я рано. Последнее слово Мещерский решил оставить за собой:

— Саш, если тебе нужна будет моя помощь...

— Наша, — тут же поправил его Игорь.

Это было очень приятно, но то, что они предлагали, называлось дружбой. Любая дружба накладывала обязательства, которых мне хотелось бы избежать.

* * *

Время для визитов было позднее, но Трубецкой предпочитал решать проблемы до того, как те возьмут за горло. А тем более эта, требовавшая особого внимания. Достаточно малейшей утечки...

Глава рода Мещерских принял его в кабинете. Встретил на пороге, пожал руку и пригласил присаживаться, указав на кресло у камина.

Трофим Иванович и рад бы посидеть, поговорить о семье, плавно перейдя к делам государственным, но...

Ситуацию горячей делала не Саша — источник у сложившихся обстоятельств был иной, но дочь Игната, словно катализатор, заставляла пылать там, где он этого пожара совершенно не ожидал.

Поэтому вместо принятого в обществе вступления он просто протянул Мещерскому флешку. Когда тот вопросительно приподнял бровь, кивнул.

Запись была сборной. Сначала с дорожных камер, потом тоже с камер, но уже индивидуальных, которыми укомплектовывалась форма всех бойцов дежурных групп стрелкового клуба «Исень».

Впрочем, стрелковым клубом с расширенным функционалом, в который входила и охранная деятельность, он являлся лишь на бумаге. А по факту — еще одна специальная служба, подчинявшаяся непосредственно Тайной коллегии и Трубецкому, как ее куратору.

— Уже видел? — забрав после просмотра флешку, лишь теперь устроился он в том самом кресле у камина.

— Не в таком объеме, — продолжая смотреть на потемневший экран планшета, задумчиво произнес Мещерский. — Нет у меня таких источников.

Трубецкой хмыкнул — глава Мещерских слегка лукавил, — но говорить об этом вслух не стал. Служба безопасности имелаась в каждом роду. В контексте выживаемости безопасность трактовалась ими весьма широко.

— С внуком уже разговаривал? — Трубецкой откинулся на спинку кресла.

Расслабляться было рано, но вот продемонстрировать расслабленность...

Оба рода из древних. И тому и другому за тысячу лет. И в том, что касалось богатства и влияния, друг другу не уступали. При таких обстоятельствах конкуренции между ними особой не было. Лишь так, пощекотать нервы.

А вот по возрасту разница в поколение. Старшему Мещерскому за семьдесят. Трубецкому — на двадцать с небольшим меньше.

Его отец и Иван Никодимович приятельствовали.

Он тоже приятельствовал, но с наследником. С главой же вел дела, что накладывало свои рамки на взаимоотношения.

— Отложил на утро. Запись принесли час назад, хотел подумать.

— И не разговаривай, — подался вперед Трубецкой. — И запись уничтожь. И все копии.

— Дело государственной важности или девчонку для своего бережешь? — развернулся Мещерский. Жестко посмотрел из-под густых бровей.

Здоровьем природа Мещерского не обидела. Да и фактурой тоже.

Крепок был глава рода, не по-стариковски крепок. И умом силен, что семье только на пользу. Возраст — он же еще и опыт. И понимание, когда стоит взбрыкнуть, а когда и укоротить норы, чтобы не попасть впросак.

От мыслей веяло грустью. Отец Трубецкого погиб, защищая Тамару и еще не родившегося Сашку.

Не самое приятное воспоминание. И вины за ним нет, но все равно давит.

— Я бы и поберег, но мой уже дважды опростоволосился. А насильно такую под венец не поведешь. Можно и к предкам раньше времени отправиться.

— Это когда он успел? — легко переключившись, с искренним интересом любопытствовал Мещерский.

Потом махнул рукой, мол, обожди с ответом. Из шкафчика достал графин с настойкой и пару рюмок. Поставил все на столик. Разлил.

Настойка была малиновой, пахла свежей ягодой.

Трубецкой предпочел бы пораньше вернуться домой, но...

Дело даже не в том, что Мещерский был ему нужен. Ни одна аналитическая справка не заменит живого контакта. Да и собственное мнение...

Мир менялся. Менялись и они. На том, в чем был уверен вчера, сегодня уже не выжить.

— Так что там с твоим? — Подав ему рюмку, Мещерский устроился в соседнем кресле.

Трубецкой глотнул, посмаковал...

Коньяки, конечно, хороши, но для русского настоечка привычнее. Свое. И для тела хорошо, и для души тепло и светло. Да и разум, если правильно сделана, не смутит. Скорее, добавит остроты и глубины.

— Ты же помнишь прошлогоднюю историю с целительницей?

— После которой они с Тохой неделю по кабакам горе заливали? — ухмыльнулся Мещерский. — Еще бы не помнить, как внучок после очередного похода всю лестницу заблевал. А потом еще и на отца с кулаками бросился, защищая друга.

— Ну, мы тоже по молодости... — попробовал восстановить справедливость Трубецкой, но продолжать не стал. Не о том сейчас шла речь. — Мой решил с девчонкой, как с девкой. Ну и получил отпор.

— Даже так... — сделал правильные выводы Мещерский. — Барышня с сюрпризом.

Прежде чем прокомментировать сказанное, Трубецкой сделал еще глоток. Покрутил в руке опустевшую рюмку.

Без откровенности не обойтись — глава рода Мещерских мог потребоваться ему в союзниках, но и сказать лишнего...

В том, что служба безопасности Мещерских уже рылась в прошлом Александры Салтыковой, он не сомневался, но с этой

стороны проблем не ждал. Это Соколов со своей инициативой оказался быстрее, пусть и на день, но, опередив его людей, этим же достанется стройная легенда, полностью подкрепленная фактами и свидетелями.

Однако на кое-какие обстоятельства намекнуть стоило. На тот крайний случай, если его поддержки Александре окажется мало.

На то, чтобы еще раз взвесить все «за» и «против», ушла пара секунд.

Жаль, что остальные вопросы так быстро не закрывались.

— Я бы предпочел на этом закончить, — оторвав взгляд от рюмки, посмотрел он на Мещерского, — но добавлю для понимания. Если по крови, то для твоего внука она не будет мезальянсом. Для моего сына — тоже. И если тебя не смущает, что рано или поздно о ее способностях станет известно, то пусть победит сильнейший.

— А как же Валдаевы? — опрокинув в себя в рюмку, остро прищурился Мещерский.

— Здоровая конкуренция, — подмигнул ему Трубецкой и предложил: — Ну что, еще по одной?

Разговор с умным собеседником. Несмотря на усталость, именно этого ему сейчас и не хватало.

* * *

Возвращаться домой, пока не узнают, чем все закончилось, Антон с Игорем отказались. А мы с Юлей и не настаивали. Пригласили к себе, благо флигель был в нашем полном распоряжении. Накормили не без помощи Людмилы Викторовны, первой узнавшей о наших приключениях.

А потом просто сидели в гостиной, время от времени заливаясь истеричным смехом, стоило кому-нибудь вспомнить очередной эпизод из сегодняшних проделок.

Данила Евгеньевич привез Яну ближе к ночи.

Услышав, как подъехала машина, мы прилипли к окну, но выходить не стали. Неизвестно, как Яна могла отреагировать на появление такого количества людей. Вот придет в себя немножко, почувствует, что в безопасности, вот тогда и наступит время для визитов.

Данила Евгеньевич появился во флигеле минут через пятнадцать, уже переодевшись в домашнее.

Войдя в гостиную, остановился, устало окинул нас взглядом. Потом улыбнулся... сначала через силу, затем уже увереннее.

Похоже, он, как и мы, не верил. Не верил в то, что все закончилось благополучно.

— Пап, чаю? — словно лишь теперь расслабившись, вскочила Юля. — Я сейчас...

— Подожди, — остановил он ее. Медленно выдохнув, подошел к нам ближе. — Спасибо вам. Если бы...

— Это Саша, — отказался за всех от благодарности Антон. — И...

— Это все вы, — перебил его Данила Евгеньевич. — Саша не побоялась раскрыть свои способности. Вы пошли с ней. И теперь...

Он все-таки не сдержался. Стиснув зубы, зажмурился. Дернулся кадык. Второй раз. Задрожали плечи...

Сильный, крепкий мужчина, едва не потерявший дочь.

Понимание того, что на самом деле могло произойти, было острым. Ошеломляющим. И не только у меня. Парни поднялись. Юля кинулась к отцу. Обняла. Зашептала что-то в ухо.

И только я одна...

— Данила Евгеньевич, как Яна? — пришел нам всем на помощь Игорь.

— Физически удовлетворительно, — мгновенно собравшись, почти спокойно произнес профессор. Поцеловал Юлю в щеку, бросил взгляд на стол, на котором стояли чашки, чайник и блюдо с пирожками.

Намек был более чем понятен. Вряд ли ему сегодня было до еды.

Юля кинулась заниматься чаем. Данила Евгеньевич, осмотревшись, выбрал кресло у камина. Сел, поерзал, устраиваясь удобно. И — обмяк, выпустив пар.

Я была слишком молода, чтобы понять его чувства. Лишь осознать умом. Но у меня был отец, который сейчас рисковал собой.

На чей-то взгляд неравноценно — ребенок и взрослый мужчина, но не для меня. Один из немногих самых близких людей.

Потерять его я боялась до ужаса!

— Вы с Сашей молодцы, — продолжил Данила Евгеньевич в ожидании чая. Нашей жажды подробностей он не пропустил. — Да и

целитель клуба постарался. Синяки еще остались, но это даже хорошо. Лучше обойтись без лишней нагрузки на организм.

Мы с Игорем переглянулись. Похвала была приятной и, надо признать, заслуженной. В том, что сначала работаем с ушибами внутренних органов и легким сотрясением, мы с Валдаевым определились без споров.

— Но вот душевно...

— Ее надо в тир, — не дала я ему закончить. — Яна должна избавиться от страха.

Тишина заставила меня подумать о том, что только что произнесла.

В тир... Избавиться от страха...

Встретив взгляд с некоторой тревогой смотревшего на меня Данилы Евгеньевича, качнула головой.

Нет, со мной ничего подобного не происходило — Реваз с Андреем научили давать отпор раньше, чем это реально понадобилось, но девушку, оказавшуюся в схожих обстоятельствах, я видела. В том самом тире в Пензе, где тренировалась сама.

— Неожиданная идея... — то ли раздумывая, то ли поддерживая, заметил Игорь.

— Хорошая, — поправила я. — Яну нельзя жалеть, но и оставлять наедине со страхом нельзя. Все это должно быть выбито даже не из головы, из души. У нас вряд ли получится — свидетели ее позора, а вот чужие люди... Сильные, крепкие, надежные.

— Ты сможешь дать рекомендацию? — спросил Антон.

Подумав, что Андрей будет ругаться, все-таки кивнула. Раз уж взялась помогать, идти следовало до конца.

— Утром постараюсь решить, — дала я понять Даниле Евгеньевичу, что буду настаивать на своем.

Он, конечно, отец, да и целитель выше всяких похвал, но именно от самых близких людей мы не всегда готовы принять то, что с благодарностью принимаем от чужих. Это был не мой жизненный опыт — слова отца, но, как и во многих других случаях, я ему верила.

— Наверное, ты права, — вздохнул Данила Евгеньевич. Взял поданную Юлей чашку. Пирожок...

Пока он ел, мы молчали.

Юля, расслабившись, начала позевывать. Но бодрилась, собираясь дождаться подробностей. Антон пару раз украдкой бросил взгляд на часы.

Зато мы с Игорем... Один из целительских навыков, помогавших и в обычной жизни: ненадолго, но мы могли «разогнать» себя, добавляя бодрости.

Правда, результат такого «разгона» был предсказуем. Крепкий сон, когда из пушки пали, а не разбудишь.

Наконец Данила Евгеньевич утолил первый голод. Вернул Юле чашку, посмотрел на нас с иронией:

— Если мне не изменяет память, то это называется тайной следствия.

— А мы никому! — тут же нашлась Юля. И ответила честным-пречестным взглядом.

— Ну... если никому, — усмехнулся Данила Евгеньевич, тут же став серьезным. — Только прошу, дальше без самодеятельности. Дело там серьезное. Даже слишком.

Искренне пообещав, что ни-ни, устроились напротив профессора. Мы с Юлей в одном кресле — я на подлокотнике, Игорь с Тохой на стульях, которые переставили от стола.

Но заговорил Данила Евгеньевич не сразу. То ли собирался с мыслями, то ли...

Думаю, он уже не в первый раз переживал то, что выпало на долю Яны.

Потом кивнул, как если бы согласился сам с собой, и начал рассказ:

— Сбежав из дома, Яна отправилась в ночной клуб.

— Какой? — тут же последовал вопрос Антона.

По закону подростки до семнадцати лет ночные клубы не посещали. Да и семнадцатилетние имели право находиться там только до полуночи. Следили за этим строго. Но, похоже, только на бумаге. Яне не исполнилось еще даже шестнадцати, и выглядела она на свой возраст.

— Данила Евгеньевич, — не пропустив сомнений на лице профессора — ему явно не хотелось делиться подробностями, слегка надавил Антон, — я ведь не из праздного любопытства спрашиваю. Наш род владеет несколькими клубами. И если это один из них...

— Это не ваш, — успокоил его Данила Евгеньевич. — «Весельчак». Ушаковых.

Еще одно княжеское имя. С весьма неоднозначной репутацией.

Как и о Трубецком, слышала от отца.

Впрочем, как и в том случае, не слышала — подслушивала.

— И, как я уже сказал, вам в эту историю лучше не лезть. С клубом будет разбираться полиция. Есть там заинтересованные в этом лица.

Улыбка Антона в ответ на замечание профессора была скептической. Словно знал достаточно, чтобы сделать собственные выводы.

Но говорить он ничего не стал.

Наверное, к лучшему. Спорить сейчас с Данилой Евгеньевичем или доказывать ему что-либо точно не стоило.

— Там она выпила, познакомилась с двумя девушками постарше, — между тем продолжил профессор. На лбу пролегла тревожная складка. — Они ее выслушали, предложили помощь с ночлегом. Яна порадовалась, по их же подсказке сняла с карты наличные, а саму карту сломала и выбросила.

— Шустрые девицы, — холодно заметил Игорь.

Антон только кивнул.

— Потом они еще пили. Танцевали. Дальше она не помнит. Пришла в себя уже в том доме. На руках антимагические браслеты, один из которых цепью прикован к батарее системы отопления. Сильная головная боль, потеря ориентации, жажда...

— Подлили что-то в спиртное, — сделал вывод Игорь.

Я была с ним согласна. Вряд ли наркотики — их присутствие мы бы выявили при диагностике, а вот что-то из медицинских препаратов со снотворным эффектом...

В сочетании с алкоголем последствия могли оказаться непредсказуемыми.

— Кровь на анализ у Яны взяли. Разберутся, — подтвердил наши мысли профессор.

— Или не разберутся, — хмыкнув, возразил Игорь. — Если девицы ушлые, могли достать что-нибудь быстро распадающееся.

— Могли, — хмуро отозвался Данила Евгеньевич, — но гадать не будем. Появится результат, тогда и сделаем выводы. И вы молодцы, что

не стали использовать очищающие магемы. Тут хоть шанс есть, а так бы...

На эту благодарность мы с Игорем предпочли не реагировать. Не признаваться же, что об этом просто не подумали.

— Ну а все остальное вы уже знаете.

Данила Евгеньевич поднялся, подошел к нашему с Юлей креслу. Обнял меня...

Получилось не очень удобно — я сидела на подлокотнике, но настолько щемяще...

— Спасибо, Саша! Ты не только ее спасла...

— Данила Евгеньевич...

— Саша, — отстранился он. Смотрел... Страшно он смотрел. Горько. — Полиция предполагает, что на руках этих мразей кровь пяти девушек. Там истории практически один в один. Ночной клуб, снятые наличные, сломанная карга... Находили через три дня со следами магических браслетов. И смерть их была жуткой. Такой и врагу не пожелаешь.

Я бы и хотела что-нибудь сказать, но после такого трудно что-то говорить. Если только признавать, что нам всем повезло. И надеяться, что повезло не в последний раз.

ГЛАВА 8

Мы встретились после обеда. Снова в кафе. На этот раз в парке, неподалеку от детской площадки.

Из двух вариантов, где устроиться — в помещении или на улице, под шатрами, — выбрали второй. День был теплым и ярким. Каким-то радостным.

Шумное соседство — с малышкой занимались аниматоры, так что смеха и визга было многовато, нас несколько не смущало. Похоже, не только мне хотелось сегодня чего-нибудь шебутного и беззаботного.

Игорь с Антоном были в форме. Красавцы! Их отпуск еще не закончился, но в училище уже начали подготовку к балу первокурсников и привлекли всех, кто вернулся в город.

Мы с Юлей тоже принарядились, пришли в платьях. И хотя свиданием эту встречу трудно было назвать, рядом с такими ребятами хотелось выглядеть соответствующе.

Жаль, настроение лично у меня было неподходящее. События минувшего дня заставляли вновь и вновь возвращаться к ним. Рассматривать, оценивать, делать выводы.

И хотя меня это больше вроде как не касалось, своим ощущениям я научилась доверять. А они утверждали, что ничего еще не закончилось.

— Ты чего такая серьезная? — после очередной шутки, так и не нашедшей у меня понимания, поинтересовался вдруг Игорь.

В чем-то он был прав. Об уроках танца, которые являлись обязательной частью той самой подготовки, оба рассказывали весьма уморительно.

— Вымоталась, — почти честно призналась я, лениво ковыряя ложечкой мороженое в вазочке.

День был жарким, мороженое таяло быстро. Остальные давно справились с лакомством, я же на него только смотрела, наблюдая, как разноцветные шарики теряют форму.

— Данила Евгеньевич? — предположил, кто стал причиной моей усталости, Игорь.

Я кивнула.

Людмила Викторовна осталась с Яной. Та, по словам профессора, чувствовала себя значительно лучше, но оставлять без присмотра ее все равно не стоило.

Да и полиция... Следователь, который вел дело, приехал утром, когда еще завтракали.

Ну а мы с Дániлой Евгеньевичем всю первую половину дня работали на кафедре. Часть времени посвятили отработке методики, которую Данила Евгеньевич шуточно называл капелюшечкой. Потом разбирали накопившиеся бумаги.

И вроде не мое дело, но оставить профессора я не смогла. Понимала, что жалобный взгляд, направленный на меня, отражал всего лишь нежелание разгрести эту кучу в одиночестве, но поддалась молчаливой просьбе.

— Не жалеет он тебя, — вроде как сочувственно протянул Игорь.

— Не жалеет... — тяжело вздохнула я и многозначительно посмотрела на Юлю.

Та на мой намек словно и внимания не обратила. Лишь хмыкнула и передвинула пустую вазочку поближе к Антону.

Жаль, но будущего у них не было. А так получилась бы красивая пара.

— Кто будет еще мороженое? — сообразив, что от него требуется, засуетился Антон.

— Без меня, — качнул головой Игорь. — Если что, заберу у Саши. Она все равно...

— Не дам, — ухватилась я за вазочку. — Мое!

Игорь от неожиданности резко отстранился, потом, сообразив, как это все выглядело со стороны, рассмеялся.

Антон его поддержал, а вот Юля только улыбнулась удовлетворенно. Как если бы что задумала, то и получила.

— Ладно, значит, мороженое мне и Юле, — отсмеявшись, приподнял Тоха руку, подзывая официантку.

Та подошла, приняла заказ.

По поводу Яны я с Андреем договорилась. Тот даже ругаться не стал, просто выслушал и сказал, что его человек свяжется с профессором.

С методикой тоже пошли подвижки. Еще совсем слабенькие, но мои слова о том, что капелюшечка на поврежденных каналах работает,

подтверждались. И это было видно не только нам с Данилой Евгеньевичем, это заметил и Сергей, заявив, что спина «оживает». Не «сидит» в подпитуваемом профессором корсете, а именно «оживает», давая о себе знать волнами тепла и легким пощипыванием.

И пусть до конкретных результатов было еще ой как далеко, Данила Евгеньевич склонялся к тому, чтобы начинать заниматься и Тamarой Львовной. Вреда от капелюшечки не будет, а вот польза...

Это была прекрасная новость, но вновь встречаться с князем мне не хотелось.

— А вот теперь ты слишком задумчивая, — правильно оценил мое состояние Игорь.

— Есть такое, — соглашаясь, теперь уже пару раз кивнула я. — Вот сижу и думаю, что мне не нравится в этой истории.

— В какой истории? — нахмурилась Юля.

— В истории похищения Яны, — спокойно посмотрела я на нее, что не помешало заметить, как переглянулись Антон с Игорем.

Очень многозначительно переглянулись. Вроде как продолжая начатый разговор.

— Ну и о чем мы так тщательно молчим? — тут же подалась я вперед. И даже слегка напустила «ужаса». То самое незначительное воздействие на сердце, когда оно начинает «затухать», вызывая что-то похожее на паническую атаку.

С Игорем номер не прошел, он тут же заблокировал магему, а вот Антон слегка побледнел.

— Все-все, — поднял он руки. — Сдаюсь!

— То-то же! — поддерживаемая Юлей, рассмеялась я.

С продолжением разговора пришлось задержаться — принесли мороженое. Как раз еще подумать, стоит ли лезть в историю, соваться в которую Данила Евгеньевич настойчиво не советовал.

Вопрос решили другие.

— Ну что, начнем с тебя? — когда остались одни, посмотрел на меня Игорь. Поставил полог.

Я вдохнула, выдохнула...

Андрей поделиться подробностями отказался, но я и настаивать не стала — Данила Евгеньевич рассказал достаточно. А то, о чем умолчал, то ли не желая пугать, то ли посчитав, что свое дело мы

сделали, подслушала Юля. С супругой профессор оказался значительно более откровенным.

— Если коротко, то все выглядело так, — неторопливо, взвешивая каждое слово, заговорила я. — Яна познакомилась с девушками, они ее пожалели, напоили, подбили снять наличные и сломать карту. Они же, судя по всему, подлили в спиртное сильное успокоительное, вывели из клуба и лишь после этого надели магические браслеты.

— Все как и у предыдущих пяти жертв, — подвел промежуточный итог Антон.

Вот только выражение лица...

— Тогда куда делись девушки и откуда взялись парни? — улыбнувшись, поинтересовалась я.

— Их задача — найти жертву, войти в доверие, — с такой же чуть насмешливой улыбкой парировал Антон. — А уж парни...

Он был прав, но ощущение, что все совсем не так, не отпускало. Да и рассказ Юли...

Юля правильно поняла мой взгляд.

— Следователь сказал отцу, что парни отказываются признаваться в похищении. Утверждают, что у них в том доме нора. Вернулись забрать ценности с последней кражи, а наткнулись на Яну. Один подошел поближе, думал, мертвая, а она как заверещала и ногтями вцепилась в лицо. Вот тогда он ее первый раз и ударил. Ну а потом... — Она поморщилась и махнула рукой. Мол, остальное сами знаете.

— Тот раненый, которого я осматривав, постоянно твердил, что это не они украли девку, — мрачно добавил Игорь.

— А нору там действительно нашли, — добавила Юля. — И вещи с нескольких краж. Золото, картины.

— И это еще не все, — опять перехватил инициативу Игорь. — Я про те убийства раньше слышал. От отца. Он консультировал на вскрытии. — Он посмотрел на меня, на Юлю. Судя по тому, как отвел взгляд, на полную откровенность Игорь так и не решился. — Среди травм, которые получили жертвы, были оставленные скалкой и бутылкой из-под шампанского. А еще на их телах были следы ногтей и несколько волос. Женских.

— И что тогда получается? — деловито спросила, откинувшись на спинку стула, Юля. — Те, кого взяли, могут быть совершенно ни

при чем?

— И тогда Яне может грозить опасность, — несколько иначе сформулировала я то же самое. — Она видела девушек. И они знают, что она жива. А еще...

— Так! — выставив ладонь вперед, остановил меня Антон. — Это дело полиции. И все, о чем мы сейчас говорим...

— Подожди, — перебила я его.

Поднялась, подошла к живой изгороди, которой была отделена территория кафе.

Мужчину и мальчика я заметила, когда они только покинули площадку. Это не был случайный взгляд — ощущение тревоги, заставившее посмотреть именно туда.

И хотя внешне не было ничего необычного, но...

Мальчика я узнала сразу — тот самый малыш, которого я лечила в поезде, а вот мужчину... Мужчина мне тоже был знаком, но к мальчику он не имел никакого отношения.

Ребенок выглядел странно. Ни малейшего признака веселья, скорее уж застывший на лице испуг. Да и деревянная походка намекала на нехорошее.

Мужчина был напряжен, скован и явно торопился, заставляя мальчишку чуть ли не бежать за собой.

— Саша... — встал рядом со мной Игорь.

— Это ведь магема подчинения... — не столько спросила, сколько подумала вслух я.

— Где? — не сразу понял Игорь.

Больше ничего сказать не успел. Мелькнувшая у меня догадка была неожиданной, но, кажется, объясняла если не все, то многое.

— Юля! — на миг обернулась я к столику. — Вызывай полицию. Похищение ребенка. Антон, Игорь...

Говорить, что им делать, не пришлось. Пока я бежала к выходу из кафе, оба уже перепрыгнули через живую изгородь и бросились наперерез явно почувствовавшему опасность мужчине.

* * *

Данила Евгеньевич заехал к Трубецким лишь на минутку. Только посмотреть Тамару да договориться о времени, когда начнут работать по новой методике.

И все именно так и сложилось бы, не окажись дома и князь.

Редкое стечение обстоятельств. Днем его проще было застать в ином месте.

Все остальное от профессора уже не зависело. Уговаривать князь умел. Даже не прибегая к угрозам. А уж цеплять на интерес... Это у него было профессиональное.

— Значит, ты уверен, что не они привезли Яну в тот дом? — Данила Евгеньевич помешал сахар в чашечке, положил ложечку на блюдце.

Разговор был не самым приятным, но полезным для понимания ситуации и путей ее возможного развития.

Яна не росла замкнутой девочкой — в подругах недостатка не испытывала, но по сравнению с непоседливой и шепучной Юлей, постоянно попадавшей в неприятности, мелкие и не очень, была тихой и практически незаметной.

Это дома она раскрывалась, доводя всех своей неукротимой любознательностью, а за его пределами была совершенно очаровательным ребенком, как характеризовали ее друзья и знакомые.

И казалось, все это было только вчера. Первый младший. Бантики в косичках и красные сандалики на маленьком каблучке, которые купили как раз к этому событию.

И ведь не сказать, что не занимался с детьми, но вот это «бросил мальчик» напоминало гром с ясного неба.

Дочь выросла! А он не заметил.

— Это не я уверен, а следователь, который ведет дело, — поднялся с кресла Трубецкой. отошел к окну, отдернул штору. — Те девушки, — продолжил он, не обернувшись, — были изнасилованы. Жестоко и извращенно. Скалкой и бутылкой из-под шампанского. При этом их били, царапали, кусали, вырывая куски плоти.

— Психически здоровый человек такого не сделает. — Данила Евгеньевич отставил только что поднятую чашку. Не потому, что та была третьей. Просто пить чай и слушать такое...

Представлять, что подобное могло произойти с дочерью, он не собирался. Им повезло — события сложились так, что Яна избежала

страшной участи. Все, что требовалось теперь, — восстановить ее физическое и душевное здоровье. Ну и сделать так, чтобы, случись у нее проблемы, приходила к ним с Люсей, а не искала сочувствия и поддержки у незнакомых людей.

— Ты правильно заметил, — лишь теперь повернулся к нему Трубецкой. — На месте преступления были обнаружены волосы одной из мучительниц. Наркотики. Магема на деструктурированной стихии огня и химия. Страшная смесь.

Данила Евгеньевич, выслушав, кивнул. Это объясняло многое. И ту изворотливость, с которой преступники находили жертв. И ту жестокость, с которой лишали их жизни.

— Теперь понимаешь, почему я приказал выставить у твоего дома скрытую охрану? — невесело посмотрел на него Трубецкой.

— Могут попытаться закончить начатое? — не утаив беспокойства, уточнил Данила Евгеньевич.

По-хорошему Яну следовало увезти. Его родственники, родственники жены... Девочку примут с радостью.

Проблемой было начало учебного года. Старшие классы — особая нагрузка. Речь шла о выборе, от которого зависело будущее.

Но останавливало от решения даже не это, а банальный страх. Казалось, что если он будет рядом...

Быть постоянно рядом он не мог. И не потому, что не хотел.

— Консультант, к которому обратился следователь, уверен, что да. Во-первых, Яна представляет для них опасность. Видела и может опознать. Во-вторых, одурманенный наркотиками разум требует удовлетворения. Удовлетворения, которое предвкушали, но не получили. Впрочем, что я тебе объясняю. Ты и сам все это...

И опять Даниле Евгеньевичу только и оставалось, что кивнуть.

С наркотической зависимостью, особенно той, где не обошлось без стихийных магем, ему, как целителю, встречаться доводилось. Кое-какие нюансы поведения наркомана со стажем были известны.

— Так, может, все-таки лучше увезти? — потер он подбородок.

— Может, и лучше, — не отведя взгляда, твердо произнес Трубецкой. — Но остаются Юля и твоя студентка. Что с ними будем делать?

Говорить, что ни старшая дочь, ни Саша не имеют к этой истории отношения, профессор не стал. Не потому, что действительно имели,

пусть князь об этом даже не догадывался. Просто...

Все крутилось вокруг той самой наркотической зависимости. Предсказать, как одурманенный будет действовать, не получив того, чего жаждал, если кто и мог, то только профильный специалист.

— А ночные клубы? — воспрянул он от пришедшей в голову мысли.

Трубецкой грустно усмехнулся и развел руками.

— Вычислить по камерам не получилось. Точно знаем, из каких клубов пропадали девушки, но зацепок немного. Дважды на видео видны со спины. Один раз лицом, но расстояние такое, что не взять. И на этом все! Правда, есть препарат, который добавляли в спиртное. Довольно специфический. Ну и магические браслеты. Хотя и с этим пока сложно.

Данила Евгеньевич выслушал. Потом поднялся.

К утру он не расслабился — перешел в режим, когда все страшное уже позади.

И куда только делся его аналитический ум, просто обязанный предусмотреть подобное развитие событий?

Пройдя через всю комнату — в движении лучше думалось, остановился рядом с Трубецким.

Окно выходило в парк. Извилистые дорожки, очерченные высаженным вдоль них кустарником. Деревья с фигурно подстриженными кронами...

— И что нам теперь делать? — едва ли не слепо глядя на все это великолепие, несколько растерянно спросил он.

Когда на войне, оно и сложнее и проще. Сразу понятно: здесь — свои, там — враги. И хотя без нюансов не обходилось — нередко случалось, когда у раненых деление на тех и других стиралось, но и это не выбивало из правила.

А тут...

Про криминал он слышал. И даже выступал несколько раз в качестве консультанта. Но чтобы вот так...

— Выполнять все мои рекомендации, — успокоил его Трубецкой. — И жить, как жил. Кстати, — уже другим тоном заговорил он, — как я понял, собираешься лечить Тамару по новой методике?

Данила Евгеньевич усмехнулся — поддержать, внушив уверенность, друг детства тоже умел, но тянуть с ответом не стал. Хотя и мог.

— Начнем через пару дней. Точнее, — он хитро посмотрел на Трубецкого, — начнет студентка, а я буду наблюдать.

— Значит, — рассмеялся Трубецкой, — признанное светило так и не справилось с капелюшечками?

— Старею... — философски протянул Данила Евгеньевич.

Хотел добавить, что капельки ему даются уже довольно хорошо, но сбил звонок магофона. Достав аппарат из внутреннего кармана, отметил имя на экране, развернул к Трубецкому...

Звонила Саша. И это было... Это было странно и неожиданно.

А еще слегка пугало.

— Саша, что-то... — произнес он, не скрывая тревоги. Нахмурился. — Да, это я. Соколов Данила Евгеньевич. Я могу узнать... Да, Александра Салтыкова моя студентка и помощница. Да, факт лечения в поезде имел место быть... Да, все так, отравление волчегодником... — Эта пауза была уже длиннее, но закончилась и она. — Я буду в участке минут через двадцать. Надеюсь, вы понимаете, что допрос несовершеннолетней... Да, буду.

Он отключил магофон, посмотрел на пристально наблюдавшего за ним Трубецкого:

— Саша в полиции. Предотвратила похищение ребенка. Того самого, которого лечила в поезде.

— Где? — помрачнел Трубецкой.

— В парке неподалеку от академии. Там Юля, Антон Мещерский и Игорь Валдаев. Следователь просит подъехать.

— Я с тобой...

— Нет! — резко перебил его Данила Евгеньевич. — Саша тебя боится.

— Саша что?.. — аж подался вперед Трубецкой. — А меня-то с чего?

— Самому интересно, — поморщился профессор.

И ведь не солгал. Даниле Евгеньевичу очень хотелось знать, почему эта девочка так явственно опасалась его старого друга.

В полицейском участке нас разделили, разведя по кабинетам.

Тот, в который попала я, был серым и унылым. Не самые чистые окна, забранные решеткой. Не самые свежие шторы, сдвинутые в одну сторону.

Единственное украшение — парадный портрет императора Владимира. Да и тот был пыльным.

Я бы на месте начальства за такое разгильдяйство сделала выговор, но в этом месте решала не я, а другие.

Из мебели — совершенно пустой, слегка потертый стол. Несколько стульев. Высокий шкаф у стены.

Разглядывать было откровенно нечего. Только думать о том, чем все это закончится.

За последствия я сильно не переживала. Приехавший чуть позже полицейских целитель подтвердил, что мальчик находится под принуждением, так что с этой стороны опасаться было нечего. Если только беспокоиться о том, как отреагирует Данила Евгеньевич.

Вчера проблемы с дочерью. Сегодня со мной...

Он, конечно, сильный мужчина, но предел терпению есть у всех.

А ведь был еще Андрей, которому ничего не стоило устроить мне хорошую головомойку. В том, что касалось моей безопасности, отец дал ему широкие полномочия.

Я так задумалась о собственном будущем, что пропустила появление в кабинете еще одного человека. Очнулась, когда он уже стоял на пороге, рассматривая меня с каким-то плотоядным интересом.

— Я — следователь Варланов. Степан Андреевич, — представился он, как только я подняла голову и встретилась с ним взглядом.

Закрыв дверь, прошел к столу. Положил на него мой паспорт, телефон.

Сумочку, когда привезли в полицейский участок, у меня не забрали. Лишь проверили — с моего разрешения, что там нет ничего запрещенного.

Да и вообще вели себя достаточно корректно. Причина такой внимательности к нашим персонам была очевидна — Антон назвал сразу, как появилась полиция, так что я не обманывалась. Страшилки, которые рассказывали об этой братии, имели под собой реальные основания.

— Салтыкова Александра Игнатъевна, — проявив вежливость, представилась и я.

Необходимости в этом не было, но обострять ситуацию не стоило. Как минимум пока.

— Александра Игнатъевна, — следователь присел за стол, — я коротко переговорил с господами Мещерским и Валдаевым. Они рассказали, что произошло в парке. По их словам, именно вы сообщили о том, что ребенок находится под магемой подчинения и, скорее всего, похищен мужчиной, который его сопровождал. Это так?

Следователь был невысоким, худощавым. Лицо простое, но приятное, располагающее. Да и смотрел он с тем спокойствием, которое лучше иных слов убеждает, что этому человеку можно довериться.

По возрасту — ровесник отца. И это наводило на мысль, что он не столь безобиден, как хотел показаться.

— Простите, господин следователь, но вам ведь известно, что я — несовершеннолетняя? — кивнула я на лежавший на столе детский паспорт.

— Чувствуете за собой вину? — с задором улыбнулся он.

Вот ведь... Начни он угрожать, было бы проще, а так... Умеет располагать к себе. Хотя бы таких неискушенных барышень, как я.

— Закон должен быть законом, — тяжело вздохнув, развела руками я. — Разве не так?

— Так, — без малейшего напряжения — уж я-то чувствовала, согласился он. — И кому будем звонить? Родителям? Опекунам? Законным представителям?

— Законным представителям, — не задержалась я с ответом. — Впрочем, если хотите, можем позвонить и родителям, но тех придется подождать. С Урала самолеты не каждый день летают.

— Ну если у нас нет других вариантов... — негромко рассмеялся он. Взял телефон, протянул мне. — И кто у нас законный представитель?

— Профессор Соколов Данила Евгеньевич, — назвала я имя своего работодателя.

Впрочем, работодателем он и являлся. Договор между нами был заключен по всем правилам.

— Так вы целительница? — тут же сменил тон следователь.

— Будущая, — вздохнула я. — Пока только помощница.

— Тогда мне все понятно, — кивнул он, скорее всего, собственным мыслям.

Расслабилась я рано. Стоило нажать «вызов», как телефон вновь оказался в его руках.

Движения я практически не заметила. Только что сидел и...

О том, что безобидным следователь лишь казался, я уже думала. Теперь получила подтверждение.

Их разговор был недолгим. Господин Варланов уточнил, знакома ли профессору барышня Салтыкова Александра Игнатьевна. Получив утвердительный ответ, коротко описал ситуацию, напомнив историю в поезде, и попросил приехать в участок. И все это... вежливо, но с намеком, так что в какой-то момент мне стало не по себе.

Нет, я точно поступила правильно, но вот последствия...

Наверное, именно это и подтолкнуло меня к дальнейшему.

Стоило следователю закончить разговор, я протянула руку к телефону. В ответ на вопросительный взгляд поднялась и четко, давая понять, что не отступлюсь, произнесла:

— Мне положен звонок.

— А разве вы... — вроде как недоуменно начал господин Варланов.

— Скорее вы, — мило улыбнулась я, намекая, что разговаривал по телефону именно он, а не я.

— Ну если настаиваете... — уже без всякой любезности произнес следователь.

Я его тону не поверила. Сидевший напротив мужчина откровенно забавлялся. Пусть и не показывал этого.

Отвечать на выпад не стала. Взяла протянутый телефон, набрала номер Андрея.

Тот откликнулся мгновенно:

— Все знаю. Жди профессора и ни о чем не беспокойся.

Подумав о том, что две мои выходки подряд Андрей может и не перенести, отключилась и заблокировала телефон, чтобы некоторые не тянули к нему руки.

А то ведь...

Все, что мне оставалось, дожидаться Данилу Евгеньевича и, как и сказал Андрей, постараться не волноваться.

Данила Евгеньевич приехал через двадцать пять минут.

Все это время я просидела в кабинете одна. Наедине со своим лежащим на столе телефоном, которым меня весьма вежливо попросили не пользоваться.

А я и не собиралась. И без него было над чем подумать. Хотя бы о так и не законченном нашем с ребятами разговоре.

Когда дверь открылась, я как раз дошла до мысли, что без приманки в истории с клубами не обойтись. Тем уродкам нужна была жертва. И если ею не стала Яна, рано или поздно появится другая девушка, которая, как и дочь профессора, будет искать утешения среди безудержного веселья ночной жизни.

— Прошу вас, господин профессор. — Следователь пропустил Данилу Евгеньевича.

Зашел следом, тут же направившись к столу. Сел, положил перед собой папку с бумагами.

— Саша? — А вот профессор так и остался стоять у двери. Назвал мое имя и замер, глядя с тревогой и волнением.

— Со мной все в порядке, Данила Евгеньевич, — вскочила я. Поежилась, не зная, как выразить то, что чувствовала.

Сожаление в той смеси, которая бурлила внутри, было, но лишь о том, что добавила Соколову проблем.

— Это хорошо. — Лишь теперь профессор сдвинулся с места. Подойдя быстрым шагом, прижал меня к себе и выдохнул. Как если бы наконец поверил, что ничего серьезного действительно не произошло. — Не кори себя. Ты все сделала правильно.

— Я уже так не думаю, — отстранившись, грустно улыбнулась я. — Неприятное место.

Место действительно было неприятным, но поступить иначе в той ситуации я не могла.

* * *

— Значит, вы сначала просто узнали мальчика?

— Да, — подтвердила я. Оглянувшись, ободряюще улыбнулась стоявшему за спиной профессору.

От меня он так и не отходил. Да еще и руку на плечо положил. То ли поддерживал, то ли опасался, что сбегу.

— Ситуация в поезде была сложной. Мальчик, как и его родители, врезались в память. Да и общее впечатление. Целитель помнит своих пациентов.

— Подтверждаю, — глухо произнес профессор.

— Что именно? — вспыхнув иронией, совершенно спокойно уточнил господин Варланов.

Эмпатия у Данилы Евгеньевича, как у большинства целителей-мужчин, была невысокой, так что скрытого сарказма вопроса профессор не ощутил.

— И то и другое, — тем не менее довольно резко отреагировал он. — Отравление волчегодником, если вовремя не оказать помощь, тяжелая вещь. А уж у ребенка, которого целенаправленно травили...

— Целенаправленно — что? — склонив голову к плечу, холодно поинтересовался следователь.

— Что?! — непонимающе развернулась я к профессору.

Тот оторопело посмотрел на меня, на господина Варламова...

— Простите... — медленно выдохнул он. Потом достал из кармана магфон, набрал номер и, произнеся лишь короткую фразу: «Ты был прав», — тут же его отключил.

— Господин Соколов! — поднялся со стула следователь.

— Подождите минуту, — отпустив меня, профессор отошел, сел на свободный стул и словно обмяк, опустив плечи.

— Данила Евгеньевич! — вскочила и я.

С первой встречи профессор произвел на меня впечатление сильного, уверенного в себе человека. И вот теперь... Не сказать, что он был раздавлен, но растерян — точно.

Чего именно... точнее, кого именно ждали, понятно стало действительно через минуту.

— Ваше превосходительство! — вытянулся следователь, мгновенно узнав вошедшего в кабинет Трубецкого.

Я, плохо контролируя собственные реакции, шарахнулась в сторону, не пропустив задумчивого взгляда, которым одарил меня князь, а также господин Варланов.

Ну и пусть смотрят! Я и раньше, до встречи, его опасалась, а уж теперь...

Не знаю, как прожила с ним все эти годы Тамара Львовна, женщина мягкая и добрая, но я-то видела, насколько жестким и жестоким был этот человек. Жестоким и целеустремленным, что в некоторых случаях было даже очень нехорошо.

— Александра, подождите, пожалуйста, в коридоре, — словно опровергая сложившееся мнение о себе, благожелательно попросил меня Трубецкой.

Я кочевряжиться не стала. Взяла сумку, забрала со стола и бросила в нее телефон. Подошла к двери.

— У мальчика магема подчинения нестандартная, — произнесла я, уже взявшись за ручку. — Я не сразу поняла. Центральный узел такой же, а внешний контур другой. И мужчина...

— Что мужчина? — развернулся ко мне Трубецкой. Я хоть и стояла к нему спиной, а движения не пропустила. Резким оно было, напряженным.

— Там тоже магема подчинения, — вынуждена была повернуться и я, — но другая. Я могу ошибаться, но что-то связанное со смертью.

— Ты уверена? — поднялся Данила Евгеньевич, удивив меня очередной метаморфозой.

Куда только делась его растерянность. Собран, если не сказать, готов к бою.

— Нет, — качнула головой. — Но я помню, что стандартная в основе берет операционную. А эта... — Я развела руками. Чтобы объяснить то, что увидела, мне не хватало знаний.

Повисшая в кабинете тишина была задумчивой. И вроде как с намеком... на обстоятельства.

Первым очнулся князь:

— Данила Евгеньевич, ты сможешь...

— Ваше превосходительство, но... — похоже, сообразив, о чем идет речь, попытался перебить князя следователь.

— С твоим начальством я сам разберусь, — жестко оборвал его Трубецкой. — Надеюсь, ваш целитель...

Судя по тому, как побледнел следователь, их целитель уже должен был осмотреть и мальчика и мужчину.

И если в первом случае особого вреда я не видела, то во втором...

Добавляя обстановке нервозности, неожиданно распахнулась дверь.

— Степ, там... Ваше превосходительство! — Влетевший в кабинет полицейский резко затормозил. Замер, вытянувшись.

Я бы, может, и захихикала — со стороны это выглядело уморительно, но даже не улыбнулась. Если права в своих догадках, то с известием о магеме подчинения я опоздала.

— Умер? — озвучил мои мысли следователь.

— Кто? — словно забыв о присутствии в кабинете князя, недоуменно поинтересовался влетевший. Снова вытянулся и продолжил уже иным тоном: — Разрешите доложить, ваше превосходительство?

— Докладывай, — бросив на меня короткий взгляд, милостиво разрешил Трубецкой.

Я утрировала. Князь был на удивление спокоен и корректен.

— Нашли мы двоих. В парке. В будке смотрителя аттракционов. Скорее всего, няня и охранник. Оба под магическим воздействием. Трогать не стали...

— Значит, под воздействием, — задумчиво повторил следователь, когда тот, который докладывал, получив разрешение, покинул кабинет. — И как же нам узнать имя мальчика? Может, спросить у вас? — оценил он мои откровения.

Ответить я не успела, за меня это сделал Данила Евгеньевич:

— У нее — нет, а вот у меня — да. Когда Александра вернулась к себе в купе, я поинтересовался. Отец ребенка — Варланов Виталий Афанасьевич.

— Внук Афанасия Егоровича? — мгновенно став серьезным, нахмурился следователь. Потом посмотрел на Трубецкого...

И вот этот взгляд мне не понравился. Было в нем такое выражение, как если бы следователь наконец сообразил, что здесь делает князь. И это понимание было до краев наполнено не только текущими, но и будущими проблемами.

Не знаю, как кому, а мне стало страшно. Эта история могла оказаться значительно серьезнее, чем случившееся с Яной. И то, что я оказалась в ней замешана...

Вот только деваться было некуда. Раз все случилось так, как случилось.

— Я ведь еще не все сказала, — тяжело вздохнув, жалостливо посмотрела я на князя.

Я хоть его и боялась, но в этой ситуации лишь он мог избавить от множества вопросов, которые при другом раскладе неизбежно бы возникли.

В этот раз на меня глядели все. И с таким выражением на лицах, что если бы я затянула молчание...

Успокаивало одно. В самом крайнем случае Андрей просто увезет меня куда-нибудь подальше, где я точно не вляпаюсь ни в какие переделки.

— Мужчина, который с мальчиком, он был в поезде.

— Где? — опередил Трубецкого профессор.

— Их было двое. Когда я шла к ребенку, они стояли в коридоре. Когда возвращалась к себе в купе, остался только один. Который второй. Этого я больше не видела.

— Ты уверена? — приблизился ко мне Трубецкой.

Я хотела отскочить, но оказалось некуда. Дверь поджимал тот тип, что последним влетел в кабинет.

Пришлось взять себя в руки и ответить:

— Уверена. У него проблемы с желчным, цвет лица отдавал в желтизну. Да и склеры пожелтели. Потому и запомнила.

А сама вновь подумала о том, что отец просил вести себя тихо.

Вот только у меня почему-то тихо никак не получалось.

ГЛАВА 9

Ростов объехали стороной.

Лишний круг... Таких кругов они нарезали достаточно, чтобы этот за лишний можно было не считать.

— Скоро гостиница для дальнобойщиков.

Игнат бросил взгляд на навигатор. Звук тому отключили, чтобы не нервировал, оставили в настройках только подсказки значками.

— Предлагаешь перекусить?

Обедом они решили не заморачиваться — прекрасно обошлись сухпаем и чаем в термосе, но время шло к ужину, Игнат и сам бы не отказался от чего-то посущественнее.

— Задницу размять, — хохотнул вновь сидевший за рулем Реваз.

Машину они сменили после Царицына. Один внедорожник на другой, более солидный, но с такой же серьезной начинкой, как и первый.

Внешностью оба тоже озаботились, вписав ее под текущую легенду. Игнат — завербовавшийся в род целитель, добравшийся к новому месту работы. Реваз — сопровождающий.

Оставался вопрос, почему машиной, а не поездом или самолетом, но к обсуждению этой темы они тоже были готовы. Начиная от «посмотреть красоты империи» и заканчивая боязнью воздушных судов.

— Если только задницу... — поддержал его Игнат. — Ну что ж, узнаем, чем кормят в этой дыре.

Дырой эта дыра не была — шли они из Ростова по трассе, уже давно переплюнувшей хваленые европейские стандарты, но если сравнивать со столичным регионом...

Гостиница, до которой добрались минут через пятнадцать, была целым гостиничным комплексом. Ремонтные ангары, шиномонтаж, мойка, елочка^[1] для дальнобойщиков, стоянка для обычного транспорта. Это не считая самой гостиницы в три этажа, с двумя кафе на выбор, бани и медицинского пункта.

Начали с душа. Была здесь и такая услуга.

После того как освежились, завалились в кафе. Помещение оказалось практически пустым. Кроме них женщина с девочкой и два мужика в хорошем подпитии.

На первый взгляд ничего подозрительного, но...

— А барышня-то чего-то боится, — усаживаясь боком к залу, произнес Реваз на смеси грузинского и персидского.

Игнат, внешне никак не отреагировав, устроился напротив. Раскрыл меню, которое прихватил на барной стойке.

Женщине лет двадцать пять — двадцать семь. Девочке не больше шести. То, что их появление барышню напугало, Игнат заметил, но сейчас о чужих проблемах думать не стоило. Своих хватало.

— Темно-синий родстер, — тем не менее произнес он, соотнеся посетителей кафе и машины на расположенной рядом с ним стоянке.

Кроме их внедорожника машин было три. Тот самый родстер, более других подходивший женщине с ребенком, пикап и тонированный джип.

— Не нравится мне все это, — на той же жгучей смеси языков прокомментировал его слова Реваз и ослепительно улыбнулся подошедшей официантке.

Девушка была хороша. Даже с учетом маленького шокера, прикрепленного к широкому поясу.

— Супчик из потрошков, сковороду жарехи и большую кружку морса, — демонстрируя широту своей натуры, сделал заказ Реваз.

— Мне — то же, — подчеркнуто холодно произнес Игнат. — И будьте добры, чай в термос.

Официантка записала заказ в маленький блокнотик, забрала пустой термос.

— И добавьте четыре бутылки пива. С собой. Холодненького, — крикнул уже практически ей в спину Реваз.

Официантка кивнула.

— Му и зачем? — нахмурился Игнат. Затеянный Ревазом кипиш напоминал ему проделки молодости.

— Надо, барин, — зло, благо никто не видел, скривился Реваз. — Надо.

Игнату только и оставалось, что пожать плечом. Вопросом, кто у кого служил, он уже давно не задавался. Особенно когда речь заходила о безопасности.

Супчик был хорош. Жареха — тоже. Да и морс не подкачал. Вроде и ничего сложного — вода и ягода, но то слишком сладкий, то слишком кислый. В этом оказалось всего в меру.

И если бы не подступавшее ощущение тревоги...

— Я сейчас, — пока ждали, когда принесут счет, поднялся Реваз. Подхватил бутылки.

Игнат лишь качнул головой да проследил взглядом, пока тот шел к выходу.

Трюк с бутылками был прост. Требовалось лишь в нужном месте споткнуться и разбить одну-две... А дальше — наблюдать и делать выводы. Если успеешь.

Вопреки ожиданиям — все могло обернуться и стрельбой, вернулся Реваз быстро. Игнат только успел расплатиться.

Плюхнулся на стул, достав салфетку, вытер руки:

— В машине минимум трое. С оружием.

— Не по нашу душу, — правильно расставил акценты Игнат.

Парочка мужиков в подпитии продолжала углубляться в процесс, добирая до известной лишь им одним кондиции.

Женщина явно кого-то или чего-то ждала. Несколько раз бросала взгляд на большие часы, едва не терявшиеся в узоре мозаики.

Девочка... Девочка что-то увлеченно рисовала в лежавшем перед ней альбоме.

Когда они подъехали, тонированный джип уже стоял на стоянке у кафе. Почти прямо у входа, но очень удачно прикрытый двумя торговыми автоматами по продаже воды и снеков.

Как и родстер, появление которого Игнат заметил, когда выходили из душевого отделения бани.

И хотя ни то ни другое напрямую никак не подтверждало его вывода...

Одно Игнат знал точно: их еще считали мертвыми. И лучше бы все так и оставалось.

— Не буду спорить, — со слишком знакомым Игнату прищуром заметил Реваз. — Но я бы на твоём месте...

Договаривать он не стал. Поднялся и, прихватив термос и бумажный пакет с пирожками, направился к выходу.

Ненадолго, но им пришлось задержаться. Ревазу в последний момент приспичило, и он, сбросив ношу на заднее сиденье, побежал обратно. Как он сказал, облегчиться.

Игнат только хмыкнул — в подобные игры они играли уже не раз, — открыл заднюю дверь со стороны водителя. Собрал накопившийся мусор в пакет, отнес в стоявший сбоку от здания бак.

Женщина с ребенком появились на пороге кафе, когда Игнат, закончив с наведением порядка, закреплял в держателе термос. Осмотрелась — все ее действия выглядели по-дилетантски откровенными, потом, практически бегом, потянула девочку в сторону того самого темно-синего родстера.

Машина покинула стоянку минуту спустя. Рванула. Взвизгнув шинами, влетела в поворот, выезжая на дорогу, что вела к трассе.

— А вот и голубчики, — прикрыл его собой как всегда своевременно появившийся Реваз.

Джип проехал мимо медленно, вальяжно. Обдал выхлопом...

— Ушли на грунтовку, — спустя несколько секунд отчитался Реваз, лишь теперь давая возможность Игнату выпрямиться.

Дорога на трассу — направо. Грунтовка, насколько помнил Игнат, налево.

— Сделают круг и перехватят, где потише, — поддержат Реваз его мысленный расклад.

И хотя это не имело к ним никакого отношения...

— Перстень у нее видел?

Прежде чем ответить, Игнат обошел машину, сел на пассажирское сиденье. Дождался, когда за рулем устроится Реваз.

Женщина и девочка были одеты по-дорожному. Неброско, но отнюдь не дешево. Если даже не сказать дорого. Да и перстень на пальце... Если Игнату не изменяло зрение, то стоимостью в целое состояние. Подделками такие не бывают. Только настоящими, которые дарят или на помолвку, или на рождение ребенка.

— На гоп-стоп не похоже, — вопреки собственным размышлениям о неплохом куше, произнес Игнат.

— Вот и я так думаю, — завел двигатель Реваз. — Но если ты скажешь, что это не наше дело...

Вместо ответа Игнат сдвинул панель на двери, открывая скрытый там оружейный сейф.

Дело, конечно, не их, но оставить без помощи женщину и ребенка в категориях их принципов выглядело откровенной подлостью.

* * *

— Вот что, Данила Евгеньевич... — Трубецкой поджал губы, выбирая из двух «плохо» то, что было получше. — Отправляй Александрю и Юлю с Мещерскими. Понадобись здесь.

— Ваше превосходительство... — уже далеко не в первый раз попытался высказаться Варланов. Тот, который следак.

И ведь давно понял, что лучше не перечить, но цену себе он знал, потому и держал планку, что Трубецкому вполне импонировало, только не тогда, когда ситуация выходила из-под контроля.

— Протокол, — останавливая так и не начавшуюся полемику, требовательно произнес он. Протянул руку.

Что порадовало, наводящих вопросов не последовало. Не до конца заполненный бланк Варланов подал еще до того, как пришлось бы давить взглядом.

— С начальством вопрос решу, — после того как протокол от его огня сгорел в пепел, слегка «пожалел» Варланова Трубецкой. — И не только этот.

Девчонку из свидетелей требовалось выводить. Да, была рядом, но...

Задержали похитителя Мещерский и Валдаев. Саша, судя по рассказу парней, с которыми князь успел поговорить, пока Данила не подал сигнал о помощи, подбежала, когда все закончилось.

Мещерский для складывавшегося в голове плана подходил плохо — не целитель, а вот Валдаев...

Что предложить его отцу для сговорчивости, Трубецкой знал. Сделать хорошее распределение для сына, чтобы и с практикой, но и не совсем уж в пекло, было в его силах.

— А мы пока...

— И скажите им, чтобы портрет протерли.

— Что? — Трубецкой уже работал, так что не сразу сообразил, о чем, выходя, сказала девчонка.

— Портрет, — пальцем показала она на стену, на которой висел портрет императора. — Пыль там.

Князь посмотрел в указанном направлении. Пыль на портрете действительно была. Много.

— Не скажите, а прикажите, — ловя себя на том, что Александра нравится ему все больше, поправил Трубецкой. — И — накажите. За халатность.

— Я в этом не разбираюсь, — хмыкнула она, пожав плечом, и наконец покинула кабинет.

— Я провожу, — улыбкой дав понять, что оценил усилия Трубецкого, вышел за ней и Соколов.

Вовремя. Очень хотелось выругаться, но не при ней же. И так боялась...

Вот это «боялась» оказалось неожиданным. И вряд ли беспричинным, что вызывало вопросы. Не к ней, естественно, а к ее окружению, которое где-то что-то сделало или сказало не так.

Впрочем, это была не та проблема, которую требовалось решать незамедлительно.

— Вот что, Степан Андреевич. — Подойдя к столу, Трубецкой устроился на том стуле, на котором до этого сидела Александра. — Ты ведь уже понял, что дело это не столь простое, каким кажется.

— Ваше превосходство...

— Давай без чинов, по имени-отчеству, — перебил его Трубецкой.

О том, что к расследованию стоит подключить Варланова, он подумал едва ли не сразу. И не их родственные, пусть и очень дальние связи были тому причиной.

С начальником полиции Центрального округа Москвы полковником Вышнинецким Трубецкой был знаком давно. Не приятельствовали, но симпатизировали друг другу, признавая, что даже там, где присутствовал конфликт интересов, занимались одним и тем же. Очищали от грязи не только город, но и все, что называлось емким словом Родина.

И уже не раз от полковника слышал, что застоялся его лучший следак. Уперся в потолок, выбраться за который, не сменив статус, не получится. А с этим как раз проблемы. В рамках уголовной полиции.

— Простите, Трофим Иванович, но как-то это... — слегка замялся Варланов, чем еще более понравился Трубецкому.

Свое место он действительно знал. И с той стороны, где считался среди лучших следаков. И с той, когда четко осознавал, какими окажутся последствия вот такой лояльности.

— Ты садись, садись, — подстегнул его Трубецкой. Дождался, когда тот вернется за стол. — Не могу я открыто забрать это дело. Достаточно малейшей утечки...

— Предлагаете поработать на вас? — правильно понял его Варланов.

— Предлагаю работать на меня, — поправил его Трубецкой. Отметив, что его поправка следака не смутила, продолжил: — Есть у меня необходимость создания еще одного отдела, как раз на стыке наших проблем и сферы уголовной полиции. Справишься с делом — возьмешься за организацию.

— А господин полковник? — едва ли не равнодушно уточнил Варланов.

Реакция Варланова Трубецкого вполне устраивала, еще раз подтверждая правильность выбора. Большие возможности — большая ответственность. И столь же большие проблемы, которые предстояло решить.

— Господин полковник будет только «за», — успокоил его Трубецкой и поднялся. — Так что, если согласен...

Он не сомневался, что Варланов не откажется.

Этот человек не только знал свое место, но и осознавал, чего хочет от жизни.

Данила вернулся быстро. И уже не таким растерянным.

За это Трубецкой друга и ценил. За умение собраться, когда того требовали обстоятельства. А то, что иногда выглядел обескураженным, так это нормально. Он — целитель милостью божьей, не для него все эти шпионские игры и криминальные истории.

— Ну, что скажешь?

В магичке, как называли в полицейском участке предназначенные для одаренных помещения, они находились втроем. Он, Данила и Варланов, которому и предстояло со всем этим дальше работать.

Мальчика они уже посмотрели. Да, магема подчинения. Да, нестандартная, но опасности для жизни нет. Да и снять проблемы не составит. Без всяких последствий.

А вот мужчина...

Вместо ответа Данила поморщился. Снова поднял засиявшие серебром руки...

Нечто подобное видеть Трубецкому доводилось. И вот это «доводилось» ему не нравилось. Ни время, когда это происходило, ни место.

— Права Саша, — наконец произнес Данила.

Отошел к раковине. Тщательно намылил руки. Смыл, вытер.

Трубецкой не торопил его. Помещение изолированное. Внешнее воздействие невозможно, как и активация «программы». По крайней мере, пока подозреваемый находится в блокирующих браслетах.

— И в чем она права? — в отличие от Трубецкого проявил нетерпение Варланов.

Данила обернулся. Спокойствия в выражении его лица не было.

— Видел я такую схему магема. У нее даже название есть. Рабский ошейник.

Трубецкой и не хотел, но выругался. Зло. Смачно.

С местом и временем он не ошибся. Персидский конфликт. Восемнадцать лет назад. Рабский лагерь, куда Трубецкой приезжал в рамках миссии обмена пленными.

— Снять сможешь? — задвинув эмоции куда подальше, поинтересовался он.

Ответ знал, но хотелось иметь дело с тем, кому полностью доверяешь.

Увы, это оказался не тот вариант.

— Нет, — качнул головой мрачный Данила. — Ищите спецов в других ведомствах. Я, к сожалению...

Трубецкой только кивнул.

Рабский ошейник...

Грязная магема. Практически не оставлявшая шансов.

* * *

— Я за поворотом приторможу. Бери Сашку, и прыгайте. Там кусты совсем рядом, успеете...

— Реваз...

Реваз посмотрел почему-то не на отца, а на меня. Подмигнул.

— Барин, не беси меня, я и так бешеный.

Мне бы усмехнуться — Реваз сейчас был похож на постоянно прикалывавшегося Андрея, но все было очень серьезно. Две машины у нас на хвосте...

Судя по тому, как нас пытались столкнуть с моста, о том, чтобы просто передать приветы, речь не шла.

— Хорошо, но ты...

— А ты за меня не беспокойся, барин, ты вон за нее беспокойся, — кивнул Реваз на меня. — И объясни ей, чем такие проделки иногда заканчиваются. Пока еще куда не влезла.

Наверное, мне должно было стать стыдно. Застыдиться я не успела.

— Готовьтесь! — заорал Реваз.

Машина влетела в тот самый поворот, о котором он говорил. Шины завизжали при резком торможении. Я, сгруппировавшись, выпрыгнула в открытую дверь одновременно с отцом. Перекатилась в кювет, вскочила на ноги и кинулась под укрытие кустов.

Скрыться я не успела. Сначала был одиночный выстрел. Потом очередь, еще одна... Машина, в которой остался Реваз, завиляла, ткнулась носом в фонарный столб и... взорвалась, тут же окутавшись прозрачным пламенем.

Что-то ударило меня в грудь. Я дернулась и открыла глаза. Сердце бешено колотилось, по лицу тек пот...

Отдышавшись — и надо же было такому присниться! — посмотрела на часы. Почти десять. Так поздно я давно не вставала.

Отец говорил, что лучше днем найти полчаса времени и прилечь, чем спать до обеда. Сон бесполезный, даже вредный.

А тут еще телефон...

— Да, — ответила я на звонок.

— Проснулась?

— Не без твоей помощи, — откинув одеяло и поднявшись, огрызнулась я. — Скоро учеба, а ты...

— У тебя в двенадцать примерка в ателье. Потом я тебя заберу, и поедем подберем что-нибудь на осень.

— Как скажете, маменька, — елеиным голоском ответила я. И даже наметила реверанс, благо Андрей этого кошмара в моем

исполнении не видел. — Думаешь, без тебя не справлюсь? — продолжила я другим тоном.

— Справишься, — фыркнул Андрей. Вот точно догадался, как я испохабила поклон. — Но ты возьмишь, что подешевле, а я — то, что нужно.

— Да не буду я...

— Все, Саша, спор прекращаем. В половине первого я буду у ателье. Освободишься раньше — подождешь.

— А если я...

— Данила Евгеньевич с Яной и Сергеем у меня в клубе. Пробудут до трех. Людмила Викторовна с Кириллом и Юлей поехали по тем же делам, что и мы с тобой. Записку тебе оставили...

— И откуда ты все знаешь? — Подойдя к окну, я отдернула шторы. Зажмурилась от ударившего по глазам солнечного света.

— Я все знаю, — рассмеялся он. — Так что давай умывайся, одевайся, завтракай и вперед. Нас ждут великие дела!

Напомнить, что за великие дела я вчера уже получила, не успела. Андрей, как это обычно и бывало, оставил последнее слово за собой и отключился.

Положив телефон на подоконник, потянулась. В голове еще звучали очереди и взрыв, но все это уже отступало перед дневными проблемами.

Ателье. Поход по магазинам...

В отличие от других высших учебных заведений, где все было более чем демократично, в магической академии требовалась унифицированная форма одежды, стандарты которой устанавливались для каждого факультета отдельно.

Для целителей — темно-синее платье чуть ниже колен, с воротником-стойкой и рукавом три четверти для девушек и такого же цвета костюм-тройка для юношей. Это для повседневной носки.

Шили форму в ателье, находившемся тут же, на территории академии.

Комплект для специальных занятий в больнице или морге выдавали отдельно. Уже за государственный счет.

И хотя окончательного списка на зачисление не было, я значилась в другом, среди тех двух десятков счастливиц с разных факультетов, кто уже гарантированно поступил.

Второй звонок настиг меня уже за завтраком.

— Выспалась? — Юля обошла без приветствия, стоило мне ответить.

— Даже слишком, — рассмеялась я. — Такой ужас снился, все наши приключения меркнут.

— Ну, я бы так не веселилась. — Юля включила видеорежим. — Сны с пятницы на субботу судьбоносные.

— Ага, — беспечно фыркнула я, кивнув на стоявшие рядом с ней пакеты. — Еще не все купили?

Юля тяжело вздохнула:

— Я понимаю папу, который категорически отказывается ходить с ней по магазинам. Мы еще половины не взяли, а я уже мечтаю куда-нибудь сбежать. Кстати, — вскинулась она, — я зачем звоню-то. Ты новости смотрела?

Я покачала головой. Завтракать я села у себя во флигеле, так что до газет, которые Данила Евгеньевич всегда оставлял в гостиной, не добралась. А планшет не включала, слишком многое произошло за последние дни, стала ценить вот такие тихие минуты.

— А ты посмотри, посмотри, — настойчиво порекомендовала Юля. — Вечером обсудим.

— С кем? — оценила я многообещающий взгляд подружки.

— С теми, кто в новостях. Извини. Мама.

Она, как и Андрей, отключилась, не дав мне сказать ни слова.

Подлив в чашку чаю, я включила планшет. Открыла новостной сайт.

Сначала шли перепечатки с официального портала императорского двора — ничего интересного, но важно быть в курсе. Затем сообщения о зарубежных гостях...

То, о чем говорила Юля, я нашла на второй странице. Огромный заголовок «Два курсанта военного училища предотвратили похищение ребенка» и заметка в несколько строк.

Для меня в ней ничего неожиданного не было — мы с подружкой упоминались вскользь, как две барышни, с которыми молодые люди отдыхали в кафе, но Юля, похоже, обиделась. Даже не за себя, а, скорее всего, за меня.

А вот мне эта слава... Хорошо Андрей еще вечером предупредил, что вопрос уже решается и о нас с Юлей пресса умолчит.

Чего это ему стоило...

Домой мы вчера вернулись в сопровождении отца Антона — Николая Ивановича Мещерского и охраны на двух машинах.

Ехали, как царские невесты...

Я язвила, но у этой язвительности имелись все основания. Николай Иванович общался с нами в высшей степени радушно. Ни малейшего намека на высокопарность, лишь уважительное отношение.

И этим он подкупал. Не столько меня, сколько Юлю. Та хоть и понимала, что скрывалось за выказанной приветливостью, но принимала все на свой счет.

А зря!

Я видела, что Юля все сильнее привязывалась к Тохе. Да только это был тот случай, когда ни одного шанса. Даже с учетом положения Данилы Евгеньевича.

Имейся у нее целительский дар...

Целительского дара у нее не было. А тот, который стихийный, оказался слишком слабым, чтобы рассматривать Юлю как перспективную невесту.

Вот ведь... Сообразив, что едва сама себе не испортила настроение, быстренько допила чай и выключила планшет.

Я не люблю ходить по магазинам, но ходить по магазинам одной выглядело не вполне романтично, а вот с Андреем...

Его трудно назвать красивым, но для того, чтобы привлекать женские взгляды, харизмы ему вполне хватало. Чтобы развлечься, наблюдая, как Андрей будет морщиться и хмуриться, натываясь на очередную красотку на своем пути, этого было более чем достаточно.

* * *

Два повседневных платья, одно парадное.

Служащие ателье свою работу знали. Несмотря на то что примерка была первой, все сидело на мне идеально.

Поблагодарив и получив заверения, что через два дня заказ будет готов, вышла на улицу.

Половина первого. Я уложилась минута в минуту.

Андрей вновь ждал на стоянке, но машина была другой. Серебристый внедорожник. Хищный. Агрессивный. От него так и веяло мощью.

Да и Андрей выглядел иначе. Когда вышел, чтобы открыть мне дверь, я даже присвистнула от неожиданности. Темно-серый костюм-тройка, белоснежная рубашка, галстук. Завершали образ прическа, золотые запонки и часы стоимостью как этот самый автомобиль.

— Вы не ошиблись? — подойдя ближе, с сарказмом уточнила я.

Сама я была одета... Нормально я была одета — классические черные брючки с широким поясом и белая блузка с воротником-жабо, — но не для этого типа.

— Опасаешься за репутацию? — чуть прищурившись, склонил он голову к плечу.

О чем хотел сказать, расшифровывалось без труда. Мол, богатый поклонник, совращающий юную деву.

— За чью? — парировала я.

Юные девы бывают разные. Некоторые — весьма невоспитанны.

— Туше, — поднял руки он.

— То-то же, — хмыкнула я, устраиваясь сзади. — А это что? — уточнила, когда сел и он.

Андрей оглянулся, посмотрел на упакованную коробку.

— Твои письменные принадлежности. Не хотел время на них терять.

Вроде и правильно, но...

— А сама бы я не справилась? — Я сделала вид, что обиделась.

Андрей вновь обернулся. Хмыкнул:

— У нас большая программа.

— Ну, если так... — вроде как прощая, протянула я. — С чего начнем?

— Увидишь, — бросил он, выезжая с парковки. — У Яны твердая рука, — резко сменил он тему.

— Сам смотрел? — сдвинувшись в середину, подалась я вперед.

Он, отметив мои перемещения, качнул головой, но ничего по этому поводу не сказал.

— Сам. Она хоть и напугана, но держится хорошо. Толк будет.

— Ты что-то говорил про Сергея? — вспомнила я наш разговор.

Андрей посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Вздохнул. Да так тяжело, что я ему даже посочувствовала. Вот навяжут такую девицу, потом думай, что с ней делать. Хворостиной по мягкому месту нельзя. И непедагогично, и по возрасту уже поздно. А разговоры на нее не действуют.

— Данила Евгеньевич нанял Сергея охранником для Яны. Пока на время следствия.

— И как Яна на это отреагировала? — представив себя на ее месте, поинтересовалась я.

— Не обрадовалась, но восприняла нормально, — вновь бросил на меня взгляд Андрей. — И правильно. Так всем спокойнее будет.

— Думаешь, что еще ничего не закончилось? — вроде как только сейчас дойдя до этой мысли, нахмурилась я.

Этот взгляд Андрея был скептическим. А еще — многообещающим. Начиная с разговоров, которые не действуют, и заканчивая хворостиной.

А то, что непедагогично...

Так, цепляя друг друга, мы добрались до первой точки нашего маршрута.

Если бы я знала, куда едем...

— Андрей, я не сплю? — Покинув с его помощью машину, я остановилась в ступоре.

Здание было огромным. Стекло и металл. И много света, который отражался в отполированных до блеска машинах.

— Не спишь, — усмехнувшись, заверил он меня и согнул руку, чтобы я могла опереться.

— А зачем мне машина? — Сделав шаг, я вновь остановилась. — Академия рядом.

— А больницы, в которых вы будете отрабатывать практические занятия, разбросаны по всей Москве, — демонстрируя ангельское терпение, привел он вполне разумный, на мой взгляд, аргумент.

— А что я скажу профессору? — чуть не плача, спросила я. Я, конечно, не представлялась бедной родственницей, но уехала примерять платья, а вернулась на машине. Что он может подумать?!

— А машину тебе пришлют родители к учебе. Сейчас мы ее только выберем и оплатим, — с намеком глядя на меня, медленно и четко произнес он.

— А почему мы выбираем сегодня? — не удержалась я от очередного вопроса.

И ведь видела, что грань его терпения уже близко, но... Я никак не могла поверить, что все это происходит со мной.

— А потому что потом ты будешь выбирать под цвет машины пальто, сумочку, сапожки...

— Зачем? — не поняла я. Еще раз мысленно повторила про себя сказанное... — Извини, — демонстрируя пай-девочку, скромно потупилась я.

— То-то же, — вернул он мою подколку.

Я предпочла промолчать. Чтобы не злить. А то ведь могла и без машины остаться.

Несмотря на многообразие, свою машину я выбрала сразу. Вот только увидела, и все... Любовь с первого взгляда.

Маленький двухдверный внедорожник черного цвета. И не важно, что был он небольшим, машина выглядела машиной, а не игрушкой.

Спрашивать, уверена я или нет, Андрей не стал. Обошел вокруг нее пару раз, бегло пролистал техническую документацию, которую принес менеджер. Еще раз посмотрел... оценивающе.

Потом мы опять прошлись по всем залам, вернулись...

— Тебе она не понравилась? — когда вышли из салона и сели в его внедорожник, негромко спросила я.

— Не ожидал от тебя такой скромности, — подмигнув, улыбнулся он и продолжил уже серьезно: — Саш, какую бы тачку ты ни выбрала, ее все равно бы пришлось доводить до ума.

— До какого? — съехидничала я.

— До умного, — хохотнул он и начал объяснять, как маленькой: — Даже у машины с хорошей комплектацией магическая защита предусмотрена в минимальном объеме. А этого — мало. Так что прежде чем ты сядешь за руль...

— Поняла, — буркнула я, действительно понимая, о чем говорит Андрей.

Безопасность, безопасность и еще раз безопасность.

Его машина буквально звенела от навешанной на нее защиты. И это только то, что было на виду.

Следующим пунктом его плана оказался торговый комплекс «Москва». Шесть этажей элитных бутиков, восемь кинозалов, два ресторана, шесть кафе, рядом с одним из которых находился огромный детский городок.

Чтобы обойти все, не хватило бы и суток. Андрей был уверен, что справимся за час.

И ведь почти уложились...

Два пальто, две куртки, обувь под то и под другое. Сумочки, перчатки, шапки, палантины. Четыре платья из последних коллекций, брючный костюм, несколько блузок к нему. Джинсы, свитера...

В каждом бутике на меня поглядывали с откровенной завистью. Несмотря на его более чем корректное поведение, ни за моего отца, ни за дядю, ни в крайнем случае за старшего брата Андрея никто не принимал.

В конце концов я не выдержала.

— Остаешься здесь, — подвела я его к кожаному дивану, установленному напротив бутика женского белья. — И ждешь меня.

Андрей понимающе осклабился. Прищурился...

— Не смей, — качнула я головой и тоже прищурилась. — Ты же не хочешь поссориться?

Он посмотрел на меня с интересом. Хмыкнул:

— Ну если ты так ставишь вопрос...

— Своих пассий будешь водить по таким магазинам, — показав язык, развернулась я.

Сделала шаг. Второй. Не выдержав, оглянулась. Андрей стоял у дивана и с улыбкой смотрел на меня.

Мысленно прокричав «ура», быстрым шагом дошла до двери. Открыла и едва не зажмурилась.

Нет, не от света — тот был, наоборот, приглушен, — а от многообразия. Вот где истинное женское царство!

О том, что в женщине должно быть красиво все, включая нижнее белье, я узнала благодаря целительнице в лекарском доме, где работала летом. Уже не санитаркой — сестрой.

С панибратством там было строго. Все вежливо, без малейшего намека на унижение, но целители, как и врачи, отдельная каста. Небожители, на которых мы, те, кто ниже, только и могли, что молиться.

И вот одна такая небожительница вдруг взяла надо мной шефство. И виной тому был случай, сведший ее и меня у беседки в парке, где я в обеденное время отрабатывала заданные отцом магемы.

С двумя справилась практически играючи, а вот третья...

Я не заметила, как она подошла. Увидела, когда Настя, встав рядом, собрала магический узел именно так, как он и должен был выглядеть. Потом повторила медленно. И еще раз. И еще... пока у меня не получилось.

С того дня мы с Настей... нет, мы не дружили — разница в возрасте в двенадцать лет давала о себе знать, но общались как сестры.

Она же впервые и привела меня в магазин женского белья. Не тот, в котором я обычно покупала себе простые хлопковые трусишки и столь же простенькие бюстгалтеры, в другой, где разница между бельем и БЕЛЬЕМ была очевидна даже столь неискушенной барышне, как я.

Тонким ценителем с тех пор я не стала — не было у меня для этого особо времени, но хотя бы могла сделать правильный выбор.

В бутике, в который я вошла, сделать это оказалось несложно. Ткни пальцем в первую попавшуюся модель и точно не ошибешься.

Я практически так и поступила. Выбрала себе несколько комплектов, добавила к ним теплые колготки, чулки, носки...

Рассчитывалась я банковской картой Андрея, которую он все-таки успел сунуть мне в карман. Вышла из бутика с двумя фирменными пакетами.

Подойдя к Андрею, поставила их на диван. Протянула карту:

— Скучаешь?

— Жду, — плотоядно улыбнулся он, глядя мне за спину.

Я машинально оглянулась. Лучше бы не делала этого.

— Только не говори, что это случайность, — холодно посмотрела я на Андрея.

Не знаю, как он это сделал, но факт оставался фактом — у соседнего бутика стоял Александр Трубецкой и весьма неприязненно разглядывал нас.

ГЛАВА 10

Ругался Реваз самозабвенно. Вцепившись в руль, цедил сквозь зубы, перемежая нецензурщину сразу трех языков.

Наконец далеко не с первой попытки — оторвать бы выбравшему именно это дорогу идиоту все лишнее — паровоз^[2] взобрался на насыпь, втянувшись на трассу.

— Теперь хрен обгонишь, — вновь дернулся Реваз, когда выбрались следом за автопоездом с двумя прицепами.

И ведь надо было им так... Как говорится, нарочно не придумаешь.

Впрочем, сам Игнат не исключал и такой возможности.

Вопреки ожиданиям, они довольно быстро обогнали фуру. Трасса была относительно пустой, да и автопоезд шел, четко держась своей полосы.

А вот дальше все оказалось совсем не так, как хотелось. Открутили первый километр. Второй. Третий. Пятый...

— Ну и где она?! — не сдержавшись, зарычал Реваз. Подался вперед, словно это могло помочь разглядеть пропавший родстер.

Трасса Ростов-Ставрополь была четырехрядной, с зеленой разделительной полосой. Без отбойников, но справа, куда мог съехать родстер, случись что, обзор хороший. Кустарник если и встречался, то редкий.

— Грунтовка, — отследив взглядом очередной спуск, заметил Игнат.

Хутора, к которым уходили вот такие грунтовки, вдоль трассы встречались часто. Правда, с дороги если что и разглядишь, так сплошное зеленое пятно. Сады, за которыми терялись постройки.

Реваз зло зыркнул, что-то неразборчиво пробурчал.

Игнат мысленно усмехнулся. Темперамент... Иногда он просыпался в бывшем инструкторе совсем некстати.

— Ты маячок-то подсадил? — сделав вид, что не замечает, как бесится Реваз, поинтересовался Игнат.

— Не успел, — огрызнулся тот. — Да и был среди них кто-то одаренный. Рисковать не стал.

Игнат кивнул. Маячок фонил слабо, но если люди настороже, то не пропустят.

— Не нравится мне все это, — тоном «лучше не спорь» после короткой паузы протянул Реваз.

По-русски он говорил без акцента — специфика службы, но вот в такие моменты его прорывало. Едва заметно, но для понимания, до какой степени напряжения добрался, вполне хватало.

— Могла свернуть на хутор, — не веря самому себе, заметил Игнат.

— Не могла, — притопив педаль газа, не согласился с ним Реваз.

Двигатель заурчал, машина рванула...

— Реваз, ты ничего не хочешь сказать? — продолжая искать по сторонам темно-синее пятно, спокойно поинтересовался Игнат.

Реваза он знал слишком хорошо. Подобный «нерв» без веских оснований был ему совершенно несвойственен.

Реваз вновь зыркнул. Игнат проигнорировал. Видел и страшнее.

— Узнал я ее, — все-таки выдавил из себя Реваз. — Это дочь Берковых. Алия. Замужем за Бахтеяровым. Тем, который младший.

Подумав, что лучше бы не спрашивал, Игнат вытащил короткоствол из креплений, положил на колени. Пару магазинов забросил в карман куртки.

Бахтеяровы — это Ростов. Берковы — Мариуполь. Роды из старых, серьезных, с соответствующей репутацией и связями. Это не говоря уже про интересы бизнеса, как паутиной опутавшего «свои» города.

И чтобы за родственницей тех и других... Тут либо несусветная глупость, либо дерзость, либо...

— Это которого нашли мертвым пару месяцев назад? — учитывая возможность третьего «либо», уточнил он.

Газету с известием о смерти младшего княжеского сына Игнат помнил. Как раз потому, что та была зачитана чуть ли не до дыр.

Кем именно зачитана? Если кого и интересовали дела этого региона, так Реваза. Родина не родина, но покрутиться и наследить ему там довелось достаточно, чтобы отслеживать ситуацию.

Фамилия Берковых Игнату тоже была знакома. История не сказать, что свежая, но когда человек, которого считаешь другом, едет свататься, а возвращается чернее тучи, и захочешь, а не забудешь.

— Он, — кивнул Реваз, продолжая скрежетать зубами. — Говорят, влез куда не следует.

Это объясняло пусть и не все, но многое.

— Думаешь, ее... — скривился Игнат.

Когда за грехи мужиков страдали женщины и дети, вызывало у него неприятие на физическом уровне. Он бы таких уродов...

— Там! — показав направо, в сторону куцей рощицы, закричал он. Темно-синий родстер стоял, съехав в кювет. Черный джип...

— Вот дерьмо! — Даже не притормозив, Реваз бросил машину в поворот.

Другая бы вряд ли удержалась на дороге, эта...

Их заметили. Один из троицы — Реваз в количестве не ошибся, — держа автомат на изготовку, отошел от стоявшего поперек дороги джипа.

Намек был более чем понятен, но...

— Твари! — рывкнул Реваз, разворачивая машину боком и резко тормозя. — Гаси всех!

Водительская дверь открылась еще до того, как машина остановилась. Реваз вывалился...

Сонную магему Игнат успел сбросить до первого выстрела. У Реваза амулет, прикроет, а для всех остальных...

Для всех остальных это было спасением. Увидев лежавшую на обочине женщину и мужика, тащившего к джипу кричавшую девочку, Реваз не пощадил бы никого.

— И что теперь с ними делать? — кивнув на валяющуюся под деревом троицу, исподлобья посмотрел на него Реваз.

Джип он отогнал в рощицу. Выглядела та хиленько, но с учетом поставленного Игнатом отвода и скорых сумерек могло сработать. Родстер оттолкнул туда же. Повреждения были незначительными, но без техпомощи не обойтись.

Да и оставлять женщину и ребенка...

Проблему они не решили. Лишь отодвинули на некоторое время.

— Мы не на войне, — положил Игнат руку ему на плечо. — Извини, но лишние трупы...

— А лишние свидетели? — вполне разумно уточнил Реваз.

Алие досталось, дочь она защищала, как кошка. Да и девочка не отделалась только испугом. Судя по следам пальцев на ее ручонках, похитители не заботились об осторожности.

— Времени до утра нам хватит. — Игнат посмотрел на внедорожник, в котором на заднем сиденье спали спасенные.

В Ставрополе их ждала новая машина. И новые личности.

Расстояние между Ростовом и Ставрополем около четырехсот пятидесяти километров. Половину они преодолели. Еще пара часов...

Чтобы полностью закрыть вопрос, останется вся ночь.

— Добрый ты, барин, — тяжело вздохнул Реваз. — Когда-нибудь это тебя погубит.

В какой-то мере Игнат был с ним согласен, но он — целитель. Отнимать жизни умел, но предпочитал их сохранять. Правда, глядя на таких мразей... Дело было не в чистоплюйстве, а в том, чтобы не опуститься до их уровня.

Пока Реваз забрасывал в багажник чемодан и сумку, которые принес из родстера, Игнат шаманил. Углубил сон, сбил метаболизм, выводя по последствиям на тяжелое похмелье.

С двумя получилось без особых усилий — с алкоголем они были на «ты», организм сам скатился до нужного состояния, а вот с магом пришлось повозиться. Даже в отключке сопротивлялся, отказываясь принимать чужую волю.

Когда поднялся, слегка шатало. Но лучше так, чем добавлять на собственное кладбище еще три креста.

— Я телефоны закинул под купол, — все еще дуясь, отчитался Реваз, когда Игнат устроился на переднем пассажирском сиденье. Повернул ключ зажигания, заводя двигатель.

Игнату не хотелось разговаривать — хотелось просто закрыть глаза и хоть немного отдохнуть, но время играло против. Все, что у них есть, — ночь, а потом...

Без дополнительной информации потом была полная непредсказуемость.

— Я сейчас разбужу Алию. — Он боком повернулся на сиденье.

Реваз оглянулся, посмотрел на спавшую женщину.

Машина мягко тронулась. Когда, проехав те самые триста метров, что отделяли трассу от рощицы, выехали на асфальт, довольно зашуршала шинами.

— Предлагаешь не делать глупостей? — давя на газ, оскалился Реваз.

— Предлагаю подумать о том, что чем меньше она о нас узнает...

Андрей не раз шутил, что ни одно доброе дело безнаказанным не остается.

Их история в очередной раз доказывала, что он не ошибался.

* * *

Младшего Трубецкого он нашел на первом этаже. Тот сидел за столиком в кафе. Один, что было даже лучше.

Подойдя, Андрей устроился напротив. Протянув руку, взял стоявший перед Трубецким бокал, понюхал.

Коктейль оказался безалкогольным.

— Господин Хлопонин... — посмотрев... нет, не зло, надменно, начал приподниматься Трубецкой.

— Сядь! — жестко осадил его Андрей. — Обидишь мою крестницу, будешь иметь дело со мной.

— Что?! — гневно скривился Трубецкой. И тут же поправился: — Кого?!

Его взгляд заметался... На окно — вряд ли «проводить» такси, на котором уже как минут пять назад уехала Александра, на дверь, снова на Андрея...

— Там, в клубе, была она? — мгновенно расслабившись, хмыкнул младшенький не без воодушевления.

— Я тебя предупредил, — поднялся Андрей. — И не трепись о наших с ней... родственных связях. Если помнишь, его превосходительство в отношении тебя предоставил мне широкие полномочия.

— Я не из...

— Ты меня услышал, — оставил последнее слово за собой Андрей и направился к выходу.

Самое главное из того, что запланировано на сегодня, он выполнил. Теперь можно и отдохнуть.

Недолго...

Магофон он достал, уже сев в машину. Пока устраивался, взгляд в зеркале заднего вида зацепился за коробку с письменными принадлежностями. Надо было оформить доставку вместе со всем остальным, но...

Сашка ему не поверила. Зыркала зло, но, что порадовало, молчала.

Хоть и девчонка совсем, но вот эта... женская мудрость, подсказывавшая, когда стоит, а когда не стоит усугублять ситуацию, в ней уже присутствовала.

Магофон «ожил» раньше, чем Андрей набрал номер.

Впрочем, как раз старшему Трубецкому он и собирался звонить.

— Ваше превос...

— Достал уже, — появившись на экране, буркнул князь. — Как Сашка?

Какого или какую Сашку тот имел в виду, Андрей уточнять не стал, хотя мысленно посмеялся. Если их план сработает...

На этой картинке он и «споткнулся».

Каждый из этой парочки и сам по себе был способен устроить окружающим веселую жизнь, а уж вместе...

Впрочем, к тому времени, когда дойдет до чего-нибудь серьезного, оба должны были хоть немного остепениться.

Это не сказать, что успокаивало, но обнадеживало точно.

— Все, как и предполагали. Сообразил он быстро, так что парень небезнадежен.

— Заинтересовался? — подался вперед князь.

— Я бы сказал, как гончая, встал на след. Теперь главное не дать ему возможности проявить инициативу. Пусть созреет, а то опять вспыхнет да наделает дел.

— Если бы все было так просто... — вновь откинулся на спинку кресла старший Трубецкой.

— Это — просто, — приняв «приятельский» тон, возразил ему Андрей. Проследил взглядом за младшим Трубецким, который, выйдя из здания торгового комплекса, направлялся к своей машине.

Основная парковка «Москвы» была подземной. Здесь, у одного из боковых выходов, парковались избранные, имевшие специальные пропуска.

То, что такой имелся у княжеского сына, вполне вписывалось даже не столько в политику императора в отношении старых родов, скорее в понимание безопасности, которую проще было обеспечить именно на «земле».

А вот Андрей...

Это была уже иная история. Тоже связанная с безопасностью, но с той частью, которая обеспечивала ее другим.

— Смола сообщает, что в районе кипиш. Точную причину выяснить он не успел, но в том, что Бахтеяровы имеют к этому непосредственное отношение, уверен.

— А у Бахтеярова с Бабичевыми общий бизнес, — постучав пальцами по краю стола, задумчиво произнес Трубецкой.

— И этот общий бизнес они ведут с Персией, где Каджары опять мутят воду, поглядывая в нашу сторону. Мало им было того конфликта.

— Трон под ними шатается, — буркнул Трубецкой. — Пограничная стража фиксирует рост контрабанды. И практически никакой мелочовки. Партии не столько крупные, сколько дефицитные.

— Торопятся успеть? — нахмурился Андрей.

За Игната и Реваза он не беспокоился... Это за Реваза он не беспокоился — пройдоха из каких только ситуаций не выбирался с прибылью, а вот Игнат...

Да, бывший полковой лекарь, приданный разведrote и не раз ходивший с группой на ту сторону, был неплохо подготовлен. И не только для целителя. Но для серьезных операций недостаточно.

— Все возможно, — поморщился Трубецкой. — Не вижу я общей картины. Отдельные моменты настораживают, но если задуматься, то вроде и не так все страшно, как кажется.

— Надеетесь, что Игнат с Ревазом прояснят? — не рассчитывая на положительный ответ, все-таки уточнил Андрей.

Их задача — забрать документы из тайника и привезти в столицу.

Со всем остальным пусть разбираются другие люди.

Как он и предполагал, старший Трубецкой только качнул головой. Потом поднялся из-за стола, оставив магофон в подставке.

Тонко звякнул хрусталь, раздался звук льющейся воды...

В фужере, с которым князь вернулся за стол, действительно была вода.

— Тебе не кажется, что Саша в этой компании становится лидером? — Он устроился в вопросительно скрипнувшем кресле.

— Хотите разделить со мной будущие проблемы? — усмехнулся Андрей.

Запись происходившего в парке он просмотрел несколько раз.

Парни действовали четко и слаженно, словно уже отработывали подобное. Грамотно произвели захват, тут же передав ребенка подоспевшей Александре. Спокойно, без лишней нервозности контролировали ситуацию до появления полиции. Да и потом...

Благодаря лаконичному, строго по сути происшествию докладу Антона вся эта шепутная компания избежала если не проблем, то нервотрепки точно.

И хотя внешне все выглядело так, словно Саша отработала на вторых ролях, от Андрея не укрылось, что все крутилось вокруг нее. Каждое действие, каждое слово оценивалось с той точки зрения, чтобы как можно быстрее закрыть вопрос, ни в малейшей степени при этом не навредив Саше.

Признаться честно, ситуация лично для Андрея оказалась неожиданной. Саша всегда была одиночкой. В компаниях предпочитала не выделяться.

В Пензе ей это удавалось. Здесь же привычные действия давали противоположный результат.

— Андрей... — Трубецкой, сделав пару глотков, посмотрел на него.

Андрей подобрался, готовясь к той части разговора, для которой все уже сказанное было лишь подводкой.

— Я согласен с твоими аналитиками, что за Бабичевым стоит кто-то из близких к трону старых родов. Но без тех бумаг нам главу не заставить нервничать. А пока он не начнет нервничать...

— Я понял вас, ваше превосходительство, — не столько перебил, сколько вписался в паузу Андрей. — Чтобы Бабичев начал нервничать, Игнат должен выполнить свою задачу. А чтобы он выполнил свою задачу...

У Игната имелось лишь одно слабое место — дочь.

Впрочем, перегрызть глотку за Сашку Андрей мог и без дополнительной мотивации.

Так уж получилось, что дочерью она была не только для Игната, но и для них с Ревазом.

* * *

Андрей клятвенно заверял, что встреча случайна.

Я не поверила. Чувствовала, что лжет.

Не знаю, зачем это нужно... Трубецкой — табу. Опасность, приближаться к которой я не собиралась.

Домой я вернулась на такси, передав все покупки в службу доставки. Впрочем, Андрей на сопровождении и не настаивал. Сказал, что у него дела.

Я на него даже не злилась. Бесполезно. Предъявляй претензии не предъявляй, на все будет один ответ: «Я лучше знаю».

И попробуй поспорь. Я и не спорила, но в дом профессора вернулась не в самом лучшем расположении духа.

Машина Данилы Евгеньевича стояла во дворе. Не та, маленькая, лупоглазая, васильковая «девочка» — вполне обычный, черного цвета седан.

Можно было зайти поздороваться...

Настроение было не то. Испортил бы мне его кто-то другой, а не Андрей, рванула бы в клуб. А так...

Не хотела его встретить даже случайно.

Мы перекусили в кафе еще до того, как «поругались», так что от обеда я отказалась. От ужина, пригласить на который заглянула ко мне Юля, тоже. Ограничилась чаем с печеньем.

Затем привезли мои покупки. Потом я села читать, но зашел Данила Евгеньевич.

Его рассказ о посещении клуба быстро скатился к превосходным степеням. Самый лучший прием, самые обходительные и предупредительные наставники. Самое оружейное оружие и патронные патроны...

Да и Яна, по его словам, была настолько окрылена самой возможностью взять в руки пистолет, что практически сразу забыла о невзгодах последних дней. И даже целых два часа высидела на

теоретической подготовке, без малейших уговоров согласившись, что без нее на полигон не допустят.

Я слишком хорошо помнила себя в такой же ситуации, свой восторг. И не важно, что сама взяла оружие в руки не для психологической реабилитации, а потому что Андрей и Реваз посчитали, что настала пора их девочке повзрослеть.

Ну а когда Данила Евгеньевич ушел, я поняла, что стихший днем «зуд» вновь напомнил о себе. И не просто дал знать, что он тут и никуда не делся, а буквально начал толкать на всякие сумасбродства. И я ничего не могла с этим поделать. Жажда добраться до истины оказалась сильнее.

Посмотрев на часы — самое начало десятого, направилась в гардеробную. Открыла дверь...

Я как раз выбирала между джинсами и короткой юбкой, когда зазвонил телефон.

Недоуменно переглянувшись с собственным отражением в ростовом зеркале, вернулась в комнату.

Номер оказался знакомым. Игорь. Странно. Время позднее. Будь у нас отношения, так самое то потрепаться, но отношений у нас не было. И неясно, пока не было или...

Эти мысли были грустными. Игорь мне нравился, но сблизиться с ним не входило даже не в мои планы, а в планы отца.

— Да, — ответила я, устраиваясь в кресле.

— Ты уже собралась? — подмигнул появившийся на экране Игорь.

Одет он был как собравшийся тусить парень. Джинсы, гламурная футболка, легкая куртка, рукава которой он подтянул до локтей. Судя по всему, он сидел в машине Тохи. Том самом внедорожнике, на котором ездили на «дело».

— Куда? — не сразу поняла я, о чем он спросил.

— Саш... — В голосе Игоря появилась обида. — Ну я же не совсем дурак.

То, что не дурак, точно, но соотнести это заявление и его вопрос все равно не удавалось.

— Мы вроде ни о чем...

— Вот именно! — воодушевленно перебил он меня. И даже расслабленно откинулся на спинку пассажирского сиденья. — Мы ни о

чем не договаривались, но тебя ведь это не останавливает.

Вот тут до меня и дошло. Отведя взгляд — не очень приятно было видеть укоризну в его глазах, тяжело вздохнула. И с чего это я решила, что самая умная, и мысль поймать тех маньячек на живца пришла только в мою голову?!

Точнее, прийти-то она могла не только в мою голову, а вот решить, что способна сделать это в одиночку...

— Игорь, это может быть опасно, — вновь вздохнула я.

— Тох, ты это слышал? — там, на экране, чуть развернулся Игорь.

— Слышал, — несмотря на то что ракурс изменился, хмуро ответил все так же невидимый Антон. — Конечно, за нас же беспокоиться надо. Мы же совершенно беспомощные, — посчитал нужным поиздеваться он. — От маминой юбки никуда. Это если плохих дядей, которые крадут детишек, поймать, так можно и нас приспособить. А вот в ночной клуб на маньячек...

— Я все осознала, — подняла я руку в Андрюхином жесте. Могла бы поднять и вторую, но держала в ней телефон. — Через сколько вас ждать?

— Вот это уже другой разговор! — расплылся в довольной улыбке Игорь. — Пятнадцать минут тебе хватит?

Мне хватило бы и десяти, но после того, как выберу, что надеть, юбку или джинсы.

Антон словно догадался о моих затруднениях:

— И оденься так, чтобы убегать было удобно. Мало ли что...

Если «мало ли что», я могла убежать и в юбке, но мысль была понятна. Стоило готовиться к любым ситуациям.

Пожелание быть готовой к любым ситуациям я выполнила. Оделась так же, как Игорь, но в женском варианте и в более яркой цветовой гамме. И даже рукава курточки подтянула к локтям, подстраиваясь под заданный им образ.

Моего демарша парни не пропустили — переглянувшись, кивнули друг другу, но никак не прокомментировали. Сейчас было важнее другое — определиться, что именно будем делать и стоит ли возможный результат тех проблем, которые сами себе создаем.

И если с первым все было более или менее понятно, то со вторым... Вариант со мной в роли живца отдавал авантюрой.

Впрочем, было в нем и рациональное зерно. Я пусть и будущий, но целитель, да еще и с сильной эмпатией. Незамеченным ко мне не подойти, да и вся эта химия, хоть с алкоголем, хоть без, на меня действовала иначе. Или не действовала, если заранее позаботиться о себе.

— Как мне удалось узнать, все девушки пропали из разных клубов. И все из тех, что принадлежат Ушаковым.

Мы сидели в машине Тохи на парковке у клуба «Юпитер». Антон и Игорь спереди, я — на заднем сиденье, устроившись посередине.

— И сколько их у Ушаковых? — поинтересовалась я у делившегося добытой информацией Игоря.

— Девять, — вместо него ответил Антон. — Но один даже рассматривать не стоит. Не та там публика. Если одаренный заявится, то это будет такой случай, что один на миллион.

— Значит, осталось три, — проявила я чудеса математической логики.

— Или четыре, — не очень весело посмотрел на меня Игорь. — Отец говорит, что для этих маньячек процесс не завершен. Они могут вернуться в тот же клуб, чтобы закончить дело.

— И кому это он говорил? — с намеком ухмыльнулся Антон.

Насколько я поняла, свои сведения Игорь добывал не совсем законным способом. То ли подслушивал, то ли подсматривал, а то ли и у кого-то выспрашивал.

В любом из вариантов его это вроде как не касалось.

— С князем Трубецким он разговаривал, — недовольно, словно поймали на горяченьком, буркнул Игорь. — Сидели в гостиной. А я в библиотеке.

Антон понимающе кивнул, но тут же подобрался:

— Это он из-за статьи к вам приходил?

— Из-за нее, — поморщился Игорь. — Обещал отцу, если все на себя возьму, то найдет для меня теплое местечко.

— Подожди, — подалась я вперед. — Ты имеешь в виду ту статью про мальчишку? Которая на новостном портале?

— И не только на нем, — угрюмо посмотрел на меня Игорь. — Саш...

— Так это мне князю Трубецкому спасибо сказать надо? — отмахнулась я от Валдаева.

А сама подумала о том, что вот так все и выплывает, становясь из тайного явным. Вчера вечером Андрей меня успокоил — в прессе о нас с Юлей не будет ни слова, сегодня выясняется, что князь Трубецкой обещал за это отцу Игоря теплое местечко для сына...

Вывод напрашивался неожиданный. Может, все не так, как мне казалось, и я зря боялась Трубецкого?

— Саш? — не понял Игорь моей задумчивости.

— Все нормально, — подтвердила я уже сказанное. И, откинувшись назад, задумчиво протянула: — Интересно, сколько нам придется ходить по клубам?

«Юпитер» был трехэтажным — план мне уже показали. Первые два — совмещенные. Внизу — танцпол и бар, на втором — огражденной стеклянными перилами широкой галерее, — зоны для отдыха. На третьем спортбар и бильярдная.

Снаружи он выглядел впечатляюще. Отделка черной глянцевой плиткой с вкраплениями звездочек и огромные буквы «Юпитер», желтым пробивавшиеся сквозь стылый мрак.

Как оно будет внутри... Игорь с Тохой, рассказывая, куда идем, уверяли, что достойно.

— А почему они выбирают клубы Ушаковых? — лишь теперь задала я давно мучивший меня вопрос.

— Скорее всего, потому, что здесь можно приобрести наркоту, — скривился Антон. — Ну что, идем?

Игорь кивнул, а я предпочла промолчать. Прихватила маленький рюкзачок, который взяла вместо сумочки, и первой вышла из машины.

* * *

Отойти далеко мне не удалось. Остановило пискнувшее уведомление о пришедшем сообщении. Достав телефон из кармана, открыла.

Весточка была от Андрея. Точнее, их было две. В одной — пожелание хорошо отдохнуть. Во второй — предупреждение. Не мне — парням, что отвечают за меня головой.

Оглянувшись на машину — Игорь с Антохой ждали, когда войду внутрь, переслала сообщение. Пусть осознают, под каким колпаком

находимся.

Реакция последовала незамедлительно. Стекло со стороны пассажирского сиденья опустилось, в окне появилась голова Игоря.

Я развела руками. Трудно тягаться с профессионалами.

С другой стороны, так даже лучше. Вряд ли Андрей догадывался, что именно мы задумали, но в случае чего вполне можно рассчитывать на поддержку.

Фейсконтроль прошла без проблем. Да и с чего они могли быть, если я не выделялась из толпы. Магическую проверку на оружие и наркотики тоже выдержала. Какая ирония! Если Антон с Игорем правы и в клубе распространяли наркотики, то вся эта проверка выглядела лишь фикцией. Или защитой от конкурентов.

Войдя в холл, огляделась. Слева — коридор в гардеробную. Справа лестница на второй и третий этажи. Чуть дальше — лифтовая площадка. Для тех, у кого нет сил подняться по лестнице.

А прямо были двери. Для неодаренных — ничем не примечательные, для меня — окутанные защитой. Потому и было здесь тихо. Даже не верилось, что достаточно сделать шаг и ты окажешься в другом мире.

Курточку я снимать не стала. Была она тоненькой, да и мало ли какие обстоятельства, вдруг придется быстро исчезать. Лично я разбрасываться вещами не собиралась. Не так их много у меня.

Когда взялась за ручку двери, вдоль запястья прошелся холодок. Антон предупреждал — магическая метка, которая должна исчезнуть через шесть часов, но я все равно вздрогнула. Неприятно.

Вошла внутрь...

В Пензе я один раз была в ночном клубе. С Андреем, решившим, что мне просто необходимо познакомиться и с этой стороной взрослой жизни.

Тогда мне не понравилось. Громко, душно и неискренне. Не люди — маски. С моей эмпатией — весьма неприятно. И хотя контролировать чувствительность я к тому времени научилась, впечатление было безрадостным.

Сейчас...

Попала я на медленный танец. Музыка звучала проникновенно, словно маня за собой. Пары колыхались в туманной дымке, которой был окутан танцпол. Приглушенный свет обещал тайну...

Отвращения это не вызывало.

Обойдя площадку для танцев, направилась к находившейся в глубине барной стойке.

Народу в зале было много, но здесь оказалось довольно свободно.

Выбрав себе место подальше, устроилась на высоком стуле. Рюкзак положила на колени. Он маленький, не мешал.

Приподняв руку, дала понять бармену, что готова сделать заказ. Тот заканчивал обслуживать парочку, но кивнул мне, что заметил. Освободившись, подошел:

— Восемнадцать есть?

Вопрос мне понравился. Для этого заведения правильный вопрос.

Но насколько я была права с первым впечатлением?

Оказалось, что ошибалась.

— Что-нибудь безалкогольное, — вживаясь в роль, грустно улыбнулась я. — И побольше.

Взгляд бармена стал оценивающим. Всего лишь на мгновение, но я не столько заметила, сколько почувствовала направленное на меня внимание. Как если бы попытались вывернуть наизнанку, проверяя, что внутри.

Высокий стакан, посыпанный по краю сахарной пудрой и шоколадной крошкой, появился передо мной через минуту. Поблагодарив и рассчитавшись, пододвинула к себе ближе. Сделала глоток через трубочку...

Алкоголь в коктейле был. Немного, но с учетом объема стакана для веселья мне вполне хватало.

Нужная магема была наготове. Оставалось только использовать, что я и сделала. Лучше нейтрализовать сразу, чем избавляться от последствий.

Музыка уже давно сменилась. Здесь, у бара, скорее всего, использовались какие-то магические штучки, потому что ритмом било по телу, но не по ушам. И ритм был приятным, заводным. Сама не заметила, как начала отстукивать его ногой.

Спохватилась, когда, бросив случайный взгляд на галерею второго этажа, увидела у перил Игоря.

Стало ли мне стыдно?

Наверное. Немного. Все-таки я не была лицедейкой, чтобы точно придерживаться своей роли.

— Это кто у нас здесь скучает?

Я так задумалась, растягивая коктейль, что пропустила, когда ко мне подобралась эта парочка.

Что удивительно — парень и девушка. Оба навеселе, но не настолько, чтобы не понимать, что делают.

— Что? — Мне даже не пришлось делать вид, что я растерялась.

— Чего одна сидишь? — Опередив парня, взяла девушка меня за руку. — Пойдем к нам. Здесь нельзя скучать!

— Куда идти? — на этот раз уже сыграла я.

Не знаю, как получилось, но парочка переглянулась отнюдь не разочарованно.

— С нами, — потянула меня со стула девушка.

Пришлось соскочить, я едва успела подхватить падавший рюкзачок.

— А зачем? — продолжила я представление.

Как ни странно, но особой опасности я не ощущала. Было беспокойство, но что-то подобное я испытывала всегда, когда находилась в незнакомом месте.

— Веселиться будем, — обхватил меня за талию парень. — Ты же новенькая? Никогда раньше здесь не была?

— Новенькая, — чуть заплетающимся языком послушно подтвердила я. — Приехала поступать.

— Так ты у нас провинциалка! — вроде как обрадованно засмеялась девушка. — Кстати, меня зовут Лорой. А это, — она кивнула на парня, — Стасик.

— А я Саша, — назвалась я, представляя, как наша компания выглядит со стороны. Я со своей заторможенностью и эти двое, тащившие меня как на буксире.

Впрочем, смотреть на нас было особо некому. Диджей включил что-то убойное, на танцполе творился настоящий хаос. Чтобы услышать друг друга, приходилось кричать в ухо.

— Хороша Саша... — начал парень, явно собираясь переделать Машу в Сашу.

Закончить ему не удалось.

— А ну, отошли от нее! — вывернув из-за очередного столба, на которых держалась галерея второго этажа, встал у нас на пути

Александр Трубецкой.

От неожиданности я впала в ступор. Замерла, глупо хлопая глазами. Уж кого-кого, а этого типа увидеть здесь я точно не ожидала.

— А ты кто такой?! — дернулся ему навстречу Стасик. — Тут таких, как ты...

— Стас, не надо! — перехватила парня Лора, похоже сообразив, что с новым действующим лицом лучше не связываться.

Это она правильно. Судя по тому, что я чувствовала, Трубецкому требовался только повод. А уж потом...

На этой мысли я и начала «отмирать». Но опоздала.

— А ты... — Он жестко сжал своей лапицей мое предплечье. — Это же надо быть такой душой.

Упереться я даже не пыталась. Все равно что встать на пути разогнавшегося поезда. Сомнет — и поминай как звали.

Продолжая ворчать и время от времени отпуская в мой адрес совсем нелестные эпитеты, Трубецкой вывел меня на улицу. Завел за угол...

И ведь никто из охраны даже не шелохнулся. словно это было в порядке вещей.

— Ты вообще понимаешь, в чьи лапы чуть не угодила? — прижав к стене, навис надо мной Трубецкой. — Это же завлекалы! Раз — и таблеточка в бокале. А таблеточка непростая. Саше так хорошо станет, что завтра она без этой таблеточки уже жить не сможет.

Испугалась ли я?

Да, испугалась. Вот этого тяжелого дыхания и взгляда, которым он меня пытался испепелить.

А что касается таблеточки...

Может, в жизни я чего-то и не понимала, но с целительством была знакома. И эта таблеточка...

— Идиотка! — сбив меня с мысли, какая из двух магем лучше помогла бы с таблеточкой, медленно выдохнул Трубецкой. — Я как тебя увидел с ними...

— А сам-то ты что здесь делаешь? — раздалось из-за спины Трубецкого.

Ждать, когда он удовлетворит любопытство Антона, я не стала. Проскочив под рукой Трубецкого, подошла к парням. Встала рядом с Игорем.

И только тогда, заметив, с каким интересом смотрит на нас Трубецкой, поняла, что с вопросом Мещерский не ошибся.

Ладно мы ловили маньячек на живца, а вот что здесь делал он?!

ГЛАВА 11

— Идиоты! — Трубецкой схватился за голову, качнулся из стороны в сторону. — Вы вообще понимаете...

Мы опять сидели в машине Антона. Игорь с Трубецким сзади, мы с Тохой на передних сиденьях.

— Это в чью голову пришла такая светлая мысль?! — посмотрев почему-то на меня, продолжил изгаляться Трубецкой. — Ловить на нее! Да если с ее головы хоть волосок упадет...

— Не поняла? — перебила я его. — Это откуда такая информация?

Пауза была короткой, но многозначительной. Тот факт, что Андрей и князь Трубецкой работали вместе, был мне известен. Если еще и этот...

— Ты завтра начинаешь лечить мою маму, — с легкой издевкой посмотрел на меня Александр. — Как думаешь, что сделает отец с любимым, кто поднимет на тебя руку?

Вздыхнув — про этот момент я откровенно забыла, вынужденно кивнула. Да, при таком раскладе моя голова становится для старшего Трубецкого весьма ценной. Тамару Львовну он любит — для меня это сомнению не подлежало — и ради нее готов если и не на все, то на многое.

— Пока маньячки на свободе...

— Это не ваше дело! — перебил Трубецкой Игоря. — Этим занимается полиция.

— Ну да, конечно! — выверился Игорь. — То-то Данила Евгеньевич нанял для Яны охрану.

— А ты откуда знаешь? — Трубецкой не сказать что пошел на попятный, но перестал быть столь язвительным.

— От меня, — подала я голос. — Сергей переехал жить в дом профессора. И от стрелкового клуба наряд.

— Тем более. — Трубецкой впился в меня взглядом. — Эти твари опасны.

— Это мы и без тебя знаем, — подал голос Антон. — Но, во-первых, Саша не столь беззащитна, как кажется. А во-вторых, мы с нее

глаз не спускали. Случись что... Кстати, а что ты делал в клубе Ушакова? Вы же вроде как в контрах?

— Не вроде как, а в контрах, — уже почти спокойно буркнул мой тезка. — А в клуб меня отправил отец. Попросил посмотреть, действительно ли там распространяют наркоту или это пропускает служба безопасности.

— Очень интересно, — переглянувшись с Игорем, протянул Антон. — Так ты теперь...

— Подождите, — перебила я Тоху. — С этой наркотой ведь что-то не так?

— Вот ведь вьедливая, — посмотрел на меня исподлобья Трубецкой. — Появилось у нас тут тайное студенческое общество под воинственным названием «Валите в свою провинцию». И вот повадились его активисты столь незамысловатым путем избавляться от своих будущих сокурсников, освобождая бюджетные места.

— Ты серьезно? — вспомнив, как «обрадовались» Лора и Стас, когда я сказала, что приехала поступать. — Так это же...

— Это не только уголовка, но и политика, — поморщился Трубецкой. — Если начнется шумиха...

От политики я была далека — не зря говорили, что все, что за московской объездной, другой мир, — но даже я понимала, сколько грязи всплывет, как только об этом станет известно.

Российскую империю в мире не любили. Уж больно мы... даже не самостоятельные — самодостаточные. Чтобы быть счастливыми, нам вполне хватало нас самих.

Для тех, кто так не умел, обидное качество.

— Тогда тебя можно поздравить! — хмыкнула я. — Тебе есть чем порадовать папочку.

— Предлагаешь поблагодарить тебя за это? Скажи спасибо...

— Да я бы без тебя прекрасно справилась! — огрызнулась я. — Хватило бы малой очищающей, чтобы нейтрализовать эту дрянь.

— Ты так уверена в этом? — не остался он в долгу. — Там про таких, как ты, тоже подумали. Не работает малая очищающая. Какой-то компонент блокирует ее.

— Тогда магема Хинстона, — тут же нашлась я. — А если бы и она...

— Так, угомонились оба! — рявкнул Антон, останавливая прения. — Саша права, тебе есть чем порадовать отца. Но если ты расскажешь о нас...

Не знаю, чем он хотел запугать младшего Трубецкого, но сделать этого не успел.

— Надо будет еще Илюху подтянуть?

— Что? — наконец-то подал голос Игорь.

— Во-первых, он рукопашник, что не помешает, — продолжил мой тетка, давая понять, что его участие в этом деле — вопрос решенный. — Ну а во-вторых, он — бабник. Пока мы будем контролировать Сашу, он будет нас прикрывать.

Говорить, что чем больше народу, тем более вероятно, что о нашей инициативе узнает кто-нибудь из взрослых, я не стала. Да, все было именно так, но судить, насколько Илья Воронцов бабник, я не могла. А вот то, что балабол, испытала на собственной шкуре. Ему только дай волю, заговорит кого угодно.

— Юлю тоже нужно будет привлечь, — не стал спорить с Трубецким Антон. — А то наша чисто мужская компания...

Мы все дружно покивали головой. Чисто мужская компания, не ищущая новых знакомств в ночном клубе. Выглядело это действительно подозрительно.

Домой меня отвезли Антон с Игорем. И даже проводили до двери. Вроде как выполняли поручение Андрея.

Мне бы посмеяться...

Смеяться не хотелось. Не от грусти, от усталости. Эмоции лишают сил не меньше, чем физические нагрузки, просто многие об этом забывают, бросаясь то в мир развлечений, то в пучину переживаний.

Да и разговор с Трубецким... Тетка в семействе хоть и младший, но хватка у него папенькина. Знаю, лично видела.

— Рано ты...

— Так получилось, — мысленно посетовала я на то, что отдых откладывался.

Присутствие Андрея я почувствовала сразу, как только вошла. Аромат его туалетной воды. Чтобы обнаружить чужое присутствие, легко обойтись и без магии.

— И почему ты не спрашиваешь, как я оказался здесь? — поднялся он с дивана. Подойдя, забрал рюкзачок и помог снять курточку.

— Снял слепок и сделал дубликат, — фыркнула я, давая понять, что вопрос был глупым. — А вот зачем ты здесь, хотелось бы узнать.

— Привез твою коробку, — кивнул он на стол. — Ты забыла.

— Не забыла, а не стала брать, — поправила я.

Помыв руки, наполнила чайник водой. Включила.

Чаю не хотелось, но надо было чем-то занять себя, чтобы не высказать этому типу все, что о нем думала.

— Саш... — встал он у меня за спиной. — А ведь ты уже второй раз спасла этого мальчишку.

— Расскажешь? — не стала я оборачиваться.

А то я не знала, зачем он об этом заикнулся. И хотя слышать похвалу было приятно, прощать Андрея раньше времени я не собиралась.

— Особо там рассказывать нечего. По долгу службы отец мальчишки имеет доступ к определенным документам. Сначала его пытались подкупить. Потом угрожали. Ну а затем от угроз перешли к действиям. Все как обычно.

— Ты называешь это «как обычно»?! — развернувшись, встретила я с ним взглядом. — Сначала отравить?! Потом выкрасть?! Это — как обычно?!

Успокаивая, Андрей обнял меня. Поцеловал в темечко.

С ним было так... тепло. Как с отцом.

А еще он из тех, с кем не соскучишься. Потому что устраивать себе и другим веселую жизнь — у них в крови.

— Саш, — продолжил Андрей, когда я затихла, замерла, чувствуя, как ровно и уверенно бьется его сердце, — мы с тобой говорили, что хороших людей в этом мире больше, чем плохих. А вот равнодушных — мало. И если ты родился таким, то это судьба, что не сможешь пройти мимо там, где другой просто ничего не заметит. И твой отец, и я, и Реваз, и Прохор, мы очень рады, что ты — такая, но...

— Но будь осторожна и сначала хорошо думай, а только потом — делай, если иначе не можешь, — закончила я за Андрея.

Все это было правильно, и тем не менее...

— Саш, — взяв за плечи, отстранил меня от себя Андрей, — мне нужно уехать на несколько дней.

— Из-за отца? — насторожилась я.

По ощущениям, у них с Ревазом было все в порядке, но на таком расстоянии я могла и ошибаться.

— Нет, — качнул головой Андрей. — Это по делам клуба. Нам предлагают...

— Не можешь — не говори, — почувствовав, что всей правды все равно не услышу, остановила я Андрея. — Езжай спокойно. Я постараюсь...

— Понедельник, среда, пятница. С десяти до двенадцати, — перебил он меня. — Ездить будешь вместе с Яной. А к субботе я вернусь, и мы поговорим. Хорошо?

Я только кивнула. Я не хотела, чтобы он уезжал, но для нашего плана так было даже лучше.

* * *

Доброе дело... Безнаказанным...

— По брачному контракту в случае смерти мужа и отсутствия ребенка мужского пола меня и дочь или дочерей, если таковые будут, должны вернуть родителям. Возврату подлежит также половина полученного за меня приданого.

Ничего неординарного в ситуации не было — с дочерьми, особенно теми, которые не родились щедро одаренными, частенько поступали именно так, но от равнодушия Алии, уже давно смирившейся со своей участью, Игната коробило.

И не только его. Реваз держался, но каких усилий ему это стоило, Игнат хорошо видел.

— Все так и должно было случиться, но... — Она вздохнула, посмотрела на дочь.

С момента пробуждения Алии прошло полчаса, но лишь теперь она успокоилась, поверив, что Игнат с Ревазом не враги. А до этого... слезы, мольбы, обещание найти и убить, если они отнимут у нее ребенка...

С истерикой Игнату удалось справиться не сразу. Эмоциональный разнос... Для быстрого купирования нужен был целитель иного профиля.

— ...я скрывала, что у Даши две стихии, и обе сильные, но Бахтеяровы узнали и потребовали отдать им девочку.

— А как же закон? — скорее чтобы заполнить паузу, чем по необходимости, уточнил Игнат.

Бахтеяровы и Берковы. Старые роды со своей историей и положением.

На первый взгляд, случись столкнуться, получилось бы на равных. А вот на второй, если вспомнить, что Бахтеяровы — фамилия княжеская, да еще и обласканная императором, а Берковы буквально возрождались из пепла после предательства одного из предков, то преимущество одних перед другими становилось очевидным.

Да и воевать ради шестилетней девчонки, даже одаренной... Это для матери она представляла ценность, но не для остальных.

— Какой закон?! — горько посмотрела на него Алия. — Не знаю, какие законы у вас там, но у нас тут закон один: сила. Я просила помощи у отца, но он сказал, что для всех будет лучше, если Даша останется в той семье. Я умоляла брата... — Ее голос становился все резче, яростнее, но выражение лица оставалось равнодушно-отрешенным. — Любимого брата, который едва сдерживал слезы, когда меня выдавали замуж. А он... — Она медленно выдохнула, потом поднесла к губам фляжку и, даже не поморщившись — коньяк был крепким, сделала глоток. — Это ведь его я ждала у той рощи. Это он продал нас с дочерью этим тварям!

До ночи было еще далеко, но темнело стремительно. Впрочем, освещена дорога была хорошо, сдвигая сумрак к обочине.

Так бы ехать да ехать... Шелест шин, встречные огни, капли дождя... скорее морось, чем настоящая непогода.

В термосе чай. Во фляжке коньяк. В пакете пирожки...

Реваз, вцепившись в руль так, что если отдирать, то вместе с пальцами, скрежетал зубами. Обещание не вмешиваться он выполнял, но ведь это не мешало переживать все сказанное вместе с Алией.

В истории Реваза это была не первая любовь, но у мужчин такое случается: уже не своя, но от этого только острее.

А она не узнала. Да и не могла. Не для того они «сгорели» в поместье, чтобы светить своими лицами перед знакомыми.

— Вы ведь в Ставрополь ехали не просто так? — Игнат шевельнулся, меняя положение тела.

Разговор был сложным, чтобы Алия вновь не сорвалась, приходилось контролировать ситуацию.

— К тете, — опустила она фляжку. — Софико сразу сказала: приезжай, в обиду не дадим. У них четверо сыновей и ни одной дочки. Ее муж Дашу полюбил, как свою.

— Второй женой? — все-таки подал голос Реваз. Получилось хрипло и грубо.

Вот только Алия вроде и не заметила. Неожиданно улыбнулась и качнула головой.

— Нет, замуж больше не пойду. Все для дочки. Да и не позовет он, тетушка обещала, что даже за разговор о второй жене лишит самого дорогого. А она слово держит.

Заметив, как обмяк Реваз, Игнат мысленно хмыкнул.

Легенд о Ревазе и Андрее на той войне не слагали. За их головы просто назначали награды. И вот этот хладнокровный убийца, не раз ходивший на ту сторону границы, сидел сейчас и млел. Млел от намека на надежду.

Впрочем, Игнат его понимал. То была надежда на счастье. А даже для них, прошедших через кровь и смерть, это дорогого стоило.

Но это так, философствование.

— Вы уверены, что тетушка не поступит с вами так же, как брат? — понимая, что режет по живому, жестко спросил Игнат.

Алия дернулась... Посмотрела на него, не веря, что сказал такое. Но тут же вновь улыбнулась:

— Они — Багратионы. Им Бахтеяровы не указ.

Игнат бросил вопросительный взгляд на Ревазу, тот кивнул, подтверждая.

— Ну, если так... — Игнат достал магофон, протянул Алие. — Звоните. Договаривайтесь о встрече.

Судя по тому, с каким изумлением посмотрела на него Алия, она лишь теперь до конца поверила, что попала к друзьям.

Встреча состоялась в десяти километрах от Ставрополя, в отстойнике для фур. Четыре машины стояли на самой площадке, две перекрыли дорогу, стоило их внедорожнику свернуть с трассы.

Остановились они метрах в десяти от лимузина с княжеским гербом на дверях.

Переглянувшись с Ревазом — муж тетушки Алии наследником не был, так что подобного приема не ожидали, Игнат покинул машину. Открыл заднюю дверь, помог выйти Алие. Затем аккуратно, стараясь не потревожить, взял на руки девочку.

Та недовольно засопела, но не проснулась, лишь, поворочавшись, уткнулась носом ему в руку.

Прямо как Сашка, когда была маленькой.

От воспоминания о дочери его на миг повело. И не важно, что присматривал за ней Андрей, которому он полностью доверял. Была в ощущениях пусть и не тревога, но напряжение, наводившее на всякие нехорошие мысли.

И хотя причин для этого не было — ни Трубецкой, ни Андрей в своих письмах не упоминали о проблемах, — мысли все равно возвращались.

Да и могло ли быть иначе?! Он — отец. Для него Сашка всегда будет маленькой.

— Софико...

Он не отвлекся — видел все, что происходило вокруг, так что вышедших из лимузина мужчину и женщину лет сорока не пропустил. Только оборачиваться не стал, давая возможность Алие окончательно прояснить их статус. Разговор разговором, но кровь у горских народов горячая. При желании кровника можно и на ровном месте найти.

Общение не затянулось. Женщина осталась у лимузина — стояла, прижав Алию к себе, мужчина направился к нему.

Одет в костюм — такие шили только на заказ, но двигался так, что сомнений в том, что за спиной у этого типа собственное кладбище, не оставалось.

Да и с возрастом Игнат практически не ошибся — не сорок, сорок два, как и ему. А вот с ситуацией...

Во время Персидского конфликта Ираклий, которого он узнал с первого же мгновения, служил в том же полку. Правда, не под своей

фамилией, что в то время было не редкостью. Погибнуть в бою — одно, оказаться в плену ради выкупа — другое.

— Я возьму? — подошел он вплотную.

Отвечать Игнат не стал, развернулся, чтобы взять девочку было удобнее...

— И что молчишь? — Устроив ребенка на руках, Ираклий сдвинулся, чтобы оказаться напротив.

Их взгляды встретились. Узнать Игната Ираклий не мог, да и «пробить» за такое короткое время тоже. Но внутри все равно защемило. Не из-за опасения, а от обиды, что встретились вот так.

И не важно, что не дружили. Воевали вместе. Лично для Игната это много значило.

— В машине их вещи, — глухо, чтобы трудно было узнать по голосу, произнес он. — Прикажите забрать.

Ираклий ухмыльнулся, качнул головой. Узнал не узнал... Когда в архиве такое прошлое, как у них, обычная логика уже не действовала.

— Номер сохрани, — отойдя на пару шагов, остановился Ираклий. — Звони, если понадобится помощь.

Игнат только кивнул. И не важно, что Ираклий не увидел.

В таких ситуациях, как эта, главное произносилось без слов.

* * *

Утро было прохладным. Сейчас бы размяться, разгоняя кровь, но сегодня он — главный. Задачи другие.

— Андрей Аркадьевич, погрузку завершили, — подошел к нему старший группы, тот самый Владимир, на чьи плечи легло освобождение Яны. — Готовы к движению.

— Я тебе не буду говорить...

— Я понял, — хмыкнул тот. — Отвечаем головой.

— Ну раз понял... — не поддержал тона Андрей. — Движение разрешаю. Доклад каждые пятнадцать минут.

— Разрешите выполнять? — подобрался Владимир.

Андрей отмахнулся, посмотрел на дом, рядом с которым стояли четыре внедорожника. Клубные машины.

Младший сын известного в России дипломата Афанасия Егоровича Варланова проживал с семьей в небольшом особнячке. По стилю выглядело весьма миленько, по безопасности — никак. Сам район, конечно, охранялся, но далеко не с той тщательностью, с которой берегли покой княжеской Москвы, где обитал глава рода Варлановых.

И хотя княжеского титула они не имели, родовитости, чтобы обосноваться на берегу Москвы-реки, вполне хватало.

— Все-таки решил вывозить?

О приезде князя Трубецкого ему доложили еще десять минут назад. Но их уровень взаимоотношений — не на равных, но с определенной долей самостоятельности — обходился без излишнего подобострастия.

К тому же Андрей — работал. А в таких ситуациях действовали совсем иные правила.

— Не хочу рисковать людьми, — наблюдая, как первая машина покидает крошечный дворик, отозвался Андрей.

Жена, дочь, сын и его няня. Обеспечить достаточную охрану в текущих условиях Андрей не мог.

Что радовало, следак, когда Андрей поставил его перед фактом, что будет вывозить Варламовых на территорию стрелкового клуба, спорить не стал. Лишь кивнул, что принял к сведению, и продолжил заниматься своими делами.

К таким людям Андрей относился с уважением. Когда речь шла о человеческой жизни, собственные удобства должны отходить на второй план.

— А вам, ваше превосходительство, чего не спится? — не дождавшись комментариев, поинтересовался он.

Пять часов утра...

Нормальные люди в такое время еще не жили в постелях.

— Хотел с тобой поговорить. — Трубецкой, как и Андрей, проводил взглядом машины.

— Неожиданно, — качнул головой Андрей.

Последний раз они разговаривали менее суток назад. И, на его взгляд, обсудили все, что требовалось.

— Ты сейчас куда?

— За ними, — кивнул Андрей на колонну.

Машины сопровождения уже выехали, проверяя намеченный маршрут. И хотя его присутствия операция не требовала... Нет, предчувствий у него не было, просто хотелось добавить остроты довольно спокойным будням.

— Тогда я с тобой, — бросил Трубецкой и первым направился к его внедорожнику.

Андрей дернул плечом и промолчал. Хозяин — барин. Трубецкой — мужик опытный, из-за ерунды кипишиться не будет.

Нагонять колонну они не стали, просто держали в пределах видимости. Не визуальной — было еще темно, приборов слежения.

— Саша вчера была в клубе «Юпитер», — не сразу, а продержавшись целых семь минут, заговорил Трубецкой.

Андрей скосил глаза. Трубецкой на переднем пассажирском смотрелся вполне органично. Ему бы еще короткоствол на колени да сменить костюмчик на камуфляж, так от его парней не отличишь.

— Знаю, — коротко бросил он, вспомнив доклад старшего наряда, отвечавшего за ее безопасность.

Внутри они, конечно, не полезли, но к системам подключились. Благо соответствующий специалист в группе имелся.

— И об их встрече с моим сыном? — скорее удовлетворенно, чем с беспокойством уточнил Трубецкой.

— И о состоявшемся затем разговоре, — подтвердил Андрей плотную слежку за Сашей. — И про наркотики, и о зажавшихся столичных ублюдках, которым провинциалы мешают жить, тоже. А также о плане, в соответствии с которым наши отроки собираются ловить маньячек.

— Что?! — рыкнул Трубецкой, разворачиваясь на сиденье. — Эти охламоны...

— А чему вы удивляетесь, ваше превосходительство? — едва ли не равнодушно хмыкнул Андрей. — Или думали, после той дозы адреналина, которую хапнули, вызволяя Яну, они теперь так просто постоят в сторонке, дожидаясь, когда сработает наша доблестная полиция?

Андрей язвил...

Когда узнал о Сашкиной задумке, был в похожем состоянии. До бешенства не дошел — все-таки речь шла о крестнице, но по эмоциям хлестануло знатно.

Это потом все взвесил и нашел, что план может сработать.

А то, что рискованно... В его силах было снизить этот риск до самого минимума.

— Не любишь ты полицию, — уже скорее просто зло прокомментировал его слова Трубецкой.

— Хватает того, что уважаю отдельных ее представителей, — прояснил свою позицию Андрей. — А если серьезно, то в этой истории они мышей точно не ловят. Уже после второго убийства было понятно, что речь идет о маньяке. Нужно было собирать группу, поднимать спецов, проверять в клубах датчики на наркоту...

— Мы проверили, — чуть слышно, скорее для самого себя произнес Трубецкой.

— Вы проверили, а Ушаков? А Еремин, у которого тоже хватает клубов? Или все было проще... Да, погибшие девчонки — одаренные, но за ними никто не стоял, лишь не знавшие куда кинуться от горя родители. А если бы кто из родовитых, вот тогда... — Не договорив, Андрей медленно выдохнул.

Как говорится, не в первый и не в последний раз, но все равно противно. На словах — одно, на деле... Нет, не всегда, но... Еж — птица гордая, пока не пнешь, не полетит. Вот и приходилось то пинать, то подпинывать.

— Первый, я второй, — отвлек его вызов. — Идем чисто.

— Принято, второй, — отозвался он. Бросил взгляд на навигатор...

Раннее утро, дороги пустые. Да и контроль не только на земле, но и в воздухе. Вертолет отслеживал колонну, дополнительно проверяя маршрут.

— Думаешь, могут быть проблемы? — не задержался с вопросом Трубецкой.

Андрей качнул головой. Теперь, когда эти твари засветились...

Нет, Виталий Варланов — отработанный материал. Теперь ни к нему, ни к его семье никто на пушечный выстрел не подойдет.

Но перестраховаться все равно требовалось. У Дедова — подготовка. И если он пойдет на принцип...

Андрей опять качнул головой, но теперь уже мысленно. На принцип в таких ситуациях не идут, ищут другие варианты.

И вот это было хуже. Здесь знаешь, чего ждать, а там...

Впрочем, само «там» останется неизвестным, пока не рванет. Если, конечно, следак не окажется гением и не раскопает то, что поможет сыграть на опережение.

— И что собираешься делать? — сбил его с мысли Трубецкой.

Андрей хмыкнул. Князь говорил не о семье Варланова, а о детишках, решивших заменить собой взрослых дядей.

— Контролировать каждый их шаг и молиться, чтобы в самый ответственный момент не случилось непредвиденного, — продолжая отслеживать дорогу, ответил Андрей. — Саша считает, что с сегодняшнего дня я в командировке.

— Думаешь, расслабятся? — неверяще усмехнулся Трубецкой.

— Не думаю, — улыбнулся Андрей, — надеюсь. И кстати, что там за история у Воронцовых?

Трубецкой скривился. Бурная деятельность старшего Воронцова...

Раньше нужно было бурно действовать! Когда Сашка была маленькой и спрашивала про бабушку с дедушкой.

* * *

Воскресное утро!

Наверное, именно таким оно и должно быть, если говорить о нормальной семье. Нормальной семьи у меня никогда не было. Да и вот так, чтобы всем собраться за завтраком... За мои семнадцать лет подобное случалось редко. Всегда кто-нибудь да был занят.

— Я вчера получил два благодарственных письма, — когда перешли к чаю, посмотрел на меня Данила Евгеньевич. — От Валдаевых и Мещерских.

— Ты ничего не говорил, — словно давая мне передышку, произнесла Людмила Викторовна.

— Хотел сначала обсудить это с Сашей, — грустно улыбнулся профессор. — Руководство училища отреагировало на сообщения СМИ. Да и полицейское управление намерено представить Антона и Игоря к медали «За спасение ребенка». Но и Мещерский и Валдаев...

— Данила Евгеньевич, — перебила я его, — мальчика действительно спасли Антон и Игорь. И это сомнению не подлежит. А

то, что меня не упомянули, так даже лучше. Мне учиться надо, свою репутацию зарабатывать, а не пользоваться вот этим героическим флером.

Данила Евгеньевич переглянулся с Людмилой Викторовной. Многозначительно так переглянулся. С гордостью. Словно я была такой же дочерью, как сидевшие здесь же Яна и Юля.

Это было приятно, но не рассказывать же им, что любое излишнее внимание мгновенно разрушит мою легенду.

Да даже и не будь ее! Ничего особенного я не сделала. Да, определила, что мальчик находится под магемой подчинения! Не будь ребят, на этом бы все и закончилось. Спасти его в одиночку я вряд ли бы смогла. А ждать помощи от окружающих... Пока бы я им объяснила, в чем дело. Пока бы они думали, стоит или нет верить этой девчонке...

Нет, с Игорем и Антохой получилось едва ли не идеально. Они уже знали о моих способностях и не сомневались ни в одном моем слове.

— Сережа, а вы что скажете? — неожиданно не только для меня, но и для всех спросила Юля.

В этот момент я бы тоже с кем-нибудь переглянулась — с таким искренним интересом подруга смотрела только на Антона, но никого, кто сумел бы разделить мои чувства, рядом не было.

— Скажу, что нам стоит уважать решение Саши, — бросил он на меня короткий взгляд.

Я изобразила пожатие рук, выражая солидарность со сказанным. Данила Евгеньевич и Людмила Викторовна вновь переглянулись. На этот раз — умилительно.

Вот ведь... Иногда привычка подмечать происходившее вокруг создавала одни проблемы. Теперь сиди и думай, что у них в голове.

— А я с этим не согласна! — начала приподниматься Юля.

— Саша знает, что делает, — вдруг подала голос Яна и тут же потупилась. И даже попыталась стать меньше, сжалась, избегая чужих взглядов.

— Спасибо, Ян, — улыбнулась я, делая вид, что ничего не заметила. — И прошу вас, давайте закроем этот вопрос. Игорь с Антоном — молодцы! Они не растерялись, они сделали все, как надо. И награду заслужили.

Юля, несмотря на мою настойчивость, с такой точкой зрения так и не согласилась. Хоть и опустила на стул, но все равно пыхтела, выражая недовольство.

— Данила Евгеньевич, — решила я сменить тему, — во сколько поедем к Трубецким?

— К шести, Сашенька, — явно обрадовался он. — Но у нас появился новый пациент.

— И об этом ты тоже промолчал, — отвлеклась от пирожного Людмила Викторовна.

— Не успел, — чуть заметно улыбнулся он. — Позвонили перед завтраком. Нервное расстройство у княгини Воронцовой. Просили подъехать посмотреть.

— А их целитель? Игнашин, если не ошибаюсь? — нахмурилась Людмила Викторовна.

Я тоже насторожилась. Чувствовался в этом какой-то подвох. Но вот какой?!

— На него напали вчера вечером. Ударили сзади по голове. Забрали саквояж, кошелек.

— Где напали? — отставил чашку Сергей.

Он и до этого скорее просто делал вид, что чаевничает, а теперь же даже скрывать перестал, что его больше интересует разговор, а не еда.

— Наследник Воронцовых сказал, что у госпиталя, где Игнашин консультирует. В машину сесть не успел.

— И это звучит более чем странно, — переведя взгляд с Данилы Евгеньевича на меня, протянул Сергей.

— Чем же? — как мне показалось, довольно беспечно поинтересовался Данила Евгеньевич.

— Хотя бы тем, — с весьма подозрительным спокойствием сказал Сергей, — что госпиталь, в котором консультирует господин Игнашин, очень хорошо охраняется. А на той стоянке достаточно камер, чтобы не оставалось слепых зон.

— Так ты, Сергей, считаешь... — начала было Людмила Викторовна.

— К сожалению, я ничего не считаю, — очень аккуратно перебил ее Сергей. — Я просто говорю, что это странно. Князь Воронцов по согласованию с полицейским управлением отправляет в имение

погибшего сына свою службу безопасности. Как независимый эксперт с ними должен был ехать господин Игнашин.

— И когда они собирались ехать? — помрачнел Данила Евгеньевич.

Такие разговоры, да за завтраком... А все так хорошо начиналось!

— Насколько мне известно, завтра утром. И есть у меня опасение, что именно вас, Данила Евгеньевич, князь Воронцов попросит заменить своего целителя.

Мне с трудом удалось не вздрогнуть.

Очень не хотелось, чтобы профессор лез в эту историю. Опасной она была. И не только для самого Данилы Евгеньевича, но и для его семьи.

К Воронцовым мы поехали после обеда. На той самой васильковой «девочке».

Да и дорога была мне знакома. Княжеская Москва, как называли эту часть города, протянувшуюся вдоль Москва-реки.

— Я никогда не работала с нервными расстройствами.

Пока мотались по переулкам, я предпочла молчать, чтобы не сбить Данилу Евгеньевича. Уж больно сосредоточенным он был.

Заговорила после поста охраны. Теперь предстояло ехать по прямой, пока не придет время свернуть к поместью Воронцовых.

— Проведешь диагностику, а потом посмотрим, — бросил он несколько раздраженно. — И пожалуйста... — Он слегка замялся, но все-таки продолжил: — Если Сергей прав и причина визита — желание князя заменить мной Игнашина, то разговор может закончиться не самым приятным образом. И я прошу тебя, не принимай это ни на чей счет. Главы родов очень не любят отказов. А уж главы княжеских родов...

— Я поняла, Данила Евгеньевич, — кивнула я, надеясь, что ничего из того, о чем сказал профессор, не произойдет.

— И еще, Саша, — притормозил он перед поворотом, — не сердись на Юлю. Она полюбила тебя, как родную, потому и злится на парней. Чувство справедливости разыграло.

Я хмыкнула, потом засмеялась.

— Я сама такая, — успокоившись, заверила профессора. — Сначала вцеплюсь, а только потом думаю: а нужно мне это было или

нет?

Мой веселый тон Данилу Евгеньевича не успокоил. Да и вряд ли мог. Одно — девичьи разборки. Другое — навлечь на себя княжий гнев.

И хотя у целителя Соколова имелся иммунитет — никто в здравом уме не станет создавать проблемы специалисту такого уровня, но в жизни случалось всякое. По своим знала, у мужчин бывает, когда упрутся, как рогом в землю, и не сдвинешь. А пройдет время, и сами не поймут, с чего на принцип пошли.

Нас проверили еще дважды. Первый — при въезде в поместье, второй — когда пересекали внутренний периметр.

Странно, но, когда мы с Юлей посещали Воронцовых несколько дней назад, такого количества охраны я не заметила. То ли не туда смотрела, волнуясь перед встречей с родственниками, то ли... То ли это было усиление, связанное с расследованием, которое затеял князь.

На крыльце нас встретил управляющий. Принял верхнюю одежду — с утра было хоть и ясно, но прохладно, так что я накинула плащ. Показал, где можно помыть руки, и провел на второй этаж.

Вопреки мрачным ожиданиям, помещение, в которое мы попали, оказалось спальней княгини, а не кабинетом князя.

Комната была большой, в три окна. То, что ближе к стоявшей у дальней стены кровати, закрыто. Два других — слегка прикрыты, что смягчило освещение, но не создало сумрака.

Княгиня лежала в постели. И без всякой диагностики было понятно, что нездорова.

— Данила Евгеньевич! — Князь появился буквально за нами. Мы даже толком осмотреться не успели.

Вошел стремительно. Окинул нас быстрым, тяжелым взглядом. На мой поклон лишь небрежно кивнул, но, когда заговорил, сдерживался, явно не желая нарушить покой супруги:

— Как же я рад, что вы согласились посмотреть Надежду Николаевну! С утра она еще поднималась, даже спустилась к завтраку, а сейчас и вставать не хочет. Говорит, слаба, да в груди давит.

— Что же вы не позвонили, ваше сиятельство, — поставив саквояж на приготовленный для этого стул, мягко посетовал Данила Евгеньевич. — В такой ситуации не до договоренностей. Не получилось бы хуже.

— Да я понимаю... — сразу поник князь. — Но Наденька... — Он качнул головой. — И прошу вас, Данила Евгеньевич, по имени-отчеству. Сейчас не до этикета, да и не при дворе.

— Как скажете, Иван Порфирьевич, — согласно кивнул профессор. — Саша...

Заканчивать он не стал, да и не стоило. Обо всем договорились заранее.

Подойдя ближе к кровати, встретила с княгиней взглядом. Поклонилась.

Она слабо улыбнулась, попыталась подняться на подушках, но поморщилась и обмякла.

Лицо, шея, зона декольте, открытая моему взгляду... Кожные покровы бледные, влажные. Дыхание частое...

Я оглянулась на Данилу Евгеньевича. Тот кивнул — действуй.

Я по блокам развернула диагностическую магему. Отклик пришел практически сразу. Острое нарушение коронарного кровообращения.

Проверила дальше — по остальным системам тоже были проблемы, но — вторичные, вызванные сбоем в работе сердечно-сосудистой.

Вернувшись, углубилась, контролируя состояние тканей. Отмирание клеток отсутствовало, что было хорошо, но...

— Полиция привезла на опознание найденные на пожарище вещи.

Я, продолжая удерживать магему, вновь обернулась.

Данила Евгеньевич с князем стояли шагах в четырех от меня. Говорили тихо, но, когда держишь подобную концентрацию, усиливаются все чувства. Слух — не исключение.

— А среди них оберег, который Наденька подарила сыну, когда провожали его на войну. До этого мы еще верили, а теперь...

— Данила Евгеньевич, — я «очистила» руки, — у нас острый коронарный синдром. Нужна либо госпитализация, либо бригада.

Я, конечно, любила отца. Мне было известно, какая кошка пробежала между главой рода Воронцовых и его младшим сыном, но сейчас, глядя на свою бабушку, я уже не была уверена в том, что отец, «отправив» себя к предкам, поступил правильно.

Для урока то, что я видела, выглядело жестоко.

ГЛАВА 12

Перехватили нас уже на выходе.

— Данила Евгеньевич, разрешите поговорить с Александрой.

Профессор посмотрел на догнавшего нас младшего Трубецкого, потом на меня.

— Данила Евгеньевич, — не дождавшись его ответа, продолжил мой тезка, — я хочу извиниться. И за предвзятость, и за хамство, которое позволил себе.

В доме Воронцовых мы провели почти два часа. Сначала, поддерживая состояние княгини, дожидались госпитальной бригады, в составе которой были два целителя, врач соответствующей специализации и медицинская сестра. Затем, с разрешения старшего из целителей бригады, я наблюдала, как разворачивается мобильная палата.

На мой взгляд, лучше было бы отвезти княгиню в лекарский дом или госпиталь, где исключены любые сюрпризы, но решение здесь принимали другие. Ну а рекомендации...

Беспокойство князя улеглось, как только стало ясно, что ситуация вполне контролируема.

Затем перебрались к Трубецким. Вот где, несмотря на сохранившуюся настороженность по отношению к главе рода, я едва ли не отдыхала душой.

Тамара Львовна была мила, искренне радовалась моему приходу и тщательно исполняла все, что мы с профессором от нее требовали. И ведь пока ни о каких результатах речь не шла. Да и надежда, что сможем справиться с ее проблемой, выглядела зыбко.

Да, опыт такой имелся, но не у нас. Мы же пока даже не двигались в каком-либо направлении, просто нащупывали его.

Но Тамара Львовна, понимая это, все равно радовалась как ребенок. И строила планы. И о том, как отправится в путешествие в горы, и как будет танцевать на балу, и как займется наконец садом, который в последнее время совсем запустила.

Ее энтузиазм, ее вера в нас были настолько заразительны, что в какой-то момент я поймала себя на том, что больше не сомневаюсь.

Вот ни на одну секундочку не сомневаюсь, что все так и будет.

Уходить было жаль, но профессор обещал Людмиле Викторовне вернуться к ужину.

По большому счету можно бы и задержаться — причину найти несложно, но кухарка собиралась побаловать нас пловом. Весомый аргумент, чтобы поспешить.

— Ну если извиниться, — наконец принял решение профессор. — Саша, я буду ждать на улице.

— Хорошо, Данила Евгеньевич, — как послушная практикантка, откликнулась я. И даже улыбнулась, но уже его спине. — Что-то случилось? — встревоженно уточнила, когда слуга закрыл за профессором дверь.

— А что должно было случиться? — подошел ближе этот кошмар.

— Ну ты и!.. — возмущенно вскипела я. — Я себе уже чего только не придумала.

— Например? — с улыбкой змия-искусителя протянул он.

Подумав, что во врагах он мне нравился больше, хмыкнула:

— Ты извиняться будешь?

— За что? — удивленно приподнял он бровь.

— Понятно! — тяжело вздохнула я. — Неисправим.

— Зато постоянен, — осклабился он.

Хорошо, что успел стать серьезным, а то я уже собиралась сказать что-нибудь этакое... о чем сама вскорости и пожалею.

— Саша, сегодня в клуб не идем.

— Почему? — насторожилась я.

Если скажет, что тех тварей уже поймали, я только обрадуюсь. Сама мысль, что придется встретиться с ними, улыбаться им, слушать лживые слова...

Ради спокойствия Яны и ее родителей я готова на это пойти. Но предпочла бы избежать подобного «развлечения».

К сожалению, тезка меня не порадовал.

— Мне удалось узнать, что девушки пропадали только в среду, пятницу и субботу. Поэтому... — Он развел руками. — К тому же полиция готовит сегодня облавы. Где — неизвестно, но лучше даже случайно не попасться им на глаза.

Облегчение я все-таки испытала. До настоящей целительницы мне еще далеко. Два пациента, из которых в полную силу я работала

только с одним, а уже так устала, что мечтала только поесть и доползти до постели.

— Тогда до среды, — улыбнулась я, собираясь откланяться.

— Подожди, — схватил он меня за руку. — Тебе Игорь разве не звонил?

— Мне? — переспросила я, многозначительно посмотрев на его пальцы, державшие мое запястье. Когда он нехотя разжал их, достала из сумочки телефон.

Два пропущенных от Игоря. Один от Юли. И сообщение от них же: «Позвони, когда освободишься».

На беззвучный режим я переключила телефон, когда подъезжали к Воронцовым. Потом так и не включила.

— Антон приглашает всех завтра в кафе, — понял тезка суть проблемы.

— Во сколько?

Понедельник, среда, пятница, с десяти до двенадцати — стрелковый клуб. Пока вернусь домой, как раз будет час.

С Тамарой Львовной в следующий раз встречаемся во вторник, в шесть. Дальше будем планировать уже по результатам.

В среду начнет сдавать вступительные экзамены второй поток. Даниле Евгеньевичу потребуется помощь на кафедре. А через полторы недели — первое сентября.

В Москве я находилась всего лишь десять дней, а столько событий...

Знакомств тоже было много. Даже слишком.

— У тебя планы? — поинтересовался Трубецкой. Да еще и посмотрел так, словно я успела разочаровать его до глубины души.

— Планы, — многозначительно протянула я, давая понять, что кроме ловли маньяков есть еще и другая жизнь. — Освобожусь к часу.

— А... — довольно хмыкнул этот тип. — Стрелковый клуб.

— А ты откуда знаешь? — растерявшись, не стала я отнекиваться.

И вновь тезка стал серьезным.

— Саш, со мной Андрей Аркадьевич разговаривал. И ты... — Он помялся-помялся, но продолжил: — Ты извини меня. Глупо себя вел. Некрасиво.

— И когда называл идиоткой? — напомнила я о прошлом вечере.

— А вот тут я был прав! — гордо выпятив грудь, заявил Трубецкой. — Ну это же надо было...

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы не открывший дверь Данила Евгеньевич.

— Саша? — заглянул он внутрь.

— Бегу, — уже на ходу откликнулась я.

Главное, вовремя исчезнуть, а то...

Этот парень умел включать обаяние. И устоять перед этим обаянием оказалось сложно.

Юля все-таки успокоилась. И даже согласилась, что лишняя известность скромной целительнице совершенно ни к чему. И даже пообещала, что не будет срывать на Тохе. И на Игоре тоже. Так что ужин прошел мирно. Без легких пикировок, конечно, не обошлось, но выглядели они по-доброму, посемейному.

Потом, посидев немного со всеми в гостиной, я ушла к себе. А еще через некоторое время — я только и успела, что принять душ и одеться в домашнее, — пришла Юля. Уже традиционно с молоком и булочками.

Включив телевизор — звук убавили до минимума, устроились на диване. Стаканы и кувшин с молоком на стуле рядом. Блюдо с булочками между нами.

День выдался но-осеннему прохладным, но в комнате было тепло — работали поддерживавшие температуру воздуха магемы. Не самая дешевая штука, но жизнь облегчала. Да и в использовании была проста и надежна, собирая излишки тепла летом и отдавая их весной и осенью.

А вот для зимы не годилась — не хватало запаса, но в комплексе с обычным отоплением помогала серьезно экономить на топливе.

Откуда я это знаю? От отца. Кроме целительства он учил меня и ведению хозяйства.

И хотя мне это не нравилось — как говорил Андрей, уродилась пацанкой, — спорить я даже не пыталась. Надо, значит, надо!

Болтали мы с Юлей обо всем и ни о чем. Вспоминали последние дни, пересказывали с одного на другое.

О нашем походе в ночной клуб она уже знала — постарался Тоха, так что пришлось рассказывать и об этом. Ну и о разговоре с младшим

Трубецким тоже.

И если на деле это было немного страшно и обидно, то сейчас, в пересказе, все выглядело очень даже весело. Оборвала я повествование на том самом месте, где тезка перешел от обвинений к конструктивному общению.

— Подожди... — Я сделала звук телевизора громче.

Попала, похоже, на конец репортажа:

— Ждут ли нас новые клановые войны или все разрешится миром? Ответить на этот вопрос трудно, но ясно одно: Багратионы столь явное нарушение закона без последствий не оставят. Глава рода дал слово. А оно — дорогого стоит.

— Что это? — дождавшись, когда пойдет заставка, с явным интересом спросила Юля.

Я, выключив телевизор, пожала плечом:

— Показалось.

Хотелось бы мне, чтобы все было так просто...

Молодая женщина лишь мелькнула на экране, но хватило и этого. Алия... Давняя любовь Реваза, отданная родителями за другого.

Я была совсем соплячкой, когда он вернулся в поместье буквально почерневший. Ел, пил, тренировался, но делал это машинально, словно бессмысленно повторяя давно заученное.

Чуть отходил только со мной. Да и то... Ему требовалось выговориться, я подходила значительно лучше, чем другие. Малявка. Многого еще до конца не понимала, но умела слушать и молчать.

— А я-то уж подумала, понравился старик, — многозначительно хмыкнула Юля.

— Старик как старик, — небрежно заметила я, хватаясь за полупустой стакан.

Старик на самом деле был весьма непрост. Князь Давид Багратион. Глава рода. Отец как-то рассказывал о грузинских князьях, так отзывался о нем только в превосходных степенях. Такая похвала из его уст была большой редкостью.

— Саш... — Юля вдруг изменилась. Посмурнела, нахохлилась. — А как ты думаешь, Сергей будет хорошим мужем?

Я не сразу нашла что ответить — переход оказался резким, да и не пришлось. Дохнуло тревогой, словно ветер принес запах гари. В носу засвербело, под ложечкой засосало...

— Саша? — проследив, как встаю и подхожу к окну, позвала меня Юля.

— Сейчас, — отмахнулась я, прислушиваясь к тому, что происходило за окном.

Штора плотно закрыта, но так даже лучше. Зрение сейчас только мешало.

Ветер к вечеру усилился. Усыпанные ягодами ветви черемухи до стекла не дотягивались, но под порывами шумели, раскачиваясь.

Дальше еще несколько деревьев... их силуэты я «видела» теми чувствами, которые отличали живое от неживого. Затем кованая ограда, дорога. Она как раз делала поворот, огибая профессорский дом и следуя вдоль его тыльной стороны. За ней похожий на этот особняк...

Для меня это было далеко я скорее рисовала картинку воображением, чем действительно что-то ощущала, но пыталась, потому как тревога не отпускала, подбираясь уже к горлу.

— Юля, зови Сергея! — все-таки не выдержала я.

Что-то должно было произойти. И это «что-то» меня пугало.

Она вскочила, бросилась к двери в дом...

Юля только и успела, что ее открыть.

Крик Янки, раздавшийся со второго этажа, был жутким.

Так кричат, когда очень страшно...

* * *

— Уснула...

Данила Евгеньевич тяжело сел на стоявший рядом со столом стул. Положил руки на колени.

Арбалетный болт разбил стекло, пролетел в паре сантиметров от головы Яны и застрял в двери, которая вела в гардеробную.

Наряд стрелкового клуба — я даже не знала, что они тут, поблизости, — никого не задержал, хотя место, откуда стреляли, определили быстро. Чердак дома, стоявшего через дорогу.

Жившая в нем семья не имела к произошедшему никакого отношения.

Потом приехала полиция, следователь, который вел дело о похищении. Осмотр, опрос... Яна билась в истерике, кричала, что они ее нашли, что теперь точно убьют...

К арбалетному болту оказалась прикреплена записка. Всего три слова: «Ты теперь наша».

До полного бедлама не хватало только кого-нибудь высокопоставленного.

Когда подумала об этом, я не знала, что князь Трубецкой уже в пути и появится через десять минут.

— Юля, Саша, вы бы тоже шли отдыхать, — подняв голову, посмотрел на нас профессор. — Время позднее.

Четвертый час ночи. Впору говорить о раннем времени, а не о позднем.

— Данила, детей надо увозить. Всех, — жестко произнес стоявший у камина Трубецкой.

Кирилл с Яной под охраной Сергея спали в Юлиной комнате. Мы сидели в гостиной. Не флигеля — дома.

— Я никуда не поеду, — вскочила с дивана Юля. — Мы с Сашей...

— Вы с Сашей соберете вещи свои, Кирилла и Яны и утром же отправитесь в мое поместье, — перебил ее Трубецкой. — Пока полиция не разберется...

— Нельзя нам уезжать из дома, — посмотрела я на князя. Надеюсь, что получилось достаточно убедительно.

— Это еще почему? — дернул он кадыком.

Надо признать, это выглядело жутко. Трубецкой, конечно, сдерживался, но чувствовалось, как клокочет внутри, ища выхода, ярость.

— Вряд ли они не понимают, что до Яны не добраться. Но пока глумятся, доказывая и нам и себе, что на все способны, искать другую жертву не станут. Для полиции это дополнительное время. А уедем мы, и все, слетят с катушек.

Юля торжествующе посмотрела на князя, Людмила Викторовна напряглась, а Данила Евгеньевич опять поник, словно вся тяжесть этого решения свалилась на его плечи.

И только Трубецкой...

Да, князь выглядел мощно. Я бы даже сказала — непотопляемо.

— Какие умные дети нынче пошли, — когда не удалось продавить меня взглядом, едва ли не с восторгом произнес он. — Все-то они знают, обо всем имеют свое мнение. И откуда только что берется? А, Данила? Не скажешь, откуда у нашей молодежи такие таланты? Вроде обычные дети, а тут...

— Рядом с вами обычным и останешься... — глядя исподлобья, буркнула Юля.

Я бы на ее месте... Судя по тому, как наливались кровью глаза князя, мне тоже стоило промолчать. Мысль была мудрой, однако запоздалой. С губ уже сорвалось:

— Я к вам не поеду. Если будете настаивать, съеду в гостиницу.

— Что ты сделаешь?! — подался вперед князь.

— Тофа, не надо, — остановил его Данила Евгеньевич. — Твой грозный вид ее не пугает.

Князь, что меня порадовало, медленно выдохнул, едва ли не сразу обретя нормальный цвет лица. А то впору было опасаться инсульта.

— Я заметил, — уже спокойно произнес он. — Но кое в чем Александра права. Этот демарш больше похож на жест отчаяния. Близок локоток, да не укусишь.

— Я этого не говорила, — попыталась я восстановить справедливость.

— Но имела в виду, — хмыкнул он. — Хорошо, Кирилл и Яна перебираются к нам. Охрану мы увеличим...

— Не имеет смысла, — поднялась с кресла Людмила Викторовна. Подошла к профессору. Встав за спиной, обняла его за шею. — Они сюда больше не вернуться.

Как ни странно, ни Данила Евгеньевич, ни Трубецкой даже не сделали попытки возразить. Лишь переглянулись.

— Почему? — Я не стала гадать, что же послужило причиной столь категоричного мнения. Сама думала так же. Но это были лишь ощущения, а вот логика...

— Потому что мне приходилось работать с таким контингентом. Саша права, пока не дошли до острой стадии, продолжают глумиться. А вот когда захлестнет потребность, либо ринутся напролом, и тогда охраны вполне хватит, либо начнут быстро искать другую жертву. И я бы предположила скорее второй вариант, чем первый.

— Но Яну с Кириллом увезти надо. — Профессор щекой прижался к руке Людмилы Викторовны. — Яне будет спокойнее, ну а Кирилл...

— ...не окажется случайно не в то время не в том месте, — задумчиво закончил за него Трубецкой. — Значит, на этом и останавливаемся. А теперь всем отдыхать. Данила, ты же проводишь меня?

Комната Яны пострадала — она не справилась с сорвавшимся даром, едва все не спалив. Юля напросилась спать ко мне, и я не отказала. Кровать большая, места хватит. А поскромничает, так есть диван в гостиной. Тоже, кстати, удобный.

Мы уже собрались уходить, когда меня остановила Людмила Викторовна:

— Саша...

— Я пока схожу за молоком, — сонно жмурясь, протянула Юля, оставляя нас вдвоем.

— Да, Людмила Викторовна, — подошла я к своей будущей наставнице.

Этот вопрос был уже решен, что меня радовало. Людмила Викторовна хоть и слегка терялась на фоне своего знаменитого супруга, но в том, что касалось целительских навыков, ему мало уступала.

— Саша, я хотела поговорить с тобой утром, но теперь вряд ли получится.

С этим она не ошиблась. Жаль тех, у кого такой возможности не было, но лично я решила ни в какой стрелковый клуб не ездить, а спать до тех пор, пока не выплыву.

С точки зрения здоровья и дальнейшей работы отдых мне был необходим значительно больше, чем стрелковая тренировка.

— Я слушаю вас, Людмила Викторовна.

— Ты говорила, что в каникулы работала санитаркой, а потом и медицинской сестрой. Это так?

— Да, так, — подтвердила я. — С тринадцати лет санитаркой. А прошлым летом уже помогала медицинским сестрам и присутствовала на обходах.

— А подтверждающие документы у тебя есть?

Документы у меня были. Фамилия в них стояла другая.

— Нет, — качнула головой я. — А это важно?

— Смотря для чего, — успокаивающе улыбнулась Людмила Викторовна. — В первом семестре студенты посещают практические занятия, где получают навыки ухода за больными и обучаются простым медицинским манипуляциям. И раз ты все умеешь...

— ...но не могу этого подтвердить, — беспечно пожала плечами я, — то придется побыть как все.

— Не придется, — хмыкнула она. — Я предполагала подобный вариант и договорилась с больницей, где студенты как раз и проходят практику. Вторник, среда, четверг, с восьми до пятнадцати. Сразу получишь зачет.

Звучало соблазнительно. Три дня поднапрячься, но зато потом получить дополнительное свободное время, которое смогу использовать для работы с Данилой Евгеньевичем.

И все было просто здорово, но стрелковый клуб оставался только в пятницу. Да и с ночными планами все становилось проблематичнее. Пойти пойду, но вставать рано...

Впрочем, три дня дополнительной стимуляции мне не повредят. Организм молодой, справится.

— Конечно, я согласна! — не стала я затягивать с ответом. — А какая больница?

Несмотря на последние события, смех Людмилы Викторовны был искренним, ненапряженным.

— Все узнаешь. А теперь — спать. И будьте пайнками. Одни — никуда.

— А с ребятами? — воспользовалась я возможностью испросить индульгенцию.

— С какими ребятами? — настороженно уточнила Людмила Викторовна.

Успокоилась она мгновенно. Имена четверых одноклассников Юли, среди которых был и Александр Трубецкой, не вызвали у нее ни малейших вопросов.

А зря! В этой компании мы с Юлей оказались едва ли не самыми безобидными.

Начальник полиции Центрального округа Москвы полковник Вышнинецкий пребывал в ярости.

Со стороны посмотришь и не скажешь, но Трубецкому уже доводилось видеть вот это... мнимое спокойствие. Более того, когда это произошло впервые, причиной подобного бешенства тоже стал он. Не сам по себе, а как факт присутствия на совещании человека, которого с натяжкой можно было бы назвать вышестоящим начальством, но который имел полное право не только выражать свое мнение и делать соответствующие выводы, но и закончить карьеру любого, кого посчитает виновным в сложившейся ситуации.

Не самый приятный расклад. А если еще принять во внимание обстоятельства, полковника оставалось лишь пожалеть. В таких случаях говорили: попал между молотом и наковальней. Вроде и делаешь все, что от тебя зависит, но о результате, который устроил бы всех, только и оставалось мечтать.

— Ну что, господа?! Услышу я сегодня хоть что-нибудь вразумительное или придется довольствоваться уже набившим оскомину «мы работаем»? — все так же даже не спокойно, а едва ли не умиротворенно уточнил Вышнинецкий, сидя в своем огромном, под стать телосложению, кресле.

Стоило признать, что Трубецкой тоже был бы рад услышать что-либо вразумительное, но не обольщался. Да, с этим делом хотелось разобраться как можно скорее. Но...

Наркотики с примесью магии стихий отличались от чисто химических соединений одной неприятной особенностью. Воздействием на организм. Если в одном случае шла как физическая, так и психологическая деградация, то во втором физическое тело практически не претерпевало изменений. Скорее даже становилось, пусть и на короткое время, более сильным, быстрым и выносливым. А вот психика... Не будь у привыкания к ним таких трагических последствий, сам бы рекомендовал аналитикам и специалистам по стратегическому планированию.

Острота ума под их воздействием повышалась значительно. Как и способность обрабатывать большие объемы информации, оценивая ее сразу по множеству параметров.

И все это на фоне серьезного морального разложения, которое до определенного момента прекрасно камуфлировалось привычным

образом, не давая ни малейшего намека на то, кто именно прячется под маской продолжавшего выглядеть вполне нормально человека.

Страшная штука. Когда в один отнюдь не прекрасный момент личность окончательно распадалась, общество получало зверя. Дикого, неконтролируемого, желавшего только одного — дать выход жажде уничтожения, которая оставалась единственным смыслом для дальнейшего существования.

Процесс продолжался от полугода до года. Потом — смерть, но сколько такие люди-нелюди успевали натворить до того, как отправиться в мир иной!

А скольких забирали с собой?!

Если судить по статистике, то все выглядело не так страшно. А вот если рассматривать каждый конкретный случай... Изучая фотографии с мест преступления, бледнели даже бывалые.

Наркотиками с примесью магии занималось отдельное подразделение.

Вот только такие дела, как это, попадали к ним обычно поздно. Когда уже доходило до жертв.

— Вы позволите?

Трубецкой оглянулся.

Привлечь к расследованию Варланова он решил в последний момент. Как и Андрея, который сидел сейчас в углу, скрыв физиономию под балаклавой.

— Попробуйте, Степан Андреевич, — добродушно разрешил Вышнивецкий. — Может, вам удастся утереть нос этим дармоедам.

Дармоедов было шестеро: два следователя, эксперт и трое оперативников.

Про предоставленные им ресурсы говорить не стоило — все по первому требованию.

Жаль, спохватились далеко не сразу. О том, что серия, сообразили после третьего убийства. Четвертое произошло, пока раскачивались. С пятым повезло...

Если не облажаются, то его и не случится.

— Они из окружения Соколовых.

— Что? — приподнялся в кресле полковник. Кожа, освобождаясь от тяжести, скрипнула.

— Они из окружения Соколовых, — так же уверенно повторил Варланов. — Узнать адрес могли из паспорта Яны. Но не в какой именно комнате проживает девушка. Наблюдение там не поможет, да и не было наблюдателей, что подтверждает скрытая охрана.

Трубецкой переглянулся с Андреем. И ведь мелькнула ночью мысль! Мелькнула и исчезла, отступив перед другими заботами. А потом и забылась.

А Варланов... Вот что значит свежий, незамыленный взгляд.

— Надо проверять студентов профессора и его супруги. Особенно тех, кто бывал в доме или общался с проживавшими во флигеле. Одноклассники и однокурсники детей. Насколько мне известно, Соколовы гостеприимны. Нужны списки всех, кого приглашали за последние, например...

— Четыре года, — произнес Трубецкой, воспользовавшись некоторым затруднением Варланова. — Четыре года назад дом перестраивался. На месте этой комнаты раньше была детская игровая.

— Вот мы и определились по сроку. Отработать, конечно, придется многих...

— Можем не успеть, — заставив Трубецкого вздрогнуть от такой возможности, подал голос эксперт.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурившись, вернулся полковник в кресло.

— До этого момента у нас не имелось ни единой зацепки, позволявшей более четко очертить круг поиска. Все их действия были тщательно спланированными. Появление у дома Соколовых в таком ракурсе можно считать ошибкой. Это — признак стадии, на которой происходит распад личности. Как долго он продлится...

— А если это часть стратегии? — задумчиво произнес один из следователей.

Эксперт качнул головой:

— Между первой и второй жертвой прошло почти четыре месяца. Между второй и третьей — два. Между третьей и четвертой — один. На дочь Соколовых они напали через две недели. И теперь эта ошибка... Мы уже говорили, что идет деградация. Осторожность и рассудительность отходят на второй план. Главное теперь — потребность. И чем все это закончится...

— Начнем с самого близкого круга общения. Возраст от шестнадцати до двадцати двух. По остальным...

— Что скажешь?

На этот раз ехали в машине Трубецкого. И, судя по тому, что видел Трофим Иванович, Андрей чувствовал себя в ней... не сказать, что неуютно, но явно некомфортно.

— Вы про Варланова или его идею? — Словно опровергая только что сложившееся впечатление, Андрей чуть шевельнулся, тут же создав новый образ. Этакого сибарита, слегка подуставшего от роскоши.

— И о том и о другом, — не подав виду, что заметил метаморфозу, отозвался Трубецкой.

Перегородка между ними и водителем закрыта, что давало возможность разговаривать откровенно.

— Дайте ему полномочия провести допрос Афанасия Егоровича.

— Зачем? — искренне удивился Трубецкой. И теме, с которой Андрей начал, и прозвучавшему предложению.

Взаимоотношения в роду между главной линией, которую представлял Виталий Варланов, отец мальчика, и той, к которой относился Степан, были сложными. Об истоках этой истории Трубецкой имел смутное представление — не его сфера интересов, но то, что «дипломаты» к «сыщикам» относились весьма неуважительно, знал. И догадывался, что зачинщиком, если и не вражды, но того, что можно было бы назвать полным игнорированием, являлся тот самый Афанасий Егорович.

— Для усиления позиции. Вы ведь собираетесь забрать его под свое крыло?

— Есть такая мысль, — не стал возражать Трубецкой.

— Ну так и заявите об этом. Не во всеуслышание, конечно, но чтобы намек был понятен. И Афанасий Егорович послужит для этого хорошим примером. Да и старика давно пора встряхнуть. А то гонору...

Трубецкой расхохотался не сразу. Сначала поймал себя на мысли, что Андрею в этом образе не хватало сигары. Затем почему-то вспомнил их первую встречу — тогда тоже шла речь о похищении

ребенка. Потом еще одну, в которой крови было более чем достаточно...

— Про гонор ты точно, — отсмеявшись, заметил он. — Зазвездился старший Варланов. — И сыночка так же воспитал. Что старшего, что младшего. Нет чтобы сразу с проблемой прийти, все сами да сами! А нам теперь...

— Трофим Иванович...

— Извини. — Трубецкой и сам почувствовал, что стал заводиться. — Бесит, когда сначала надуваются, как индюки, а когда прихватят за одно место, визжат, как свиньи. Да еще и требовать начинают... Ладно, с самим Варлановым понятно — сделаю, а что с его идеей?

— С его идеей... — тут же подобрался Андрей. — Надо срочно искать пересечения между жертвами. Трясти все окружение. И в первую очередь студенческое.

— Аргументируй! — потребовал Трубецкой.

Их мысли двигались в одном направлении, но признаться честно, Трубецкой боялся ошибиться. Едва ли не впервые в своей жизни.

— О том, что использовался препарат, который «стирает» память, мы узнали только благодаря оставшейся в живых Яне. У остальных предполагали наличие снотворного или транквилизатора, но следов их не находили, потому как соединение полностью распалось.

— И что из этого следует? — Трубецкой чуть развернулся, чтобы лучше видеть лицо собеседника.

— Я бы сделал два вывода. Первый: изначально они не собирались убивать. Издеваться — да, но смерть не входила в планы. Иначе к чему эти игры с памятью? Второй: они не выбирали случайно. Знали свою жертву, как и жертва знала их. Отсюда — простой контакт и доверительность отношений.

— Что подтверждается историей с Яной, девочкой хоть и дружелюбной, но достаточно осторожной, — кивнул Трубецкой.

— Тогда идем дальше. — Андрей бросил короткий взгляд в окно. Направлялись они в стрелковый клуб, куда чуть позже должен был приехать и Варланов. Тот, который следак. — Ни один из дежуривших нарядов посторонних у дома Соколовых не зафиксировал. Аналитики прогнали записи — чисто. Но место для стрельбы выбрано идеально. Единственная точка, с которой просматривается комната Яны.

— Выбирали не визуально, а по памяти?

— Что тоже вписывается в нашу версию. Обе или как минимум одна — из близкого окружения Соколовых. Далее — контакт с остальными жертвами. Плюс стрельба из арбалета. Плюс специфичный препарат и магические наручники... Объем работы большой, но маркеры достаточно четкие. Если группа не отработает за пять-семь дней...

— ...то есть вероятность, что это сделают наши детишки, — нахмурился Трубецкой. — Посадил бы я их под замок...

— ...из-под которого они найдут способ сбежать, — вновь перехватил инициативу Андрей. — Ваше превосходительство, давайте каждый займется своим делом. Вы займетесь полицией, я — ребяташками.

С таким взглядом на ситуацию Трубецкой был согласен. Правда, ребенком своего Сашку он не считал, что не мешало тому оставаться для него ребенком.

* * *

Ветер в Ставрополе был всегда. В этот раз — сухой и жаркий. Из Персии.

Машину они оставили на платной стоянке аэропорта, заплатив за две недели. Даже если найдут, то не сразу. Да и без результата. Отпечатки в ней, конечно, имелись, но чужие. Как и отгиск ауры.

А уж как это они сделали... Потому и работали в тандеме, что один умел одно, а второй — другое.

Сами, в три этапа сменив внешность и одежду и забрав оставленный для них багаж, на такси отправились в пансионат, где формировался конвой для сопровождения груза. Шел он из Москвы. Подарок императора Владимира Мохаммаду Хасан-шаху, правителю Персии, на двадцатипятилетие восхождения на престол.

Трубецкой предлагал влиться в команду еще в столице, но едва ли не в последний момент пришлось все переиграть. Несмотря на дипломатическую составляющую груза, персы отказались открыть визу тем, кто прямо или косвенно участвовал в последнем конфликте.

Вот под эту замену Реваз и Игнат и вписались. С чистой биографией, если верить которой, оба восемнадцать лет назад служили на Дальнем Востоке, что полностью исключало к ним какие-либо вопросы принимающей стороны.

И ведь сработало. В Ставрополь, где происходила замена одних на других, их пригласили без малейшего участия Трубецкого, что можно было считать серьезной удачей. Засветись он в их истории даже намеком, на всем остальном тут же можно было бы ставить крест.

Пансионат оказался закрытым. Что, впрочем, и неудивительно. Груз серьезный. Это до Ставрополя военным бортом, дальше — колесами.

Таксист остановил машину метрах в двадцати от блокпоста, рядом с предупреждающим знаком. Игнат с Ревазом забрали вещи, расплатились.

Из прохлады салона да под обжигающее южное солнце...

Больше нервировал несший песок ветер. Вот от чего не помогали никакие магемы, кроме тех, что спасут и от снаряда.

А ведь когда-то даже не замечали. То ли были моложе, то ли подобные мелочи пасовали перед стоявшими тогда перед ними задачами.

А задача тогда была...

Границы империи трепали постоянно. Чаще исподтишка — пакостили и уходили, старательно заматывая следы. Но бывало и по-серьезному. Не просто с территориальными притязаниями, но и с попытками подвести под это юридическую базу.

Особенно старались персы, османы и китайцы с японцами. Не всегда сами по себе — находились и те, кто умело играл на чувстве национальной гордости, но всегда под флагом великой идеи, как наркотик действовавшей на фанатиков.

Эти мысли шли фоном. Помогали не перестроиться — вернуться, до конца ощутив, что царивший вокруг мир был лишь иллюзией.

— Ну что, барин, развлечемся? — довольно фыркнул Реваз. Огляделся.

— Главное, чтобы с нами не развлеклись, — уже входя в образ, буркнул Игнат. Тоже окинул все вокруг цепким взглядом.

Хорошая дорога, по которой съехали с трассы, тянулась до самого забора и, скорее всего, уходила и дальше. Здание пансионата — за

стеной деревьев только и видно, что пара верхних этажей.

Магический купол.

— Пошли уж, любитель развлечений, — добавил Игнат тем же тоном, направляясь к одиноко торчавшему справа от дороги блокпосту.

Остановили их недалеко от шлагбаума. Первым выставился старший наряда. По возрасту — чуть за тридцать. Старший лейтенант? Капитан?

Игнат бы поставил на первое. Для второго не хватало раскованности, намекавшей, что в карьере все идет как надо.

Но взгляд у старшего был специфичный. Вроде и рассеянный, но просвечивал как рентген.

Еще двое — бойцы, натасканные. Встали правильно, четко контролируя свои сектора.

— Документы, — потребовал старший.

Реваз опередил Игната, достал паспорт и предписание, которые они получили в рязанском Совете ветеранов военных действий. Подал.

И ведь практически не изменился — лишь чуть подправили овал лица, но родная мама вряд ли опознала бы сына в этом бритом отморожке с косым шрамом на левой щеке.

— Рустам Абашидзе? — Старший наряда сверил физиономию в паспорте с представленной к осмотру.

— Так точно! — не вытянулся, но подтянулся Реваз. — Капитан в отставке.

— Оружие, наркотики, спиртное? — кивнул старший на лежавшую на траве сумку.

— Никак нет! — чуть дернув губой — мол, нашел о чем и у кого спрашивать, отчеканил Реваз.

— Ну раз нет... — вернул паспорт старший. — Ваши документы? — развернулся он к Игнату.

Игнат затягивать не стал, подал паспорт:

— Иван Волков. Капитан в отставке.

До Ставрополя он был голубоглазым блондином. В Ставрополе сменил окрас, став темно-русым с щедрой сединой. Форму лица тоже подшаманили с помощью биологических накладок. Не кардинально — его телосложение ограничивало возможности, но достаточно, чтобы этот Иван Волков и тот Игнат Воронцов стали разными людьми даже для тех, кто был близко с ними знаком.

Сбои, конечно, были не исключены, что, скорее всего, и случилось при встрече с Ираклием. Целительский дар позволял чувствовать тех, с кем приходилось вместе работать.

— Полковой лекарь? — оторвал старший взгляд от документов.

— Так точно, — невыразительно ответил Игнат. — Кстати, у вашего бойца, — он посмотрел на того, который стоял справа от него, — варикоз паховых вен. Если не хотите угробить, отправляйте в госпиталь.

Старший в сторону бойца даже не взглянул, но поблагодарил вполне искренне:

— Спрашивать, уверены или нет, не буду. И — спасибо, что не прошли мимо.

Игнат не отреагировал — некоторая нелюдимость настоящему Ивану Волкову действительно была присуща, подхватил сумку, закинул на плечо.

До ворот, где был устроен еще один контрольно-пропускной пункт, телепать пришлось метров триста. Не будь вокруг зелени, прогулка вышла бы унылой. А так — вполне терпимо, глазу нашлось за что зацепиться.

Картину портил тот самый ветер. Здесь, за чертой города, песок, который он нес, чувствовался особо.

— Кстати, так и не спросил у тебя, — обходя очередной бетонный блок, которыми щедро украсили дорогу, начал Игнат, — а что Ираклий делает в Ставрополе?

Реваз остановился, задумчиво посмотрел на замершего одновременно с ним Игната:

— Я когда тебе про обстановку в регионе рассказывал, ты меня слушал?

Игнат вздохнул. Хотел кивнуть, но потом качнул головой. Слушать-то он слушал, но думал в тот момент о другом.

О Сашке он думал. О том, как устроилась в Москве. С одной стороны, именно об этом она и мечтала. С другой... Иначе все должно было произойти. Иначе!

— Тогда слушай сейчас. — Реваз вновь направился в сторону пансионата. — Ираклий — единственный сын третьей жены князя Давида Багратиона. Погибла молодой. Было покушение на самого князя, она закрыла его собой.

— Отсюда особое отношение к Ираклию, — хмыкнул Игнат, — что не помешаю князю отправить отпрыска на войну.

— А отпрыск его спрашивал? — напомнил Реваз о категоричности того Ираклия, которого они знали. — Ты же помнишь, если что втемяшилось ему в голову, уже не выбьешь. Одно утешало, чаще всего он был прав, а когда случалось ошибаться, то все равно выворачивал в свою пользу.

Игнату ничего не оставалось, как согласиться.

Целителем Ираклий оказался слабым, но остановить кровь, «очистить» рану, обезболить мог.

А еще он был сильным земляным, что помогало в разведке. Практически невозможно застать врасплох.

— Так, значит, Ставрополь в качестве подарка? — поспешил подытожить Игнат. Они уже подходили, хотелось закончить разговор.

— Часть Ставрополя он получил в качестве приданого за Софико, — поправил его Реваз. — Остальное взял сам. Не сразу, конечно, но теперь никто не оспаривает его право контролировать город.

Формулировка звучала интересно. Контролировать город...

В Центральной России о таком даже мысли не возникало — количество княжеских родов, способных, объединившись, обуздать любого наглеца, остужало подобные желания, здесь же главную роль играла близость персов и османов, усиленно помогавших естественному отбору и делавших сильнейших действительно сильнейшими.

Ну а дальше все просто. Лучше иметь одного хозяина, с которым и выстраивать взаимоотношения, чем нескольких, чаще всего неспособных договориться друг с другом.

Менталитет, мать его...

По мнению Игната, императору уже давно было пора заняться этим регионом, но кто он такой, чтобы давать подобные советы?!

— Будем считать, что нам повезло, — подытожил он. Это касалось и сегодняшних реалий, и случая, который свел их с бывшим сослуживцем.

Реваз, может, и хотел что-то ответить, но они подошли к КПП.

— Ваши документы.

Происходящее отдавало ностальгией, но Игнат предпочел бы находиться сейчас в другом месте и с другими людьми.

Увы, чтобы желание исполнилось, предстояло сначала добыть эти чертовы документы, а затем сделать все, чтобы они оказались в Москве.

Что из этого было сложнее, ни он, ни Реваз не знали.

ГЛАВА 13

Выспаться нам с Юлей не довелось.

Сначала приехал Александр Трубецкой. Потом Антоха с Игорем. Затем, припозднившись буквально минут на пять-семь, Илья Воронцов.

Нам с Юлей даже позавтракать не дали. Но это и к лучшему. Заказанную парнями пиццу доставили быстро, так что голодными не остались.

О том, что произошло ночью в доме, первым узнал мой тезка. Он позвонил Антону и Игорю. Антон — Илье.

Я могла и ошибаться, но там, у озера, особой дружбы между ребятами не заметила. Но прошло несколько дней...

Похоже, в каждом из них дремал дух авантюризма. Появись у него повод проснуться раньше, дружба случилась бы уже давно. Но вышло так, как вышло.

История с Яной не только собрала нас, но и научила, что в одиночку не сделать того, что вполне по силам, когда вместе. И не важно, что звучит это несколько пафосно. Когда искренне, тогда можно.

Устроились в гостиной. На этот раз в той, что во флигеле. Стульев на всех не хватило, но мы решили вопрос кардинально: переставили стол к дивану. Туда же передвинули кресла, так что устроились со всеми удобствами.

Единственное, приходилось отвлекаться, чтобы приготовить свежий чай. Но и от этого нас с Юлей освободили. Все кухонные хлопоты взял на себя Игорь, как оказалось неплохо знакомый с этой нехитрой премудростью.

— Так, я это не хочу. — Юля отодвинула блюдо, на котором лежала пицца с морепродуктами. — А хочу я...

— Разбаловались вы, барышня. — Хохотнув, Антон положил ей на кусок «Монтанары». — Ешьте, что дают!

— Ах, какие мы грозные, — хмыкнула Юля. Потянулась к кусочку...

— А я кое-чего не понял, — остановил ее на полпути Илья. — Вы говорите, стреляли с чердака дома напротив. Но ведь с него не видны окна комнаты Яны.

— Как это не видны? — непонимающе посмотрела я на двоюродного брата. — Они же как раз напротив.

— Как — напротив? — нахмурился он. — Я ведь помню — последняя дверь по коридору. Слева.

— Справа, — поправила его Юля. — Слева — моя.

Илья мотнул головой, прикусил губу, демонстрируя напряженную мыслительную деятельность. Похоже, что-то у него все-таки получилось:

— Так справа была игровая. Мы тогда еще...

— Я поняла! — перебив его, воскликнула Юля. — У нас же был ремонт. Раньше мы с Янкой жили в одной комнате, а после того, как переделали игровую... Подождите! — уставившись на сидевшего напротив нее Трубецкого, неожиданно замерла она. Потом резко вздохнула. — А откуда они узнали, в какой комнате живет Яна?

Вопрос был интересным. Ответ...

Вариантов ответа было немного. Случайность я бы исключила. В доме два этажа. Даже если не принимать во внимание первый, где находились гостиная, столовая, библиотека, кабинет, кухня и помещения для приходящей прислуги, то и на втором комнат хватало. Более того, окна большинства из них были расположены значительно удобнее, чем то, в которое стреляли.

Оставался точный расчет, но это наводило на интересные мысли.

— Либо они бывали здесь, либо знают того, кто бывал, — опередил меня тезка.

Юля отреагировала странно. Бросила кусочек пиццы обратно на тарелку, вскочила с дивана, подошла к окну. Обхватив себя руками за плечи, замерла.

Кивнув Антону на нее, я перевела взгляд на Трубецкого.

Голова у парня работала что надо. Но это и неудивительно. Наследник у такого папочки должен быть соответствующим.

— Не самое приятное предположение, — тяжело вздохнул Илья. Проследил взглядом за Тохой, который направился к Юле. — Если говорить про наших, то последний раз мы собирались здесь всем

классом на Юлькино тринадцатилетие. Потом, насколько помню, праздновали в кафешках и клубе.

— На пятнадцать лет мы с девчонками после кафешки приходили сюда, — не обернувшись, произнесла Юля. Позволила Тохе прижать ее к себе. И даже немного обмякла, словно расслабившись.

Ее вопрос про Сергея я не забыла. Но вот радоваться тому факту, что невозможность своего будущего с Антоном она осознавала полностью, не торопилась. Осознавать — одно, а бороться с чувствами — другое.

— А Янкины одноклассники? — уточнил Игорь. Его пальцы двигались, «собирая» успокаивающую магему.

Заметив, что я наблюдаю за его движениями, грустно улыбнулся. Думаю, он, как и все остальные, рассчитывал на другую встречу. А тут...

Рано или поздно, но детство заканчивалось. Это не значило, что больше не будет беспечности и праздного, но чаще всего такого приятного времяпрепровождения. Это значило, что в жизни появлялись и проблемы, которые предстояло решать самим.

Для меня первой такой проблемой стала поездка в Москву. Не сама по себе, а на фоне связанных с отцом событий.

Для них... История с Яной выглядела очень серьезной, без труда затмив все, что уже случалось в их жизни.

Да и в моей тоже.

— У нее день рождения летом, — вздохнула Юля. — Праздновали всегда на улице. Дальше первого этажа никто не проходил.

— Остаются студенты, — подвел итог Игорь.

— Можешь о них забыть. — Юля вывернулась из объятий Тохи, вернулась на диван. Села, подобрав под себя ноги. — Тех, кто жил во флигеле, исключаем сразу. Они с отцом постоянно общаются, он бы наркотики определил без труда. А других, приходивших в дом, было немного. Да и кабинет, если вы помните, на том же первом этаже. Подниматься никуда не надо.

— Засада... — протянул Антон, оставшийся стоять у окна. — Это что же получается, кто-то из наших девчонок?

— Они могли быть лишь источником информации, — слегка сгладил сказанное Игорь. Вряд ли он верил сам себе.

— Мы сейчас договоримся до того, что начнем подозревать самих себя, — жестко отрезала я, чувствуя, как накаляется обстановка в комнате.

И это несмотря на активированную Игорем магему, которую он продолжал поддерживать.

— А разве...

— Все! — поднимаясь, оборвала я Илью. — Имеем в виду, но не заикливаемся. А то придумаем, а окажется все иначе. Вот поймем и разберемся.

— Или полиция поймает, — поддел меня Илья.

— И пусть поймает! — категорично заявила я, перекладывая оставшиеся кусочки пиццы на одно блюдо. — Я только спасибо скажу, что избавили от этой грязи. А пока не поймали, будем действовать, как договорились.

Особого облегчения на лицах после своих слов я не заметила, но атмосфера стала спокойнее. Как будто вот это «будем действовать, как договорились» вернуло если не оптимизм, то хотя бы понимание, что будет дальше.

Да и мне самой стало легче. Как и обычно. Достаточно решить, чтобы больше ни сомнений, ни душевных терзаний. Лишь цель, к которой надо идти.

— Согласен, — первым отреагировал Трубецкой. — Но без нас вы никуда не ходите. Илья, Тоха, вы отвечаете за Юлю, мы с Игорем — за Сашу.

— Это обязательно? — вытерла я руки салфеткой. — Мне завтра к восьми в больницу. Буду там почти весь день. А у вас, насколько я помню, танцы. Да и последние дни отдыха.

— Танцы у нас с десяти до часу, — мол, ты от нас не отвяжешься, улыбнулся Трубецкой. — И нас лучше слушаться, а то мы становимся злыми и некультурными.

— Про некультурных я уже в курсе, — хмыкнула я. — К тому же лично я спорить не собираюсь. Если считаете, что так нужно...

Судя по тому, как дружно кивнули, — считали.

Впрочем, так было даже лучше. Во-первых, не придется вызывать такси. А во-вторых, спокойнее за Юлю, которая, в отличие от меня, склонна сначала действовать, а потом уже думать.

Номер, в котором их разместили, оказался двухместным, но при желании здесь можно было устроить и четверых, которые отнюдь не мешали бы друг другу.

Две кровати, два узких шкафа-пенала, две тумбочки. Все это в дальней от входа стороне.

Ближе — диван, овальный стол, стулья. На стене панель телевизора. Еще одна дверь — в совмещенную с санузлом ванную.

Окно в номере было одно, но широкое и в пол, выходящее во двор. Вид из него был шикарный. И в какой-то мере познавательный.

— Рустам, — оценив увиденное, используя уже новое имя, позвал Игнат Реваза.

Тот обернулся — вывалив все на диван, разбирал сумку, вопросительно приподнял бровь.

Игнат кивнул на окно. Потом сдвинулся, освобождая место.

С улицы окно было полностью обрамлено плющом.

Смотрелось, наверное, красиво. Да и с точки зрения монтажа элементов системы безопасности тоже неплохо — визуально они вряд ли определялись.

Реваз, бросив поиски белья — собирался принять душ, подошел, встал рядом.

Окружавший пансионат парк начинался метрах в двухстах от самого здания, за линией низкорослого кустарника. Там, по выложенной камнем дорожке, сейчас прохаживался вооруженный до зубов патруль.

Ближе — газон. До недавнего времени его, скорее всего, украшали клумбы с цветами — кое-где еще можно было заметить их следы, теперь же большую часть занимал вольер, в котором под надзором шести бойцов резвились два щенка.

С определением породы собак у Игната было плохо — без консультации специалистов не больше, чем десяток, да и то наиболее распространенных, но с этими проблем не возникло. Салюки. И не простые, которые и сами на вес золота, а песчаные, мутировавшие под влиянием сильного магического воздействия.

От своих обычных родичей внешне отличались только окрасом — щенки рождались практически белыми, затем меняли цвет на

песочный, а вот функционально — да. Об их неутомимости и преданности в пустыне складывали легенды. Как и о способности чувствовать воду.

— Нехилый подарочек! — присвистнул Реваз. — Два немаленьких состояния.

— Больше, — поправили от двери. — Сучка и кобель из разных пометов. Оба с шикарной родословной.

Появление постороннего Игнат засек, когда тот еще подходил к номеру. Да и Реваз вряд ли пропустил. Но здесь действовали другие правила. Все вроде как свои.

А этот... Камуфляж без знаков различия и других элементов, позволивших хотя бы косвенно определить принадлежность к воинским подразделениям или силовым структурам.

Рост под метр восемьдесят. Крепкий и явно хорошо подготовленный. По возрасту постарше их, но это ничего не значило. Подобные волкодавы и в стариках молодым фору давали.

Голова гладкая, как и у Реваза-Рустама. На щеках и подбородке не щетина, но синевой уже пробивало, намекая, что магической обработке кожи тип предпочитал обычное бритье.

Глаза темные, спрятанные под широкими бровями. Нос крупный, но аккуратный, хотя след от «ремонта» взгляду Игната был заметен. Ломали ему нос. Возможно, и не один раз.

Ну а все остальное... Судя по властной ауре, это был тот самый командир, о встрече с которым предупредил дежурный.

— С кем имею честь? — развернувшись, тем не менее осведомился Игнат.

Несмотря на равные звания, в паре Волков — Абашидзе именно Волков был старшим.

— Подполковник Миронов, — закрыв за собой дверь и подойдя ближе, представился мужчина. — Петр Дмитриевич. Командир третьей группы, к которой вы и приписаны. Позывной — Соболь.

На соболя подполковник походил мало. Если только подвижностью, которую неплохо скрывал. А так... Если не знать, на что смотреть, так больше похож на увальня.

— Уральский, специального назначения? — уточнил Реваз.

— Неплохо, — вместо подтверждения, протянул подполковник. — По одному позывному...

— После того как наш полкан четыре года вами пугал, иначе быть не может, — едва наметил улыбку Игнат. Тут же подобрался. — Капитан в отставке Волков Иван Михайлович. Двести двенадцатый особый Дальневосточный. Егерская рота. Заместитель командира. Целитель. Эмпатия выше среднего.

— Seriously! — уважительно кивнул подполковник. — Позывной?

— Угрюмый, — спокойно, словно и не было в нем намека на нелюдимость, ответил Игнат. — Но если нужно...

— Не нужно, — перебил его подполковник и перевел взгляд на Реваза. — Значит, ты — Сойка.

— Капитан в отставке Абашидзе. Рустам. Можно без отчества. Следопыт. Основные стихии: огонь и воздух. На контроле полноценно отрабатываю все четыре.

— Похоже, вас нам послало само Провидение. — Коротко посмотрев в окно, подполковник направился к столу. Выдвинув стул, развернул, чтобы оказаться лицом к Игнату и Ревазу, сел. — Задача третьей группы — внешний периметр. Мы — глаза и уши. Определили опасность, оценили и ушли, передав полномочия второй.

— Значит, первая — последний рубеж. — Отойдя от окна, Игнат устроился на краю дивана. Там, где оставалось свободное место от выложенных из сумки вещей. — Такие меры предосторожности ради двух собачек?

— Их стоимость не впечатлила? — многозначительно прищурился подполковник.

О Миронове Игнат слышал. От Трубецкого. Князь отзывался о командире девятнадцатого отдельного отряда в составе Уральской бригады специального назначения весьма уважительно. И как о человеке, и как об уникальном специалисте, который не только сам достиг весьма серьезного уровня в том, что называлось «устрой врагу шухер», но и подготовил немало учеников, также показывавших солидные результаты.

Первое впечатление Игната с мнением Трубецкого совпадало. И по мелочам, которые уже позволяли делать определенные выводы, и по ощущениям, которым он доверял иногда больше, чем глазам или ушам.

— Стоимость — впечатлила, но не настолько, чтобы соответствовать принимаемым мерам предосторожности, — не отвел

взгляда Игнат. — К тому же вызывает вопросы наше присутствие здесь. Мы — специалисты узкого профиля и заточены на другую работу. Нет, — предвосхитил он возможный вопрос, — мы не против. Да и деньги хорошие, кто ж от них откажется, но, чтобы выполнить задачу, нужно понимать, что от тебя требуется.

— Ну, если деньги хорошие, — хмыкнув, качнул головой подполковник. Поднявшись, подошел к Игнату. — Тогда вам привет от Коршуна.

Стоявший рядом Реваз негромко выругался, вновь смешав персидский и грузинский. Игнат же ничем не выдал своих чувств.

Впрочем, чего-то подобного он ожидал. Чтобы Трубецкой, да не вывернул по-своему...

— И что это меняет? — все тем же спокойным тоном поинтересовался он.

— Среди бойцов, что охраняют щенков, его императорское высочество принц Николай. Мохаммад Хасан-шах предложил его императорскому величеству союз, скрепить который как раз и предстоит принцу и Айше Султан.

Игнат поморщился — ситуация серьезно осложнялась, отошел к столу. Наклонившись, оперся на его край.

Его императорское высочество принц Николай — младший сын императора Владимира. Двадцать два года, курсант военного училища. Айше Султан, насколько Игнату было известно, дочь Мохаммада Хасан-шаха и икбаль Зары. Девушке семнадцать лет, как раз готова для замужества.

— Наша задача меняется? — выпрямившись, развернулся он к подполковнику.

— Нет, — качнул головой тот. — Более того, мне поручено оказать вам всемерное содействие. Но только на обратном пути. А до тех пор вы переходите в мое подчинение. Вопросы есть? — Дождаться ответа он не стал. — Раз вопросов нет, сейчас отдыхаете. За час до ужина жду в городке — узнаете у дежурного, где он находится. Познакомлю с группой.

— Что скажешь?

Реваз белье все-таки нашел, но до душа так и не добрался. Остановился у двери.

Смотрел угрюмо, явно недовольный изменениями в плане.

Прежде чем ответить, Игнат «сбросил» целительский купол.

Их, конечно, предупредили, что на территории пансионата баловаться магией не стоит, но это был тот вариант, когда вроде и магия, но стандартными способами не фиксируется. Магема работала по иным законам.

— У меня две версии. Тебе с какой?

— С любой, — поморщился Реваз.

У него тоже, скорее всего, имелись версии. И вряд ли они сильно отличались от тех, которыми его собирался «порадовать» Игнат.

— Ну, тогда первая. Провокация. — Он поставил свою сумку на стул. Достал малый целительский набор, положил на стол. — И вариантов у этой провокации много. Трудно предположить, какой сыграет.

— Ты про то, что поедем колесами? — нахмурился Реваз.

— И об этом тоже, — открывая чемоданчик, подтвердил Игнат. — Смущает меня, что замену производят в Ставрополе. Логичнее было в Тифлисе. Тем более что это вотчина князя Багратиона, в верности которого императору сомневаться не приходится.

— Зато есть сомнения в Бабичевых, — вроде как невпопад заметил Реваз.

Но Игнат понял, о чем тот сказал. Бабичевы — это Бахтеяровы, с которыми у них плотный бизнес. А Бахтеяровы с Багратионами хоть открыто и не враждовали, но при возможности действовали исподтишка.

Расклад отдавал душком. Рисковать принцем ради того, чтобы прояснить ситуацию с Бабичевыми...

На первый взгляд — притянуто за уши, но это если не помнить, что за Бабичевыми кто-то стоял. И вот этот кто-то...

Тактические аптечки имелись у каждого бойца, входили в комплект снаряжения. В его чемоданчике то, что каждому не выдашь. Набор быстро разворачиваемых магем, способных если и не вернуть с того света, то как минимум не дать туда уйти. Конечно, не всем — тут по обстоятельствам, но большинству с серьезным шансом.

— А вторая? — не дал ему глубоко уйти в мысли Реваз.

— А вторая... — повторил Игнат. — Оперативная разведка. С учетом того, что мне известно о подполковнике Миронове, вполне

имеет право на существование.

Как и ожидалось, Реваз возражать не стал.

Девятнадцатый отдельный отряд, входивший в состав Уральской бригады специального назначения... В Персии и у османов они не отметились, а вот в Афганистане о них слышали. И не раз.

— Я сейчас скажу, — проведя пальцами по футляру, в котором лежали заготовки, начал Игнат, — но ты только... — Он развернулся, посмотрел Ревазу в глаза. — Твоя задача — документы. И если что...

Игнат не любил политику, предпочитал держаться как можно дальше. Ну а то, что жизнь ткнула в самую гущу чужих интриг...

Несмотря на множество недостатков, которые он не мог не замечать, Россия нравилась ему именно такой, какой была. Стабильной, но с перспективой. Знающей себе цену и умеющей постоять за себя. Помнящей прошлое, но думающей о будущем.

Чтобы все так и оставалось, зависело не только от него. Но и его усилия имели значение.

* * *

Понедельник не задался с утра.

Или все-таки с ночи?

Андрей еще раз прочитал лежавшую перед ним распечатку состоявшегося в гостиной флигеля разговора.

Если Сашка узнает, вряд ли поймет, но...

Сейчас речь шла не о том, поймет или нет. Главное — их безопасность. Со всем остальным он разберется.

— Копию срочно отправляй следователю Варланову. Пусть примут к сведению.

— Слушаюсь, — отозвался дежурный. — Андрей Аркадьевич, тут еще контроль службы безопасности, рапорт старшего утренней смены и объяснительная.

— Что там? — нахмурился Андрей.

У утренней смены ответственности не меньше, чем у ночной. Слишком большой наплыв. Слишком много посторонних.

— У них ЧП, — обрадовал его дежурный. — Попытка вербовки.

— Даже так... — Андрей откинулся на спинку кресла.

Это словосочетание «попытка вербовки» за бытность свою собственником клуба Андрей слышал не раз.

И услышит еще не раз. Но от этого слова не звучали привычно, а вызывали то ли удовлетворение — купить его людей было не так уж просто, то ли ярость.

Клуб был его детищем. За него да за Сашку...

Медленно выдохнув — ему сейчас требовался холодный рассудок, — кивнул, разрешая передачу. Принял отправленные файлы. Открыл первый.

«Довожу до Вашего сведения, что восемнадцатого августа, в четырнадцать пятнадцать, после сдачи смены...»

Юрия Федорова, к которому подошли с предложением заработать, Андрей помнил хорошо. Впрочем, он всех своих ребят помнил хорошо, но некоторых — особенно. Юрка был как раз из таких. Снайпер от Бога, но с характером. Вот характер однажды чуть и не довел до трибунала.

Андрей тогда помог. Проверяющий, с которым сцепился Федоров, сам оказался с грешком, на чем и сыграли, пройдя буквально по лезвию. Запоздай они с собственным расследованием хоть на день, и отправился бы парень в дисбат. И не важно, что военных действий на тот момент империя не вела, так что о смерти говорить не приходилось, но и без того последствий хватало. Несмываемое пятно! С таким даже на гражданке о карьере можно забыть окончательно.

Похоже, кто-то раскопал эту историю. И хотя зацепиться там особо не за что, при желании и из мухи вполне удавалось раздуть слона.

— Где сейчас Федоров? — оторвавшись от экрана планшета, посмотрел Андрей на дежурного.

— Дома, — сверившись с данными на мониторе, ответил тот. — Поставили маяк, зарядили прослушку. Ждет вашего решения.

— Это хорошо, что ждет, — протянул Андрей, вставая.

Размышляя, дошел до стены. Взгляд уперся в висевшие на ней рядом грамоты. На всех более или менее значимых соревнованиях по практической стрельбе члены клуба занимали призовые места. Частенько даже не одно.

Самолюбие Андрея это тешило. Но больше тешило то, что на каждого из них он мог положиться. И случись что...

Лучше бы не случилось, но в жизни не всегда происходило так, как хотелось.

Вернувшись к столу, Андрей прошелся пальцами по гладкой поверхности. На ритм вряд ли было похоже, скорее уж на азбуку Морзе. Точка-тире-тире-точка...

За тем, что выстукивали пальцы, проступало знакомое: «Принято. Работаем».

Вдавлив кнопку сбоку, дождался, когда опустится разделявшая комнату перегородка. Потом сел в кресло, достал магофон и, найдя нужный номер, нажал вызов.

Ответа пришлось ждать. Да и понятно. У Трубецкого и без него хлопот хватало.

— Я скоро начну вздрагивать от каждого твоего звонка, — пошутил князь, спустя десять гудков появляясь на экране.

— Могу ответить взаимностью, — хмуро отозвался Андрей. — Ваше превосходительство, похоже, мы облажались.

— И насколько серьезно? — Трубецкой махнул кому-то невидимому рукой. Мол, не до тебя.

Находился он в своем кабинете. Не домашнем, конечно. В том, что в Кремле.

— Может, и серьезно, — поморщился Андрей. Ошибаться он не любил. Но признавал, что и сам небезгрешен. — К моему бойцу подошли с предложением устранить объект четыре.

— Что?! — приподнялся в кресле Трубецкой. — Что ты сказал?!

— К моему бойцу подошли с предложением устранить объект четыре, — послушно повторил Андрей.

Подумал, что и сам бы с удовольствием сорвался в бешенство. Не по факту попытки вербовки, а потому что с самого начала неправильно сложили картинку.

— Кто? — быстро придя в себя, вернулся в кресло Трубецкой.

— Пока не знаю, — дернул плечом Андрей. — Служба безопасности работает.

— Но мысли у тебя есть? — не отстал от него князь.

— Мысли есть, — давая понять, что иначе вряд ли бы позвонил, произнес Андрей. — Все, связанное с ребенком, мы интерпретировали как возможность давления на отца.

— Звучит вполне логично, — заполнил Трубецкой короткую паузу.

— А если предположить, что все это — попытки избавиться от самого ребенка, которые сорвались по счастливой случайности?

— Избавиться? — Трубецкой почесал нос, словно намекая, что чувствует горяченькое.

— И в связи с этим у меня две версии, — вновь постучал по столу Андрей. На этот раз в точках-тире слышалось: спасите наши души! — Во-первых, мальчик мог видеть то, что видеть ему не стоило.

— Ему шесть лет! — попытался возразить Трубецкой, но тут же кивнул.

Шесть лет — возраст, когда детей всерьез не воспринимают, но они уже все видят, все слышат, все запоминают. А потом рассказывают. Не тем, кому надо.

И это действительно могло оказаться поводом. Поводом избавиться от возможной проблемы раз и навсегда.

— Вторая еще неожиданнее, — продолжил Андрей, дав князю до конца проникнуться уже сказанным. — Я тут покопался в грязном белье Варлановых и выяснил, что у старшего внука Афанасия Егоровича конфликт стихий. Блокировка одной из них способна привести к серьезным проблемам со здоровьем — обе стихии сильные. Остается исключение из списка наследников и проверка на одаренность остальных претендентов.

— И как это связано с мальчишкой? — продемонстрировал работу мысли Трубецкой.

— На первый взгляд, — грустно улыбнулся Андрей, — никак. Но вы обратили внимание, что в чертах лица ребенка нет ничего от родителей?

— Божья Матерь! — обескураженно глядя на него, выдохнул князь. — Уж не думаешь ли ты, что жена нагуляла мальчишку, Виталий об этом узнал и теперь вынужден избавляться от ублюдка, чтобы все это не выплыло наружу?

— Мы привычно ищем заговоры, — скривился Андрей, — но ведь есть и более простые объяснения. Вы знаете характер Афанасия Егоровича. Достаточно намек на приبلудную кровь в его роду, чтобы младшенький вылетел на вольные хлеба. И куда он пойдет, когда ему перекроют все дороги? В дворники?

Трубецкой поднялся с кресла. Отошел к бару. Достав бутылку и стакан, плеснул на дно коньяка. Выпил. Не залпом, что более соответствовало ситуации. Медленно, смакуя.

Андрей наблюдал за князем и продолжал думать.

Варланов, который дипломат, темной лошадкой для них не являлся — весь на виду. Не без нюансов, конечно, но все связаны с его деятельностью, так что оправдывались сложившимися обстоятельствами.

Но кое-что смущало. Не тогда, когда услышал в первый раз. Сейчас, когда история развернулась иной стороной.

Рассказ Саши о происходившем в поезде и ее слова о поразительном спокойствии отца.

Даже на косвенную улику не тянуло, но ведь не отпускало, требуя присмотреться внимательнее.

— Мой боец к работе готов, — когда Трубецкой вернулся к столу, продолжил Андрей. — Какая бы версия ни подтвердилась впоследствии, выведя мальчика из игры, мы развяжем себе руки.

— А за репутацию не боишься? Вас в плане охраны держат за эталон. А тут такой конфуз.

В этом князь был прав. Заработать репутацию трудно, а вот испортить...

— А если устроить все в полицейском управлении? — Заточенный на поиск решений мозг тут же выдал новый вариант. — Им не привыкать, а мы вроде как и ни при чем. Еще и выиграем.

Трубецкой сел, передвинул лежавшие перед ним бумаги.

— Игнат с Ревазом вошли в команду, — подняв голову, посмотрел он на Андрея.

Андрей кивнул — в курсе. Его возможности, конечно, скромнее — не ему тягаться с сетью, раскинутой князем, но на то, чтобы отслеживать движение тех, кого называл друзьями, их вполне хватало.

— Звонил князь Багратион, — вновь заговорил Трубецкой.

Андрей был уверен, что история с женщиной, у которой теперь уже бывшие родственники пытались выкрасть дочь, получит свое продолжение, но чтобы так быстро...

— Что хотел? — чуть подался вперед он.

Князь Давид Багратион был фигурой. Тем, кто хоть в малой степени затрагивал его интересы, обычно очень сильно не везло.

— Сетовал на то, что некоторые князья начали зарываться. Насколько я понял, прощупывал, как отреагирует Москва, если он займется чисткой авгиевых конюшен.

— Прощупал? — аккуратно полюбопытствовал Андрей.

Это была уже не сфера его интересов, но...

Там сейчас находились Игнат и Реваз. Любая информация могла оказаться жизненно необходимой.

— Значит, так. — Князь твердо посмотрел на него. — Операцию в полицейском управлении визирую, но подробный план должен быть у меня до конца дня. А что касается, прощупал или нет... Государь высказался ясно: закон и порядок. И если его кто-то не понял...

Андрей только кивнул.

* * *

Ночью я спала плохо. Волновалась.

В больнице мне все знакомо — до того как начала работать сама, пропадала у отца, — но беспокойство все равно присутствовало. Какой окажется старшая медицинская сестра, которой предстояло подчиняться? Как примет дополнительную заботу, которой я вынужденно стану?

А вот утром как отрезало. Не скажу, что была спокойна как удав, но лишних эмоций точно не испытывала.

Дом мы с Людмилой Викторовной покинули ровно в семь, только и перехватив, что по чашке кофе и пару оладий.

Она — проспала, а я решила не нагружать желудок. Кто знает, насколько суетным получится день. Уж лучше немного поголодать, чем прихватит живот ненароком. Я, конечно, целительница, но с собой обычно работать сложнее, чем с другими.

— Больница Святого Лаврентия — благотворительная. Контингент разный. Для совсем пропащих — свое отделение, но и в основном корпусе проблемных хватает. Имеются и платные палаты. Как ты понимаешь, со своими порядками.

Я промолчала. Мне приходилось работать и с вшивыми, и с лишайными, и с чахоточными. Лекарский дом, который курировал отец, тоже принимал всех. Для способных заплатить за хорошо

оказанную помощь — отдельное здание с соответствующей обстановкой, аппаратурой и уходом. Но и во втором, куда мог прийти и нищий, на произвол судьбы не бросали. Для особо серьезных случаев чаще всего только паллиативная помощь. Ну а со всем остальным обычно справлялись.

— Пойдешь в хирургическое отделение. Старшая медицинская сестра — Рахима Симбаевна. Постарайся имя-отчество запомнить. Она женщина опытная, но несколько самолюбивая. Род Келмагамбетовых у казахов не последний. Она это помнит и чтит.

— Рахима Симбаевна, — не ошибившись, повторила я.

Спасибо учителю риторики. На уроках нас учили не только умению грамотно донести свою мысль до собеседника, но и артикуляции.

— Умница, — бросив на меня взгляд, подбодрила Людмила Викторовна. — Задания будешь получать только от нее. Тебя там, конечно, попытаются припахать, но ты сильно не поддавайся. Помочь, если по силам, помоги, но за других работу не делай.

— Я поняла, Людмила Викторовна, — улыбнулась я, вспомнив свой опыт.

Да, новеньких в лекарских домах не жалели. Не сумеешь поставить себя сразу, так и останешься на побегушках.

Мне было тринадцать лет, но это никого не остановило. Первые дни нагружали так, что я едва дорабатывала свою короткую смену, приползала домой и падала без сил. Ни есть, ни пить, ни заниматься... Только спать, мечтая об одном — чтобы все это скорее закончилось.

А потом поняла, что, пока я вкалываю, пара девиц из моей смены отдыхает в санитарской. Вот тогда и осознала свою ошибку, буквально со следующего же дня потребовав у старшей медицинской сестры конкретного объема работы.

Как оказалось, она только этого и ждала.

Хорошая школа, в которой главный учитель — умение соображать и накапливаемый жизненный опыт.

— Сталкивалась? — правильно интерпретировала Людмила Викторовна мою улыбку.

Я кивнула. Когда пришла работать медицинской сестрой, все повторилось. Другой лекарский дом, другие люди. И не важно, что я была уже знакома с этой кухней. Пакости, которые могли устроить

сестры, значительно изощреннее, чем те, на которые способны санитарки.

— И еще... — стала серьезной Людмила Викторовна. — Есть там один хирург. Руки золотые, но на женский пол слаб. Увидит новую юбку...

— Я в брюках, — попыталась я пошутить.

Людмила Викторовна моего тона не приняла.

— Тебе семнадцать. Возраста согласия ты, конечно, достигла, но пока еще несовершеннолетняя. К тому же дворянка, а он пусть и талантливый, но мещанин. Поэтому будь аккуратна. Если дойдет до крайности, дай понять, что целительница. От таких он старается держаться подальше.

И вновь мне пришлось кивнуть. Со мной такого не случалось — достаточно быстро выясняли, чья я дочь, но видеть — видела.

Небожители... Безнаказанность. Некоторых из них явно заносило на поворотах.

— А почему хирургия? — вместо комментариев спросила я. — Это — большая ответственность.

— Ты же хочешь получить за практику высший балл? — парировала Людмила Викторовна.

Она была права. Я — хотела.

Не ради оценки. Ради того чтобы знать и уметь больше.

До больницы ехали сорок минут.

Прав был Андрей, когда озаботился машиной для меня. На такси было бы дорого, на общественном транспорте — долго. Да и район...

Посмотришь — ничего особенного. Не исторический центр, конечно, и не княжеская Москва, но вполне похоже на провинциальную Пензу, в которой частенько доводилось бывать. А вот если «прислушаться», дав свободу эмпатии, то все воспринималось иначе. Тревожно и агрессивно.

Само здание больницы было современным: стекло и бетон. Три корпуса, соединенных крытыми переходами. Один — пятиэтажный, поликлиническое отделение. Два — в восемь этажей, стационары с приемными покоем. Отдельно — подстанция скорой помощи.

Это даже не больница — больничный городок.

Через служебный вход мы вошли в тот корпус, что находился слева. Дверь оказалась двойной, как в тамбуре. Затем был небольшой холл. Справа — гардероб для верхней одежды, слева — еще четыре двери, над которыми висели вывески: младший медицинский персонал, средний медицинский персонал, врачи и студенты.

Раздевалка и душевые.

У одной стены — скамейки, у другой — три автомата: кофейный, с напитками и снеками.

Рахима Симбаевна как раз спустилась, когда мы вошли.

Красивая, статная женщина лет тридцати пяти — тридцати семи. Под белоснежным колпаком — иссиня-черные волосы, заплетенные в косу. Сияющий чистотой халат обтягивал ладную фигуру.

Осмотрев меня, Рахима Симбаевна велела стоять на месте и ждать ее, а сама отвела Людмилу Викторовну к кофейному автомату.

Наблюдать за ними я не стала — и так было видно, что они давно знакомы и находятся если не в дружеских, то в приятельских отношениях точно. Предпочла осмотреться.

В восемь обычно пересменка. Поэтому я пока могла увидеть тех, кто приходил. Уходить будут позже.

Врачей взгляд выделял сразу. Более добротная одежда, более спокойные, уверенные движения. Даже у тех, кто еще молод, практически незаметна суэта. Да и смотрели они иначе. Вроде как оценивали. То ли определяя для себя, насколько ты платежеспособен, то ли выискивая возможные болячки.

Наверное, я преувеличивала или переносила на них свой небольшой целительский опыт, но мысли крутились именно такие.

Среди медсестер оказалось много молодых. Шебутные, задорные, улыбчивые...

На некоторых посмотришь, так прямо модель. Ноги из-под короткой юбочки длиннющие. Грудь вперед...

Представив, как завтра утром захлебнется слюной младший Трубецкой, едва не пропустила подошедшую ко мне девушку.

Уже хотела спросить, что ей надо, как она, словно не веря, что видит именно меня, уточнила:

— Саша?

Вот тут я ее и узнала. Светлана, бывшая одноклассница Юли, с которой познакомилась на пикнике.

— Света! — радостно улыбнулась я. Хоть одно знакомое лицо.

Хотела уже спросить, что она здесь делает, как Света вдруг погрузилась и спросила сочувственно:

— Провалила экзамены? Извини, но я сразу хотела сказать: от Соколовых протекции не дождешься. Да еще и Березин! Не любит он, когда кого-то проталкивают. А ты в какое отделение?

— В хирургию. А ты? — проявила я вежливость.

— А я в кардиологии, — явно заважничала Светлана. — Последние дни отработываю. Поступила в Первый мед. А ты не переживай, — вновь вернулась она к старой теме. — Год поработаешь, опыта наберешься, потом и поступишь. Я сначала сильно расстраивалась, но теперь не жалею. Тут ведь и знакомства. Среди пациентов такие встречаются... Ты к ним по-хорошему, они отблагодарить не забудут... Кстати, не хочешь в четверг сходить в клуб?

— В какой? — чтобы сразу не отказываться, поинтересовалась я.

— В «Весельчак». Слышала о таком?

Я кивнула:

— Что-то слышала. Но не помню от кого.

— Вот и приходи. Мы с Тоней... Ах да, ты Тоню не знаешь. Хорошая девчонка. Она уже врач, мы в кардиологии и познакомились. Тогда встречаемся в десять. Потанцуем, отдохнем. Не пожалеешь.

— Светлана! — спасая меня, окликнули бывшую Юлину одноклассницу. — Ты идешь?

— Извини, — как-то невпопад засмеялась Светлана, — меня зовут. Значит, в четверг, в десять, в «Весельчаке».

Отказаться я не успела. Светлана, как мне показалось, очень довольная, убежала к ожидавшей ее женщине.

А я опять осталась одна.

Правда, буквально на несколько секунд. Было уже без семи восемь, а мне требовалось еще переодеться и подняться на этаж.

ГЛАВА 14

План по выведению ребенка из игры Трубецкой утвердил. Оставалась только реализация.

Впрочем, на ней история не заканчивалась. Был ли мальчишка свидетелем или ублюдком, от которого требовалось срочно избавиться? До тех пор пока не ответят на этот вопрос, проблему окончательно не закрыть. А закрыть требовалось как можно скорее. На его охрану была отвлечена самая сильная группа.

Дежурный, давая наводку, повернул голову, посмотрел на дверь.

Андрей вдавил кнопку сбоку стола, опуская перегородку. Все дежурные — узкий круг доверенных лиц, но о некоторых вещах раньше времени знать не стоило.

Вошедший в операторский зал начальник службы безопасности преодолел расстояние от двери до стола, положил перед Андреем несколько папок. Дождавшись, когда Андрей откроет первую из них, сел на приставленный сбоку стул.

Стас Стрельников, его заместитель, возглавлявший еще и службу безопасности стрелкового клуба, был немногословен. И дотошен до той тщательности, которую можно было бы назвать гипертрофированной щепетильностью. Это в том, что касалось подбора информации и ее анализа.

Когда речь заходила о решениях, то действовал жестко и бескомпромиссно. Ну и предпочитал работу на опережение, в связи с чем совал свой нос и туда, куда следовало, и туда, куда лезть точно не стоило.

Если бы не покровительство князя Трубецкого — тайного советника Тайной коллегии его императорского величества, использовавшего клуб как один из своих центров, неизвестно чем бы подобная любознательность могла обернуться. А так...

А так все оставались при своих интересах. Стрельников при удовлетворении от качественно выполненной работы, Трубецкой — при прогнозах, которые сбывались, и при тщательно разработанных операциях, результат в которых достигался при минимальных потерях.

Ну а Андрей...

Как бы странно ни звучало, но вся эта мишура требовалась ему лишь для того, чтобы обеспечить безопасность Игната, Реваза и Саши.

— Вот ведь пакостный старикан! — изучив рапорт, поднял он голову.

Уничтожая себя вместе с поместьем, вариант с возможным появлением у князя Воронцова желания докопаться до истины, они учитывали. Как-никак сын, пусть и изгнанный.

Вариант, надо сказать, был маловероятным — последняя встреча Игната с отцом, состоявшаяся четыре года назад, закончилась очередными проклятиями, но в жизни бывало всякое.

— Значит, уже просватал Александру за второго сына Бабичева и даже получил под гарантии союза небольшой заводик. — Андрей, закрыв, отбросил папку. Поднялся.

Стрельников успел убрать ноги с пути. Состояние Андрея называлось тихой яростью. Мог и оттоптать.

— И почему до этого раньше не докопались? — обернулся он уже от стены.

Стрельников смотрел невозмутимо, словно говоря, что каждой информации — свое время.

Андрей был с этим согласен, но узнай он об этом раньше, одним оберегом Игната на пожарище не обошлись бы. Он бы там такое устроил! Чтобы столица от сотворенного зверства содрогнулась. Они бы у него в слезах захлебывались, в истерике головой об стены бились!

А так...

С княжескими проклятиями понятно — за Игната была стоворена другая девица, и отступные за отказ жениться, которые был вынужден заплатить старший Воронцов, оказались весьма немаленькими.

Да и со сватаньем Александры тоже не бином Ньютона. Тринадцать — четырнадцать лет... То, что дочь Игната одарена, известно было с детства. А вот насколько одарена, выяснилось как раз, когда она стала девушкой.

Не узнать об этом князь Воронцов не мог — его соглядатаи следили за поместьем. Тогда и начал действовать, найдя прекрасный способ вернуть потерянное когда-то.

А Игнат взял и обыграл: сдох вместе с дочерью. Да и сдох не просто, а поставив пятно на весь род. Вроде как бросили свою кровь

на растерзание.

— Вот тварь... — дойдя до мысли, что не будь последствия непредсказуемыми, удавил бы эту гадину, все-таки не сдержался Андрей.

Выводило его из себя, когда за интересами рода пряталось самодурство и жажда наживы.

— Целителя он нашел, — добавил градуса Стрельников. — Команда рано утром выехала в поместье.

Андрей бросил взгляд на часы. Еще даже до полудня недотянуло...

— Ты ведь с предложениями? — перевел он взгляд на Стаса.

Тот, зловеще улыбнувшись, приподнялся и взял с его стола вторую папочку. Но не протянул Андрею, сел, положив ее себе на колени.

— Это ведь еще не все? — разгадывая пантомиму, сделал предположение Андрей.

Впрочем, это было не предположение, а уверенность. Это в бою Стрельников предпочитал импровизации. Они давно уже могли разговаривать без слов.

— Ну давай, добивай, — исподлобья глядя на зама, выдавил он из себя.

Стасу повезло, что затягивать не стал. Внутри у Андрея все кипело. Пойти и придушить, чтобы не тянул к Сашке руки.

— По моим сведениям, князь Воронцов собирается использовать амулет подчинения, — не отведя глаз, четко произнес Стрельников. — Из гостей ожидаются профессор Соколов и его помощница Александра. На ее присутствии князь настаивал отдельно.

Оно должно было рвануть, и оно рвануло.

— Да я его... — медленно, давая себе прожить все, что чувствовал, процедил Андрей. — Я же на него...

— Не стоит, Андрей Аркадьевич, — вновь позволил себе многозначительно улыбнуться Стрельников. — Александра Игнатъевна барышня сообразительная. Да и учили ее вы сами. А чтобы уж совсем без беспокойства, пусть князь Трубецкой проинструктирует профессора. К тому же ему проще объяснить, откуда такие сведения.

Андрей остыл мгновенно. Да и не ярился особо. Просто сбрасывал напряжение, раздумывая в это время, что мог придумать Стрельников в качестве ответки Воронцову.

— Как факт — нужно зафиксировать. За такое вполне можно и на каторгу отправить.

— Сделаем, — кивнул Стрельников.

Судя по хищному прищурю, думал его зам не столько про первое — это самой собой, сколько про второе.

Если учесть количество их крови, выпитой князем Воронцовым...

С Салтыковыми было не проще. И не важно, что вели себя те не в пример тише. Свои планы на талантливую девочку тоже строили.

— Давай теперь по поместью, — вернулся за стол Андрей.

Требовать папку не стал. Минута триумфа Стаса... Андрей был уверен, что тот ее заслужил.

— К вечеру полиция найдет свидетельства того, что погибшая девушка — не дочь Игната Воронова, — начал оправдывать его ожидания Стрельников.

Пока Стас тянул паузу — ну как же без этого! — Андрей оценивал сказанное.

Ход неожиданный, но вариантов, как использовать «воскрешение» дочери Игната, он видел несколько. Интересно, какой именно выберет Стас.

— Дальше, — кивнул Андрей, давая понять, что с этим ему все ясно.

— У меня есть возможность привязать похищение барышни и убийство остальных членов семьи к роду Бабичевых, — скорее даже не улыбаясь, а скалясь, протянул Стас. — След будет нечетким, но для подозрений вполне хватит. А потом мы еще что-нибудь подкинем.

— Хочешь князя до удара довести? — имея в виду Воронцова, ухмыльнулся Андрей. Сложив руки на груди, откинулся на спинку кресла.

Старший Воронцов его интересовал только как возможная угроза Игнату и Сашке. А вот Бабичев...

И ведь ничего плохого про род Бабичевых не скажешь, если, конечно, не иметь соответствующих ресурсов, чтобы суметь докопаться до грязного белья прежде, чем эти самые ресурсы будут уничтожены.

Им — удалось. Не до всего, конечно, докопались, но даже то, что имели...

Трубецкой был уверен, что Бабичев лично выступал посредником между правящим родом Персии и некими силами в империи, заинтересованными в ее ослаблении.

И хотя прямых улик так и не нашли, хватало и косвенных. А когда Игнат вернется с теми бумагами...

Чтобы Игнат вернулся с теми бумагами, им предстояло серьезно поработать. Их враг вряд ли был настолько наивен, чтобы исключить в сгоревшем поместье операцию прикрытия.

— В княжеском семействе не все ладно, — обтекаемо ответил Стрельников.

Андрей кивнул. Княгиня тайно поддерживала Игната. Один раз, когда Сашка была маленькой, сумела навестить так, чтобы супруг не узнал об этом. Жаль, на большее ее мужества не хватило. Женщина она была приятная. Но — несчастная.

— Думаешь, это окончательно расставит все точки над «i»? — слегка нахмурился Андрей.

Развод в княжеских родах явление крайне редкое, но он опять думал в первую очередь о Сашке. Любящая бабушка ей бы не помешала.

— А кто его знает, — неопределенно дернул плечами Стрельников. — Наследник в роду более вменяем, чем папаша.

С этим Андрей был согласен. И хотя с Игнатом старший брат даже не пытался контактировать, по тем сведениям, что собрали, мужик он был достаточно адекватный, чтобы вернуть младшенького в род.

— В случае чего возможность переиграть будет? — зная, что в разработке операций Стас всегда предусматривает откат, все-таки уточнил Андрей.

Дождавшись кивка, выпрямился, протянул руку. Взял поданную папку.

— По мальчишке новости есть? — прежде чем подписать план операции, поинтересовался он.

Стрельников поморщился:

— Есть.

— И что молчишь? — Андрей бросил взгляд на оставшиеся на столе папки.

— Не молчу, — недовольно буркнул Стас. — Ублюдок он. Как и его старшая сестра. Но не совсем.

— Это как? — подался вперед Андрей.

Ублюдок, но не совсем... Неожиданное сочетание.

Стрельников вздохнул:

— Как оказалось, наш Варланов — бесплоден. Еще по молодости подхватил срамную болезнь. К целителям не пошел, побоялся отцовского гнева. Лечился тайно, ну и долечился. Про чужую кровь ты правильно сказал, прикопали бы Виталия по-тихому где-нибудь под кустиком, так что кровь своя — старшего брата.

— Божья Матерь! — хмыкнув, качнул головой Андрей. — Вот это страсти...

— И это еще не все страсти, — помрачнев, перебил его Стас. — Есть пока непроверенные сведения, что четыре года назад Виталий Варланов был завербован САВАК и с тех пор работает на Службу информации и безопасности Персии.

Что сказать на это, Андрей не знал. Он, конечно, предположил что-то подобное, но мерзко это было.

Правда, чистоплюйством они не страдали. Чистоплюйство не для них.

* * *

За мной закрепили две палаты, женскую и мужскую. В мужской трое из шести были лежачими. Один из них, старичок за восемьдесят, уже плохо понимал, кто он и где находится.

Щадить моих девичьих чувств здесь никто не собирался.

А еще у меня был личный куратор. Медицинская сестра Любочка, которую, как оказалось, ради меня попросили выйти на работу.

За кураторство платили, так что недовольства с ее стороны я не заметила. Но и поблажек не получила никаких.

Сначала туалет для лежачих. Утка, судно. Подать, вынести, помыть, продезинфицировать. Старичку сменить подгузник, подмыть, надеть новый. В женской палате старушка, про которую вечером забыли, так что пришлось перестилать постель, благо была клеенка. Потом умыть, помочь почистить зубы, причесать.

Затем проветривание и санитарная обработка. Мыла палаты уборщица, но посмотрела я на ту грязь, которую она развезла, и решила повторить, не забыв про углы и плинтусы. Перед завтраком протереть столики для лежачих. Покормить, снова убрать.

Две палаты по шесть человек. Для санитарки это немного, но, когда забыты навыки, да еще и больные лежачие, к обеду не чувствуешь ни ног, ни рук, ни спины.

А ведь это еще не конец. За день санитарную обработку проводишь три-четыре раза. А сколько подаешь утку или судно да меняешь подгузники...

— Иди перекуси, — на очередном витке перехватила меня Люба. — На одном чае долго не продержишься.

— А я недолго, только до трех, — попыталась я отказаться, но, заметив ее грозный взгляд, пошла на попятный. — Сейчас дедушку еще посмотрю...

— Я сама его посмотрю, — отрезала Люба, развернув меня и подтолкнув в сторону столовой. — Поешь, будем Васильеву мыть. Родственники сами не хотят ухаживать, нам платят.

Говорить я ничего не стала. Вроде и входит в обязанности санитарок уход за лежачими, но людей постоянно не хватает, поэтому если хочешь особого внимания, то заплати. А не заплатишь, так делай сам, а не то завшиветь не завшивеет, но так неделями и будет лежать не обихоженная.

А Васильева, та самая старушка, про подгузник для которой вечером забыли. А она с переломом шейки бедра, лишней раз ее бы лучше не трогать.

Как обращаться с такими больными, я знала. Более того, отец всегда учил учитывать их психологическое состояние из-за собственной беспомощности и делать все, чтобы не чувствовали, словно им делают одолжение, выполняя все эти неприятные для них процедуры.

Но если бы не помощь Любочки...

В отличие от старичка, который плохо себя осознавал, старушка была в ясном уме и прекрасно понимала, какво это молодой девушке убирать ее ночные проделки.

В столовой я оказалась не единственной. За столиком у окна сидели двое мужчин. Скорее всего, хирурги. Один так точно, я видела его выходящим из операционного отделения. Второй...

Когда вошла, он прошелся по мне весьма сальным взглядом. Неприятный тип, хоть и симпатичный.

Сделала вид, что не заметила чужого внимания. Они сами по себе, я — сама по себе. Взяла на раздаче овощной салат, мясное рагу с картошкой и кисель. Устроилась за столиком в углу, чтобы тот неприятный тип оказался ко мне спиной.

Зря старалась стать незаметной. Он дожидался меня на выходе из столовой.

— И кто тут у нас такая хорошенькая?

Голос низкий, волнуемый, но улыбка... Если бы не наставления Людмилы Викторовны, уже двинула бы по физиономии, чтобы научился общаться нормально.

— Извините, — опустила я голову, чтобы не встречаться взглядом, — но мне нужно работать.

— Это кто сказал, что тебе нужно работать? — не понял он намек. Схватил за плечо, подтянул к себе.

Ударившая в голову пелена была алой. Во многих других ситуациях рассудка я не теряла, но когда речь шла о насилии...

По истории своей работы в лекарском доме я знала, что подобное отношение к медсестрам и санитаркам со стороны врачей-мужчин было если и не нормой, то явлением обыденным. Ну пообжимались в уголке. Ну кто-то пошел дальше, когда не дали отпор. Ну поигрались какое-то время, пока на горизонте не появился новый объект для изъяснения чувств.

А уж в том, что касается хирургии... Это даже среди небожителей отдельная каста. Им, особенно талантливым, позволено все и даже больше.

Отец говорил, что многое зависит от заведующего отделением. Как тот поставит работу, так и будет. Судя по всему, в этом отделении о морали если и слышали, то когда-то давно.

— Уберите руки, — произнесла я тихо, но твердо.

— А то что? — глумливо поинтересовался он. Да еще и второй рукой приподнял мой подбородок, заставляя посмотреть на себя.

А руки у хирургов крепкие. Пальцы — сильные. Представив, как отреагирует Игорь, если заметит следы на моем лице, медленно выдохнула. Спокойствие, только спокойствие.

— Мулом станете, — криво усмехнулась я, опуская ладонь вниз и активируя магему, делавшую на какое-то время мужчину бесплодным.

Он сначала не понял, затем, ощутив легкий разряд, как от электрического тока, наклонил голову и посмотрел вниз.

Целителем хирург не был — дар чувствовался, но слабенький, но что означало свечение вокруг моей ладони, он сообразил сразу.

Отскочил от меня, как будто я была прокаженной. Кадык дернулся, желваки заходили...

— Что здесь происходит? — то ли усугубил, то ли разрядил обстановку вернувшийся тот второй, что сидел с этой тварью за одним столиком.

— Ничего, — мило улыбнулась я. — Я здесь на практике, многого не знаю, вот спросила, до которого часа работает столовая.

Похоже, второй своего дружка знал. Хмыкнул, однако ничего не сказал. Но в сторону, когда я сделала шаг, отступил, пропуская.

А до конца моего рабочего дня было еще два часа.

И почему-то я была уверена, что еще ничего не закончилось.

Васильеву мы помыли. Не всю сразу — ее положение не позволяло, по участкам. Частично освобождали от одежды, подкладывали клеенку, использовали мягкие губки и мыльный раствор.

Пока работали, Люба шутила, я поддакивала. Потом откликнулись и остальные пациентки, так что бабушка наша заулыбалась. А уж после того, как освежилась, так почти помолодела. В глазах огонь, того и гляди вскочит с постели и пустится в пляс.

Признаюсь, я не удержалась и воспользовалась магемой восстановления. Не в полном объеме — в таком возрасте она скорее добьет, чем поможет выздороветь, а в том, который применяется для грудничков.

Мгновенного эффекта не будет, но обойдется без лишних осложнений, что для старушки очень даже хорошо.

Рахима Симбаевна появилась, когда мы уже закончили.

Нет, заглядывала она частенько — на одну Любу не рассчитывала, но обычно посмотрит и выйдет за дверь. А тут подошла, встала рядом, дожидаясь, когда я укурю пациентку одеялом и поправлю ей косынку.

— Рахима Симбаевна? — закончив, обернулась я к ней.

На часах было без десяти три, но напоминать, что мой рабочий день уже заканчивается, я не собиралась. Не ту профессию выбрала, где все строго по часам.

— Пойдем, — кивнула она мне на дверь.

Пожелав всем здоровья, последовала за ней.

Она привела меня в кабинет. Кивнула на кушетку, сама села за стол.

— Завтра выйдешь медсестрой, — порадовала она меня. Заметив, что собираюсь напомнить про два дня санитаркой, протянула лежавшую на столе бумагу.

Справка о сдаче практики. Оценка — «отлично».

Я должна была почувствовать удовлетворение. Кроме усталости и осознания, как страшно, когда тебя некому поддержать в твоей неспособности, я ничего не чувствовала.

— Ты недовольна? — неправильно поняла мое состояние Рахима Симбаевна.

Я с трудом улыбнулась, качнула головой:

— Я хотела бы помочь им всем.

Она только кивнула. Помочь всем...

— У Иванова с тромбозом вен нижних конечностей начинается гангрена.

— Что? — непонимающе посмотрела на меня Рахима Симбаевна. Похоже, просто думала о другом.

— Гангрена у Иванова. Я не стала говорить на обходе, но если сегодня-завтра пригласить целителя, то ногу еще можно спасти.

К сожалению, помочь всем я не могла. Но попробовать помочь хотя бы двоим...

Это вполне было в моих силах.

* * *

Хирурга звали Романом. Увидела фотографию на своеобразной доске почета — лучшие врачи больницы.

Роман Сергеевич Углев.

И вроде информация меня мало касалась, но в памяти отложилось.

Как оказалось, не зря. Когда вышла из больницы, он сидел на скамейке во внутреннем дворе.

Ждал меня. Стоило мне только показаться на крыльце, как поднялся, шагнул навстречу...

— Александра Игнатьевна! — опередив его, подбежал ко мне Игорь. Склонил голову. — Сегодня я в вашем полном распоряжении.

Мне с трудом удалось не захохотать. Выражение лица у Игоря было лакейским. Угождать, угождать и еще раз угождать.

Порадовавшись, что, похоже, в ситуации он разобрался, кивнула:

— Сначала домой. Затем посмотрим.

— Как прикажете, — вновь поклонился Игорь. Отступил, пропуская меня вперед, сам засеменял справа, прикрывая от внимательно наблюдавшего за спектаклем хирурга.

Что порадовало, никакого негатива от Романа я не почувствовала. Если только задумчивость. Целительницу он во мне опознал, но что могу оказаться дворянкой, даже не предположил.

Впрочем, теперь меня это мало касалось. Поставить я себя поставила, так что оставшиеся два дня как-нибудь переживу.

Но окончательно я расслабилась, лишь когда Игорь закрыл за мной дверь машины. Словно отгородил от всего мира.

— Вырулим за поворот, остановлюсь, пересядешь вперед, — устроившись на водительском сиденье, бросил он.

— Договорились. — Не сдержавшись, я сладко зевнула. Не столько от желания спать, сколько от усталости.

Непривычная физическая нагрузка. Специальный комплекс, который для меня разработали Андрей с Ревазом, подготовить к ней не мог.

— Вымоталась? — оглянувшись, сочувственно поинтересовался Игорь.

— Еще как, — ответила я с улыбкой. — Четверо лежачих. Двоим из них за восемьдесят. У старушки перелом шейки бедра, только после операции. У старичка сложный перелом голени. Да еще и не в себе.

Судя по взгляду Игоря, он прекрасно понимал, что это значит.
Молчание долго не продлилось.

— Что за тип? — уже другим тоном спросил он, как только выехали со двора больницы.

— Хирург. По отзывам, подтвержденным собственным опытом, бабник. Ни одной юбки не пропустит.

Игорь в зеркало заднего вида бросил на меня взгляд...
Многозначительный.

— А ты? — любопытствовал он буквально спустя пару секунд.

— А я... — хмыкнула я, вспомнив, как Роман вздрогнул, почувствовав активацию магемы. — Магема Ивановича. Он сдущся на первом этапе.

Игорь вновь посмотрел на меня, теперь уже задумчиво.

— Жестоко, — пристраивая машину в кармане у магазина, наконец разродился он реакцией.

— Зато действительно, — выбираясь наружу, констатировала я. Забравшись на переднее сиденье, пристегнулась. — Как ваши танцы?

— Похоже на пытку, — вновь выезжая на дорогу, пожаловался он. — Такое ощущение, что готовят к международным соревнованиям по бальным танцам.

— А вдруг, — расслабленно растеклась я по сиденью. Сейчас бы закрыть глаза и поспать...

К дому профессора мы должны были подъехать к четырем. Хорошо, что душ я приняла еще в больнице, а то бы не успели к Трубецким.

Изначально договаривались на шесть, но Данила Евгеньевич хотел увидеть дочь и сына, а раз уж все равно ехать...

Вроде и логика во всем этом была, но перекраивать планы я не любила даже по мелочам. Только настроишься на одно, и раз...

По гороскопу я Близнец. Отец иногда шутил, что больше похожа на барана. Если упрусь, то все, не сдвинуть.

— Кстати, — вспомнила я про встречу в больнице, — видела сегодня Светлану.

— Какую? — не понял Игорь.

— Ту, с пикника. Темно-руссая такая. Разговорчивая.

— А! Воробышек, — сообразил он. — И что она там делала?

— Работала, — удивленно посмотрела я на Игоря. — Санитаркой. Говорит, поступила в Первый мед.

— Не понял, — скосил он на меня взгляд. — Ее же вроде как замуж собирались выдавать.

— Ну... — скорчила я недовольную гримасу, — об этом ничего сказать не могу. За что купила, за то и продаю. Работает санитаркой в кардиологии. Приглашала меня в четверг в клуб.

— Одна? — настороженно уточнил Игорь.

— Что — одна? — переспросила я.

Думала в этот момент почему-то об Иванове с гангреной. На той стадии, когда некроз тканей только-только начинается, диагностировать ее практически невозможно. Если, конечно, ты не целитель. А вот развернуть процесс вспять проще простого. Две-три магемы в течение пары дней, и о закупорке вен, как раз и вызвавшей проблему, можно забыть.

Жаль, подобное лечение доступно не каждому. Да и поймать вовремя...

Я надеялась, что Рахима Симбаевна правильно распорядится информацией. Будет жаль, если упустят время.

— Одна приглашала? — развернул свой вопрос Игорь.

— Нет, с подругой, — глядя в окно, ответила я. — С какой-то Тоней. Вроде как врач из кардиологии.

Первое впечатление об этом районе Москвы оказалось не совсем верным. Не провинциальная Пенза — в той даже в центре чувствовался дух времени, а современный, рвущийся в небо город. Дома высотные. У каждого свое лицо. В отделке, в рекламных вывесках, украшавших отданные под бизнес первые этажи. Много зелени. Чистые дороги и тротуары.

Но диссонанс чувствовался. Как будто за красивой картинкой скрывалась еще не видимая никому болезнь.

— И в какой клуб она тебя пригласила? — сворачивая под как раз переключившийся на зеленый светофор, спросил Игорь.

Отвлечшись от созерцания окрестностей, посмотрела на него удивленно. И хотя голос все еще звучал спокойно, сгустившегося напряжения я не пропустила.

— В «Весельчак», — машинально ответила я и... замерла. — Вот это да... А ведь она посчитала, что я завалила экзамены и пришла в

больницу работать. Правда, это еще ничего не значит.

— Ничего не значит, — судя по тону, не очень-то и согласился со мной Игорь, — но если вдруг встретитесь еще раз, то свой поход в клуб подтверждай. И то, что завалила экзамены, тоже.

Ответила я не сразу. Вспоминала. Как она подошла. Как говорила, не слушая. Словно жила в своем мире. Как перепрыгивала с одной темы на другую. Как улыбалась, словно в предвкушении.

Там, на пикнике, она показалась мне несколько странной, но вполне безобидной. Да, болтушка. Да, сваливала все в одну кучу. Но это ведь не повод подозревать ее во всех смертных грехах.

Увы, сейчас я так уже не думала. Чувствовалось в ее поведении что-то отталкивающее. Неприятное.

Да еще и эта неизвестная Тоня...

— Когда мы разговаривали, ее позвала молодая женщина. Высокая длинноволосая блондинка. Властная. Извини... — Я не успела сказать, что та посмотрела на меня весьма неприязненно. Достала из рюкзака зазвонивший телефон. — Здравствуйте, Данила Евгеньевич.

— Через сколько ты можешь подъехать к Воронцовым? — ответив на приветствие, уточнил он.

— Сейчас. Через сколько сможем быть у Воронцовых? — прикрыв микрофон, спросила у Игоря.

Думал тот недолго:

— Двадцать пять — тридцать минут.

— Через тридцать минут, — повторила я профессору, взяв по максимуму.

— Тогда через тридцать минут жду тебя там. Охрана о вас с Игорем предупреждена.

Он отключился раньше, чем я поинтересовалась причиной вызова.

Княгиня чувствовала себя лучше, об этом я знала точно. А все остальное...

Признаться честно, общаться с родственниками отца мне сейчас не хотелось. И без них много проблем, которые требовали внимания.

— Простите, но я не могу принять ваш подарок, — отступила я.

Да еще и убрала руки за спину, чтобы не коснуться амулета даже ненароком.

Знала я такие вещички. Да, защищать защищали, но своим хозяином считали дарителя, а не одариваемого. Хорошо, если только докладывали о каждом твоём шаге, а то ведь могли и на родство проверить или внушить что-нибудь.

В нашем случае, конечно, маловероятно, но в жизни бывало всякое. Андрей не раз предупреждал: будь осторожна. Чем древнее штучка, тем серьезнее могут оказаться последствия.

А эта... Я не особый знаток, но половину тысячи лет ей бы дала.

— Сашенька... — вроде как обидевшись, протянула княгиня.

Но я-то видела, что она довольна. Похоже, отказать супругу не смогла, но сама была против такого подарка.

Впрочем, я могла и ошибаться. Вдруг в ней разыгралась жадность. Вроде и одарить надо, но расставаться с эксклюзивной вещичкой совсем не хочется.

— Извините, ваше сиятельство, — вновь склонила я голову, — но награда не соответствует сделанному, поэтому скорее унижает, чем возносит. И я прошу вас...

— Хорошо, деточка, — перебила меня княгиня.

Чувствовала она себя явно значительно лучше. А то, что еще в постели... Наблюдавшим за ней целителям платили огромные деньги. На их месте я бы тоже не торопилась разрешать своей пациентке вставать.

Я утрировала. Отец никогда не смешивал деньги и здоровье. Тому и меня учил.

— Данила Евгеньевич, — переключилась княгиня на профессора, — на столе лежит конверт. Возьмите его.

Прежде чем сделать, как велели, Соколов бросил на меня быстрый взгляд.

Когда с тобой вот так... Неприятно это. Особенно когда на большее, чем уже получил, и не претендуешь.

— Данила Евгеньевич, — продолжила княгиня, словно и не было заминки, — Сашенька еще очень молода. Я попрошу вас распорядиться этими деньгами в ее пользу. Впереди осень, зима. Если девочка в чем-то нуждается...

Я ни в чем не нуждалась. Если только в человеческом ко мне отношении. Но, похоже, здесь мерили другими мерилками. И мне оставалось только радоваться.

С выводами я несколько поторопилась.

— Сашенька, ты извини, что отдариваюсь деньгами. Но мне очень хочется, чтобы ты училась спокойно, ни в чем не нуждаясь. И если я могу хоть как-то поучаствовать в твоей судьбе... — Ее взгляд потускнел. Губы сложились в скорбную улыбку.

Печаль, которую я видела, выглядела искренней. Но была ли таковой?

Этим вопросом я и задавалась, пока ехали к Трубецким. Хорошо еще, дорога получилась недолгой, а то бы голову себе сломала.

Игорь был уже у Трубецких. Вышел встречать нас вместе с Александром.

— Данила Евгеньевич! — после того как помог мне выйти из машины, с коротким поклоном поприветствовал профессора мой тезка.

— Ваше будущее сиятельство... — не остался в долгу Данила Евгеньевич.

— Кажется, — криво улыбнулся тезка, — визит к Воронцовым оказался не столь приятным, как ожидалось. Но смею вас заверить, Данила Евгеньевич, у нас вас ожидает самый теплый прием.

— Только меня? — несколько «отмяк» профессор.

— Про Александру Игнатьевну мы тоже не забудем, — ниже, чем профессору, поклонился мне Трубецкой.

Я только фыркнула.

О том, что во врагах он мне нравился больше, чем в друзьях, думала уже не раз. И каждый раз обманывала саму себя.

Игорь был как якорь. Не всегда спокойно, но всегда надежно. С таким, как он, не страшно и на необитаемый остров.

Саша... Саша как океан. Штиль — иллюзия. Там, под гладью, вздымался девятый вал. Про таких, как он, говорят: или все, или ничего. В страсти с таким остро и горячо. А вот как в жизни?

Мысль заставила замереть. И — покраснеть.

Длилось это недолго. Я разозлилась на саму себя раньше, чем кто-то заметил мое смущение.

Сближаться ни с тем, ни с другим мне не стоило. Я — не Александра Салтыкова. Кто знает, как они отреагируют, когда правда выплывет наружу.

Тезка не обманул, прием был теплым.

Князя не было — его ожидали к ужину, но младшенький старался за троих. Анекдоты, истории из собственной жизни, армейские будни, в рассказах о которых ему усиленно помогал Игорь... Не всегда — больше наблюдал за мной или общался с Данилой Евгеньевичем, но всегда к месту.

Так много и с таким удовольствием я давно не смеялась.

Замолкал он лишь по моей просьбе, да и то ненадолго. С «капельюшечками» я работала по схеме: минута воздействия, две минуты отдыха.

Вот этими двумя минутами он и пользовался, чтобы довести нас с Тамарой Львовной едва ли не до икоты.

Жаль, что все в жизни имеет свойство заканчиваться.

Или — прерываться, как это было в нашем случае.

— Так! — Тамара Львовна поднялась с тахты, на которой лежала, пока я работала. — Сейчас ужинаем...

— ...и повторим, — закончила я за нее.

— Что? — остановившись, оглянулась она.

— Саша? — отвлекся от разговора с Игорем Данила Евгеньевич.

— Через час надо повторить, — выразительно посмотрела я на профессора.

В отличие от Игоря за моей работой он не следил. Все нюансы мы с ним обсудили еще в прошлый раз. Мне оставалось четко следовать намеченному протоколу.

— Саша? — подошел он ко мне. На лице не то облегчение, не то изумление. — Ты уверена?

— Уверена, — довольно улыбнулась я. «Умерший», казалось, заднемедиальный канал левой ноги заработал. Пока едва-едва, на ту самую капельюшечку, но это уже было больше чем ничего. — Но нужно, чтобы убедились вы.

Он не то качнул, не то дернул головой. Хотел что-то сказать, но вместо этого только открыл рот. Потом его закрыл...

Пока приходил в себя, я посмотрела на Тамару Львовну.

Княгиня была спокойна. И если что и читалось в ее взгляде и позе, так торжество. Мол, я же вам говорила.

Как ни странно, но в том, что так скоро начали добиваться результата, имелась и ее заслуга. Такая вера, как у Тамары Львовны...

На такой вере и случаются чудеса. Потому что иначе просто быть не может.

— Все, на этом разговор заканчиваем, — строго, но с улыбкой произнесла Тамара Львовна и, как модель на подиуме, направилась к выходу из кабинета. — Сначала ужин, затем все остальное.

— Мам, — задержал ее у самой двери Саша, — мы придем минут через пять.

Тамара Львовна перевела взгляд с него на Игоря, потом посмотрела на меня...

— Не позже чем через десять, — бросила она и, взяв профессора под руку, вышла из комнаты.

Лучше бы остановилась на пяти. Меня ждал форменный допрос. И избежать этого было невозможно.

— Опиши ту блондинку, — как только за Тамарой Львовной и профессором закрылась дверь, потребовал тезка.

— Слушаюсь и повинуюсь! — Приложив левую ладонь к макушке, двумя пальцами правой я прикоснулась к несуществующему головному убору. Вроде как отдала воинское приветствие. — Не старше двадцати пяти. Высокая. Рост метр семьдесят пять — метр восемьдесят. Худощавая. Цвет волос натуральный. Лоб высокий, брови светлые. Нос прямой, остренький. Глаза большие.

— На левой щеке родинка, — продолжил за меня тезка. — Антонина Ушакова.

— Неожиданно, — встал с ним плечом к плечу Игорь. — У нее не самая хорошая репутация.

— Мало сказать нехорошая, — скривился Трубецкой. — Слышал, ее даже в монастырь отдать хотели. Уж больно много скандальных историй за ней тянулось.

— Например? — не удержалась я от любопытства.

Игорь с Александром переглянулись и... промолчали. А Сашка еще и перевел разговор на другое:

— В нашем классе училась младшая сестра Антонины. Но после конфликта ушла в другой лицей.

— Про конфликт можно не спрашивать? — мило улыбнулась я.

— Ну почему, — хмыкнул тезка. — Залезла другой девочке в трусы, если тебя не коробит от таких подробностей.

Меня — коробило, но в жизни случалось и похуже.

— В каком классе это было? — уточнила я.

— В первом старшем, — внимательно глядя на меня, ответил он.

— А сколько детей в семье?

— Пятеро, — опередил Трубецкого Игорь. — Трое сыновей.

Кивнув — понятно, подумала о своем. Пятеро детей... Братья. Сестры.

Интересно, какой оказалась бы моя жизнь, если бы у меня была большая семья? Если бы к нам приезжали в гости бабушки и дедушки? Забирали бы меня на каникулы?

— Саш! — встряхнул меня за плечи тезка. — Что случилось?

Я посмотрела на него сквозь пелену на глазах. Баран бараном, но иногда меня пробивало на сентиментальность.

— Старшая ведь лесбиянка? — сморгнув слезы, снизу вверх посмотрела я на Трубецкого.

Он медленно, вроде как нехотя убрал руки с моих плеч. Оглянулся на Игоря. Вздохнул.

Похоже, тема ему не нравилась. И не только ему. Я, конечно, понимала, что все люди разные, но для себя этого не принимала категорично.

— А еще наркоманка, — наконец произнес тезка. — Полгода провела в частной клинике.

— Тогда внимание, вопрос, — подключился к разговору Игорь. — Кто и за что допустил ее к работе врачом?

Стоило признать, в этом я была с Игорем согласна. Правила в медицине и целительстве действовали жесткие. Наркотики с ними были несовместимы.

ГЛАВА 15

Такого от младшего Трубецкого я точно не ожидала.

Судя по всему, Людмила Викторовна, с которой мы вышли из дома в одно время, тоже. Вместо привычного внедорожника — у всех парней были именно они, — машина представительского класса, да еще и с гербами рода.

Если я правильно понимала ситуацию, то это было продолжение истории с хирургом, о которой я успела забыть. В отличие от Александра с Игорем.

Чем-то они мне напоминали Андрея с Ревазом. Вроде и полная самостоятельность, но стоит приглядеться — отовсюду торчат чьи-то уши.

Ненавязчивая забота...

Спорить бесполезно. В этом я уже не раз убеждалась. Потому и не стала ничего говорить. Лишь с намеком улыбнулась Людмиле Викторовне. Мол, теперь мне и сам черт не страшен. С такой-то поддержкой.

Пока ехали в больницу — за рулем находился шофер, вспоминали события прошлого вечера.

Ужин был великолепен, князь, вернувшийся домой буквально в последнюю минуту, неподражаем. Если бы мне сказали раньше, что тот самый старший Трубецкой, которого отец называл акулой, может быть таким милым и непосредственным...

Еще один житейский опыт. Мы все — разные. И особенно отчетливо это видно, когда речь идет о друзьях и врагах.

С этой простой мыслью я вышла из машины. Закинула рюкзачок на плечо.

Когда разговаривала с Людмилой Викторовной о сдаче зачета, была уверена, что справлюсь без труда.

В том, что касалось навыков, не ошиблась. Да, было тяжело, но вполне по силам. А вот морально...

Я рассуждала о врачах-небожителях и их отношении к медсестрам и санитаркам, но забыла, что и сама собиралась примерить

подобный «нимб». Целители, особенно сильные, были еще одной кастой. Той, которая над всеми.

Вам нужны чудеса? Они у нас есть!

В голову лезла всякая белиберда.

— Саш, мне кажется или ты последние дни чем-то расстроена? — не дав уйти не попрощавшись, остановил меня Трубецкой.

Я развернулась.

Водитель, который помогал мне выйти, стоял у машины и вроде как даже не смотрел в нашу сторону. Но я чувствовала поток его внимания.

— Саш?

— Кажется, я вчера выложились сильнее, чем думала, — чуть заметно улыбнувшись, нашла я весомую причину для резко испортившегося настроения. — У меня такое бывает. Называется откат.

— Может, перенесем поход в клуб на завтра? — не усомнился в сказанном Трубецкой. Но посмотрел почему-то не на меня, а в сторону больницы.

Я оглянулась. Тот самый хирург стоял на крыльце и наблюдал за нами.

Хотелось бы сказать про пикантную ситуацию, но ни одному, ни другому я ничего не обещала. Более того, с тезкой нас связывали хотя бы общие дела, а с этим типом...

С этим типом у нас была общая палата. Если, конечно, сегодня мне предстояло работать с ней же.

Мне стало смешно, но я сдержалась. Подобные перепады настроения мне не свойственны, но причина данного конкретного случая была понятна. Я скучала! По отцу, по Ревазу, по Андрею, который уже второй день не выходил на связь.

Внимание Игоря и Александра напоминало об этом, давая до самого нутра прочувствовать, как их не хватает.

— Мы ничего не переносим и не меняем, — улыбнувшись, решительно произнесла я. — И удачи на танцах. Тяните ножку, господа будущие офицеры!

— Язва, — фыркнул тезка уже мне в спину. И добавил: — Из больницы тебя забираю я.

Оборачиваться я не стала, но рукой помахала. Чтобы знал, что слышала.

Статус изменился, но обе палаты остались за мной. И за Любочкой, вновь ставшей моей наставницей.

За вечер и ночь особых изменений не произошло. Двоих готовили к выписке, одного — тучного мужчину лет сорока пяти — к операции. Васильева чувствовала себя лучше и, когда я вошла, встретила улыбкой. Старичку было все равно, но я порадовалась, что ему не хуже.

А вот Иванов, который с начинающейся гангреной...

Задавать вопросы Рахиме Симбаевне я не стала, хотя и очень хотелось. Я решила так: если до конца смены ничего не изменится, позвоню Людмиле Викторовне. Оставлять его без помощи, точно зная, чем грозит промедление, я не собиралась.

Светлану утром я не видела, а вот Тоню встретила. Та словно специально стояла у лестницы и ждала меня. Увидев, приветливо улыбнулась.

Я ответила тем же. Неизвестно, об одной и той же Тоне мы с парнями говорили. Да и Тоня ли она? Могло быть даже не совпадение, а банальная ошибка. Вот пойду в четверг в клуб...

Посоветовавшись, посчитали, что приглашение Светланы стоит принять. Хотя бы для того, чтобы не корить себя потом за отказ.

— А вот и наша восходящая звезда!

Работе мысли не мешали. Температуру пациентам измеряла ночная смена, мне оставалось только исполнить утренние назначения. Подготовить и раздать порошки и таблетки. Проконтролировать, чтобы приняли. Отправить ходячих на процедуры, поставить уколы лежачим.

Дел много, но самое интересное начиналось на обходе.

Мне повезло особенно. Этот обход проводил заведующий отделением хирургии. Именно ему принадлежала реплика про звезду. И смотрел он при этом на меня.

В свите — Рахима Симбаевна, четверо интернов, среди которых пара девиц, и тот самый хирург, Роман Сергеевич Углев, — хихикнули.

Глупо, но это были не мои проблемы, что в воспитании у некоторых оказались серьезные пробелы.

— Ну что, юное дарование, — словно не заметив реакции, продолжил заведующий, кивнув на Иванова, — разверните нам над этим господином диагностическую магему.

Бросив быстрый взгляд на Рахиму Симбаевну — та была спокойна и наблюдала за происходящим скорее с удовлетворением, чем с досадой, я подошла к кровати пациента.

— Большую или малую? — уточнила я у заведующего.

Заведующий был целителем. Более того, он был сильным целителем и этого факта не скрывал, позволяя себя «считывать».

А еще он был крупным. Большим, крепким, как медведь. Да и ходил чуть переваливаясь, словно пытаюсь точно соответствовать предложенному природой образу.

— Давайте раскинем большую, — подойдя к изголовью кровати Иванова, выбрал он. — И смелее, смелее. Раз уж начали, дело нужно доводить до конца.

В этом он был прав. К тому же негатива от него я не ощущала. Если только некоторый азарт.

Магема сформировалась без труда. Один блок, второй, третий... пока не дошла до конца. Растянула над лежавшим Ивановым, зафиксировала, тут же добавив визуализации.

Врачей учили разбираться в наших методах диагностики. Так же как целители обязаны были знать возможности классической медицины.

— Ну и что у нас здесь? — протянул заведующий.

Я уже хотела ответить, но он развернулся к интернам, вставшим отдельной кучкой, и пригласил:

— Подходите ближе. Для вас старались.

Я несколько удивленно посмотрела на Рахиму Симбаевну. Та, заметив, перевела взгляд на хирурга.

Ситуация становилась все интереснее. Роман Сергеевич улыбался. Не скажу, что ободряюще, но тоже с некоторым задором.

— Ну что же вы молчите? — поторопил заведующий подошедших ближе интернов. — Мне кажется, начинающаяся гангрена видна здесь очень отчетливо.

— Но по УЗИ... — попыталась оправдаться одна из девушек.

— А разве вам не говорили, что целительские диагностики способны определить заболевание еще до того, как мы увидим

изменения в органах и системах? — чуть повысил голос заведующий.

Прозвучало очень грозно. Я даже поежилась. Такому явно не стоило попадаться под горячую руку.

Вот зря я подумала про горячую руку.

Не знаю, что заведующий почувствовал — эмпатией он точно обладал, но, отвлекшись от интернов, посмотрел на меня. Потом чуть склонил голову, словно пытаюсь понять, что со мной делать.

Я уже хотела сказать, что могла бы начать лечение, но не успела.

— Ну что ж, с магемой вы справились на «отлично», — многозначительно улыбнулся мне заведующий. — Теперь выясним, как у вас получится провести предоперационную подготовку. Клизма, бритье и далее по списку. Роман Сергеевич, кто у вас сегодня первым?

Если я правильно запомнила план операций на сегодня, то первым у Романа Сергеевича был тот самый тучный мужчина, лет сорока пяти и весом не меньше ста двадцати килограммов.

Что ж, как говорил отец, ни одно доброе дело безнаказанным не останется.

А раз так, то... клизма, бритье и далее по списку.

Как раз то, что должна сделать медицинская сестра, готовя пациента к операции.

* * *

Трубецкой поднялся. Прихватив газету — желтая пресса, но не из самых худших, дошел до терминала дежурных, которых сегодня было трое. Постоял немного, рассматривая то, что происходило на мониторах.

Когда вернулся к его столу, взгляд князя был уже спокоен.

— Не рано? — бросил он газету.

Особой нужды не было — уже видел, но Андрей газету взял, развернул.

Заметка была небольшой, да и не на первой странице. Но устраивать сразу серьезный кипиш они не собирались. Пусть разносится потихоньку. Кто надо — прочтет, кому надо — передаст. Ну а дальше...

— Князь Воронцов запрос в полицейское управление уже сделал, — отбросил он газету. — Завтра этот же репортер раскопает свидетельства его сговора с Бабичевым.

Трубецкой, прежде чем что-то сказать, пошевелил губами, словно пробуя услышанное на вкус. По глазам было видно, что вкус ему понравился. Осталось дожидаться реакции на послевкусие.

— Добавить бы про амулет подчинения, но... — Князь качнул головой. — Сашу нужно держать от этой истории подальше.

— Но предупредить стоит, — согласился Андрей. — А то испугается...

— Она испугается, а нам расхлебывать последствия, — не без удовольствия ухмыльнулся Трубецкой. Передвинув стул, чтобы видеть экран монитора на столе, сел. — А детки наши спелись. А какие умненькие...

На этот раз усмехнулся Андрей. Когда передал группе, что вела дело по маньячкам, записанные разговоры, те чуть не пустились в пляс.

Сначала им серьезно сузили круг подозреваемых, потом вывели на Светлану Воробьеву и Антонину Ушакову... И хотя до результатов было еще далеко, версия с их участием выглядела весьма перспективной.

Да и факты...

Через сутки должны получить результаты сравнительной ДНК-экспертизы. И если она подтвердит, что той самой блондинкой, чей волос остался на одной из жертв, была Антонина Ушакова...

Внучка князя Ушакова. Доказательства в таком варианте должны были быть железобетонными. Улика же тянула только на косвенные. Мало ли где и при каких обстоятельствах попал этот волос на одежду жертвы.

— Я от этих умненьких деток уже спать не могу, — пожаловался Трубецкому Андрей. — От каждого шороха вздрагиваю.

Князь засмеялся, но как-то грустно. Две дочери... А вот сын у него был единственным. Вроде и сообразительный, но в таком возрасте на здравость рассудка полагаться не стоило.

— Ничего... Еще несколько дней, — вроде как невпопад ответил на его откровения князь.

Но Андрей понял, о чем тот хотел сказать. Долго маньячки не продержатся — гореть у них должно. А вот когда выйдут на охоту...

— Первый, я четвертый. Контрольное время — три минуты, — заставил их свернуть тему вышедший на связь командир группы.

— Принято, три минуты. — Чуть повернув монитор, на котором было здание полицейского управления, Андрей нажал на клавишу передатчика. — Я — первый. Операцию продолжаем.

— Принято, операцию продолжаем. Я — четвертый.

— Терпеть не могу ждать. — Отключив рацию, Андрей посмотрел на Трубецкого. — Особенно когда не сам в деле.

— Все не остепенишься? — поддел его Трубецкой. Но когда Андрей попытался оправдаться, махнул рукой. — Сам такой же. Вроде уже дед, а все тянет влезть в какую-нибудь авантюру.

Говорить, что самой большой авантурой князя было решение принять предложение императора и возглавить один из самых серьезных отделов Тайной коллегии, связанный с внутренней безопасностью империи, Андрей не стал. С этой точки зрения и сам далеко от князя не ушел.

Формулировка «внутренняя безопасность» звучала расплывчато. Да и задачи, поставленные перед отделом, подразумевали широкое толкование. И только с ресурсами все было более-менее понятно. Армия — в исключительных случаях. Остальное — по мере необходимости.

— Стрелок на точке. Периметр — чисто, — выплонула рация голосом Стаса.

Трубецкой медленно выдохнул.

А вот Андрея словно переключило, отрубив волнение. Операцию разрабатывал Стрельников. Он же был на месте, контролируя ситуацию, как говорил, на ближних подходах.

Предложенный изначально план довольно быстро претерпел изменения.

Варланов, который следователь, у главы рода все-таки побывал. И, следуя инструкции, довел того до белого каления.

Реакция ждать себя не заставила. Чтобы обеспечить внуку соответствующую охрану, старший Варланов посчитал необходимым забрать семью младшего сына в поместье.

Сам Варланов-дипломат если и был против, то сказать ничего не мог. Против такого отца и захочешь, а не попрешь.

Полицейское управление тоже высказалось «за» — услуги стрелкового клуба оплачивались из государственной казны, но поставило условие. Допрос мальчика. Без родителей, но в присутствии детского психолога.

Если брать во внимание возможную вину Варланова-дипломата, то ситуация выглядела критично. Разговорить шестилетнего ребенка...

Работать с мальчиком должен был серьезный специалист.

С критичным они не ошиблись. Вышедший на снайпера посредник потребовал закончить до того, как начнется допрос.

Все как они и просчитывали.

— Четвертый первому. Прибыли.

— Принято, прибыли. Я — первый, — отозвался Андрей, наблюдая на мониторе, как две машины въезжают во двор управления.

Сначала выскочили парни из первой. Встали в оцепление, «подвесив» купол над площадкой перед второй машиной. Потом из второй машины появился Владимир, старший той самой группы, которой довелось освобождать Яну. Осмотрелся...

Нужды в этом не было. Магический комплекс наблюдения, которым был оснащен его шлем, выдавал картинку со всех сторон.

— Четвертый первому. Выходим...

Андрею хотелось буркнуть, что уже вышли, но он только произнес:

— Первый принял. Выходите.

Можно было сказать, что на этом все и закончилось...

— Семь минут передышка, — произнес Андрей, когда Владимир, передав мальчишку вместе с сестрой и матерью полиции, покинул здание.

— Предлагаешь поспорить? — Трубецкой даже не расслабился. Внешне — спокоен, но взгляд... Взгляд буквально ввинчивался, добираясь до нутра.

— Стас, слышишь, нас тут разводят на «слабо», — криво усмехнувшись, вызвал Андрей Стрельникова. — Говорят, в семь минут не уложимся.

— Что на кону? — без малейшего намека на азарт уточнил невидимый Стас.

Андрей приподнял бровь, словно говоря, что раз уж заикнулся, то придется идти до конца.

— Ящик лучшего коньяка из моих запасов, — принял вызов Трубецкой.

Андрей мог сказать, что они со Стрельниковым к алкоголю равнодушны, но... При случае как раз похвалиться, что отыграли у самого Трубецкого.

— Принимается, — похоже, думавший так же, отозвался Стрельников. И тут же зафиксировал время с момента передачи ребенка: — Минута двадцать.

Трубецкой кивнул. По времени — точно.

— Специально для спорщиков, — вновь подал голос Стас, — объект на втором этаже.

Андрей не пропустил, как у Трубецкого дернулась губа. То ли ирония, то ли... Вопрос, кто кого поймал на крючок, оставался открытым.

— Не знаешь, кто у Воронцовых сливает Стрельникову?

Андрей посмотрел на Трубецкого, качнул головой. Знать он, конечно, знал, но вот говорить об этом князю не собирался. И не важно, что он вроде как начальник. Эти козыри были их. Личными.

— Настолько доверяешь ему? — не отставал Трубецкой.

Говорить, что у князя достаточно своих осведомителей, которыми он не торопился делиться, Андрей не стал. Разговор был ни о чем — только протянуть время.

— Доверяю, — коротко произнес он, бросив взгляд на часы.

Стрельников словно только этого и ждал.

— Пять двадцать. Объект на третьем этаже. Идут к кабинету. — И добавил уже для Федорова: — Стрелку готовность.

Что тот ответил, Андрей не слышал, работал на другой линии. Но к чему слышать и видеть, когда представляешь себе картинку до мельчайших подробностей.

От управления до здания, где сидел снайпер, девятьсот семьдесят метров.

Не самая дальняя дистанция, но права на ошибку у Федорова нет. Выстрел должен быть один. И точно в голову манекена, которому предстояло изображать ребенка.

— Шесть десять.

Кабинет, в который вошли следователь Варланов, детский психолог и мальчик, оставив его мать и отца в коридоре, был с секретом. Фальшпанель, за которой скрывался запасной выход.

— Шесть двадцать...

Выстрел они не услышали — увидели на экране монитора, как расплзлась «изморозь» вокруг появившегося в стекле отверстия.

Работа была выполнена.

Работа только начиналась. Все, что они сделали, — вывели ребенка из-под удара.

* * *

— Саш...

Меня дернули за плечо. Потом еще раз...

С трудом открыла глаза, посмотрела на теребившего меня младшего Трубецкого.

— Что? — спросила я, не совсем понимая, почему на его физиономии насмешливая улыбка.

— Ты уснула, — хмыкнул он. Забрал лежавший у меня на коленях рюкзачок, подал мне руку, помогая спуститься с барного стула.

— Я? Уснула? — встав, попыталась возмутиться я. Потом вздохнула и пожала плечами.

Второй зачет я получила. Чего это стоило — отдельная история. Клизмой и бритьем дело не закончилось. И ладно бы продолжилось уколами, капельницами, обработками и прочими манипуляциями, которые должна уметь делать медицинская сестра.

Нет, все это, конечно, было, но с документацией, которую меня попросили заполнить, я просидела до пяти часов. Могла и дольше, если бы не сжалилась Любочка и не помогла все быстренько закончить.

Потом был визит к Трубецким. Данила Евгеньевич работал с Тамарой Львовной, я — с Сергеем, который продолжал охранять Яну, несмотря на службу безопасности князя.

Домой мы с профессором вернулись в восемь. За ужином — Людмила Викторовна и Юля нас ждали — обменялись последними новостями.

Потом я приняла душ, переоделась...

Игорь заехал за нами с Юлей в половине десятого. В десять были в клубе. На этот раз в «Паутине», который тоже принадлежал роду Ушаковых.

Как и в прошлый раз, первой внутрь прошла я и села у самого края барной стойки. Остальные подошли позже, но я проследила, где устроились. Мягкая зона. Сами не на виду, но я постоянно была на глазах.

Однако старались мы зря, все было тихо. Никакого алкоголя в безалкогольном коктейле. Никаких желающих познакомиться. Люди веселились, танцевали, пили...

Я была сама по себе. Вроде и в центре шумной феерии, но словно отгороженная куполом. Не слышно и не видно.

В какой момент уснула, даже не заметила. Вроде только на секундочку прислонилась головой к столбу, рядом с которым сидела, и все. Открываю глаза... а тут тетка.

— Иди. Игорь отвезет вас с Юлей.

— А вы? — еще немного сонно спросила я.

— А у нас еще дела, — многозначительно протянул он и, отдав мне рюкзачок, развернул к выходу.

Я только дернула плечом. Дела так дела. Главное, чтобы утром не проспал и отвез меня в больницу.

Зачеты я получила, но заведующий попросил выйти еще на один день. Во-первых, не хватало медсестер, так что лишние руки лишними не были. Во-вторых...

Одному ему со своевременной и качественной диагностикой справиться было сложно. А я вроде как дармовая сила. Договоренность на три дня, вот и пользовались.

А я сильно и не сопротивлялась. Почему бы не помочь, если могла.

Пробиралась я к выходу по краю танцпола. Народу немного, толкаться не пришлось.

Звучала грустная мелодия. Парень душещипательно пел о неразделенной любви. Пары медленно раскачивались, выглядя нереальными в пробиваемом цветными всполохами тумане, который создавали дым-машины.

Меня толкнули на полпути. Я, отскочив, потерла ушибленную руку. Посмотрела вслед явно нетрезвой девице, для которой стала препятствием.

Та, словно почувствовала взгляд, остановилась, оглянулась.

И надо же было музыке оборваться именно в этот момент.

— Пошла отсюда, сучка! — сплюнув на пол, бросила мне девица. — Еще раз встанешь на моем пути... — Она показала неприличный жест и, развернувшись, направилась к мягкой зоне, откуда доносились взрывы хохота.

А я осталась. Не сказать, что растерянная, но опустошенная этой выходкой — точно.

Внутри все замерло, застыло. Была лишь я и вопрос, на который должна найти ответ. Зачем мне все это? Москва? Академия? Сильные мира сего?

Ведь была у меня другая жизнь. И в той жизни...

— Не обращай внимания, — вырывая из оцепенения, раздалось за спиной.

Разворачиваться не пришлось. Говорившая сделала шаг, встав рядом.

— Кичится своим происхождением, а у самой дар слабенький, так что на хорошую партию без соответствующего приданого вряд ли сможет претендовать.

— Вы ее знаете? — не удержалась я от вопроса.

Не знаю почему, но мне это показалось важным.

— Ирина Салтыкова. Внучка князя Салтыкова.

Я хмыкнула. Надо же... Двоюродный братец по отцу — бабник и балабол. Двоюродная сестрица по матери — хамка и потенциальная алкоголичка.

— Кстати, я — Тоня, — представилась моя собеседница. Та самая женщина, которую я видела со Светланой и которая встречала меня утром в больнице. — А ты чего одна?

Последнюю фразу она практически прокричала. Вновь заиграла музыка. На этот раз быстро и оглушительно.

— А с кем? — повернувшись, громко спросила я.

Там она была... такой же, как все. В первую очередь врач, все остальное — за стенами больницы.

Здесь она была женщиной. Молодой, эффектной, знающей себе цену. И эта цена была написана у нее на лбу огромными буквами.

А еще она была одинокой. И от этого одиночества отнюдь не страдала. Если даже не наоборот.

Тоня, прежде чем ответить, показала на выход. В ответ я кивнула. Тут точно не поговоришь.

Вышли мы не в холл, а на улицу.

После душного помещения воздух показался свежим. Стало зябко. Не удержавшись, я передернула плечами. Машинально оглянулась на здание клуба.

Красиво. Вычурно. Богато. И — нарочито, напоказ.

Я бы предпочла провести этот вечер иначе. И следующий — тоже.

— Я видела тебя утром с Александром Трубецким, — возвращая меня в настоящее, произнесла Тоня. Отошла к скамейке, но садиться не стала, поставила на нее ногу.

Была в платье. Ткань обтягивала шикарную фигуру. Длинный разрез сбоку позволял увидеть резинку тонкого чулка.

Я хоть и не парень, чтобы пускать слюни на девиц, но увиденное оценила. Тоня была в отличной физической форме.

Но не это сейчас имело значение. Скривившись, я качнула головой:

— Я помогаю профессору лечить его мать. Ценный ресурс.

Ее взгляд не изменился, но меня едва ли не обдало холодом. Дохнуло и... все ушло, словно почудилось.

— Все мы чьи-то ценные ресурсы, — равнодушно произнесла она. — Сейчас домой?

— Да, — кивнула я. — Завтра на работу.

— И в клуб, — улыбнулась она. Выглядело вполне искренне. — Ты ведь придешь?

Я опустила голову. Потом подняла ее... В моих глазах она должна была увидеть если не недоверие, то что-то похожее на него.

И ведь даже играть практически не пришлось. Ирина Салтыкова своей выходкой помогла сжиться с ролью.

— Приходи, — вроде как уговаривая, произнесла она. — С нами будет весело, обещаю.

— Я подумаю, — не стала ничего обещать я.

Достала из рюкзака телефон, набрала номер такси.

Главное, чтобы ребята сообразили и ничего не испортили.

Ребята сообразили. И не испортили.

Когда подъехала к дому профессора, внедорожник Игоря стоял неподалеку.

Я бы не заметила — было уже темно, но после того, как, рассчитавшись с водителем, вышла из машины, пару раз моргнули фары, привлекая внимание.

Во внедорожнике были все, включая младшего Трубецкого. И все жаждали подробностей нашего с Тоней общения.

Испытывать их терпение я не стала.

— Не уверена, что это она, — закончив рассказ, подвела я итог. — Целительского дара нет, а вот стихийный — да. И, насколько я могла уловить, конфликтный. Огонь и вода.

Игорь как-то нервно постучал по рулю. Юля — нахмурилась. Похоже, уже считала, что дело сделано.

Я бы тоже хотела так думать, но чем отличается аурный след наркомана, мне было известно только теоретически. Однако признаки довольно четкие, такие трудно пропустить.

Впрочем, был один нюанс, который стоило учитывать. Тот самый конфликт стихий. Картину он смазывал очень сильно.

— Уверена не уверена, все равно нужно проверять, — подал голос Антон. — Тем более что уже настроились. Илья, ты узнал про Воробышка?

Воробышек — Светлана Воробьева. Бывшая их одноклассница. Я ведь хотела спросить про нее у Тони, но забыла.

— Тайна, покрытая мраком, — недовольно фыркнул Илья. — В прошлом году завалила экзамены в Первый мед. Потом вроде как собралась замуж и исчезла. Вновь появилась шесть месяцев назад. Устроилась на работу в больницу...

— Замуж она действительно собиралась. Но как раз в это время выяснилось, что ее отец завел молодую любовницу, — перебил его Трубецкой. — Мать устроила скандал, дело дошло до развода. Старший брат Светки ушел из дома, у самой Светки нервный срыв. Все то время, что о ней не было слышно, она провела в клинике.

— И откуда ты это...

— Места надо знать, — несколько грубовато перебил Илью Трубецкой. — Лично меня больше интересует Ушакова.

Меня она, конечно, тоже интересовала, но...

— Вы как хотите, а лично я хочу спать, — свернула я разговор. — Мне, как и некоторым из присутствующих, вставать в шесть часов.

— Понял, — сдаваясь, поднял руки тезка. — Барышни идут отдыхать, а мы...

— А лично вам, — вновь повторила я ту же форму, — завтра подрабатывать водителем, оберегая ценный ресурс от всяких там посягательств.

Шутка звучала незамысловато, однако обстановку немного разрядила.

Не знаю, как остальные, я была этому только рада. Еще бы позвонил Андрей, чтобы я совсем успокоилась.

Но Андрей не звонил. А я почему-то беспокоилась за него не меньше, чем за отца с Ревазом.

* * *

Третий день работы. Моя смена подходила к концу.

Как ни странно, я этому не радовалась. Здесь все было предельно ясно и понятно. Есть обязанности, которые ты должен выполнить. А все остальное шло фоном. Все эти симпатии и антипатии... Будучи подростком, воспринимала иначе, теперь же осознала, что выстроенные ранее схемы взаимоотношений отступали на второй план, когда дело доходило до главного — человеческой жизни и здоровья.

Так что этим трем дням я была благодарна. Чтобы повзрослеть, нужно не только научиться обуздывать собственные желания и иначе смотреть на мир, но и признать, что опыт без ошибок практически невозможен.

Именно они толкали нас вперед, заставляя меняться. Увы, не всегда в лучшую сторону.

Есть философский настрой мне не мешал. Слушать сидевшего напротив Романа Сергеевича — того самого хирурга, которого я, пусть и на время, собиралась оставить бесплодным, тоже.

А говорил он интересные вещи. Но — неприятные:

— Несмотря на ваши таланты, ему не разрешат жениться на вас.

— Кому? — отреагировала я непонимающим взглядом.

Кстати, Роман Сергеевич оказался нормальным человеком. По крайней мере, своим привилегированным положением он не кичился.

— Княжичу, — улыбнувшись, пододвинул он мне стакан с компотом. Свой я уже допила, а за добавкой идти было откровенно лень.

— Какому? — даже растерялась я.

— Трубецкому, — хмыкнул хирург. Похоже, мое изумление его позабавило.

А я едва не хлопнула себя по лбу. Это для меня младший Трубецкой был младшим Трубецким или тезкой, для всех остальных Александр являлся наследником княжеского рода.

Нюанс, о котором я забыла. Да и стоило ли помнить?! Замуж за него я точно не собиралась.

— Вы неправильно все поняли, — вздохнула я. — Он за мной вроде как присматривает.

Роман Сергеевич только рассмеялся.

А я повторила фразу и... засмеялась тоже. Это «присматривает» выглядело как ухаживание.

— Профессор Соколов взял меня помощницей. Княгиня Трубецкая — его пациентка, — успокоившись, сделала я вторую попытку определить наши отношения.

— Я понял, — едва ли не сильнее развеселился хирург. — Наивное вы еще дитя, — продолжая улыбаться, заметил он. — К концу первого курса большая часть девиц будет уже замужем или помолвлена. Целительница в роду — хорошее приобретение.

— У княжича только сестры, — напомнила я. — И я замуж...

Пришедшее на его телефон сообщение не дало мне закончить.

— Экстренный, — поднялся он. — Если уже не увидимся, то — удачи. И помните, что замуж вы не собираетесь.

Я проводила его взглядом до выхода из столовой.

С планами, которые строил на меня заведующий отделением, я не ошиблась. Двенадцать диагностик за полдня даже для опытного целителя — серьезная нагрузка.

С интерпретацией в большинстве случаев были проблемы, но диагноза от меня и не требовали. Главное, развернуть магему и дать хорошую визуализацию.

Не без труда, но я с этим справилась. И не важно, что во время последних двух пришлось уговаривать саму себя. Держать концентрацию, когда у тебя уже начинают подрагивать руки, довольно сложно.

Мое одиночество продлилось недолго, даже допить чужой компот не успела.

— Устала? — устроилась напротив Рахима Симбаевна.

Говорить, что очень, смысла не было, просто кивнула.

Можно было, конечно, себя немного взбодрить, но я решила, что оставлю эту возможность на вечер. Будет смешно, если опять усну за барной стойкой.

— Ты хорошо поработала, — улыбнулась она. — Даже жаль расставаться.

— Мне тоже, — призналась я. Сегодня я почувствовала себя нужной. И поняла, что действительно хочу помогать людям.

— Даже таким, как Суворин? — насмешливо уточнила она.

Я, тяжело вздохнув, улыбнулась.

Суворин — молодой парень. Посмотришь — вполне обычный. Не красавец, конечно, но и не урод.

Но стоило ему заговорить...

По сравнению с ним Ирина Салтыкова, с которой я столкнулась прошлым вечером в ночном клубе, была едва ли не образцом для подражания.

Цензурными в его речи были только предлоги, да и те звучали матерно.

А еще у него все были виноваты. Родители, что небогаты. Приятели, с которыми напился и нарвался на драку. Тот урод, который выбил ему зубы. И второй, толкнувший так, что он расплосовал себе ногу о торчавший из доски гвоздь. И врачи, которые неправильно лечили. И медсестры...

Честно признаться, смысла делать ему диагностику я не видела, но... ошиблась. Внутреннее кровотечение. Разрыв селезенки. А он на фоне всего остального даже не чувствовал.

— И таким, как Суворин, — повторила я. Не для Рахимы Симбаевны — для самой себя. — А вы не знаете Антонину из кардиологии? — неожиданно вырвалось у меня.

И ведь не собиралась спрашивать...

— Это Ушакова которая? — помрачнела Рахима Симбаевна. Когда я подтвердила кивком, недовольно качнула головой. — Как врач, говорят, очень хороша. Не одного безнадежного вытащила. А вот как человек... Если хочешь моего совета, то лучше держись от нее подальше. Гнилой она человек. Иногда даже кажется, что и не человек вовсе.

«И не человек вовсе...»

Слова Рахимы Симбаевны продолжали звучать в голове, даже когда я, по-доброму со всеми попрощавшись, вышла из больницы.

Мне Тоня такой не показалась. Если только до краев одинокой...

— Саш! — выводя из задумчивости, окликнули меня со стороны парка.

Я обернулась...

— А ты что здесь делаешь? — удивленно спросила я у подошедшей Юли.

— Тебя жду, — улыбнулась она. — Соскучилась. Вроде и видимся, но даже поговорить некогда.

Я была согласна. Последние дни выдались заполненными событиями, но лишенными дружеской теплоты.

Кто-то сказал бы, что это — обычная жизнь, мне же все еще было непривычно.

— Я тоже соскучилась, — не покривив душой, призналась я. — А где Игорь?

Время уже три, а Валдаев отличался пунктуальностью.

— Сейчас придет, — успокоила меня Юля. — Переставляет машину. Слушай, — продолжила она практически без паузы, — нужно посоветоваться.

— Советуйся, — улыбнулась я, заметив направлявшегося к нам Игоря.

Юля тоже его увидела, но откладывая разговор не стала. Похоже, тема была не столь уж и личной.

— Хочу написать статью о маньячках. У отца спросила, но он оставил на мое усмотрение. Но мне показалось, что сама мысль ему не понравилась.

— О маньячках... — задумчиво повторила я.

Да, большинству читателей тема будет интересна. А если еще и с кровавыми подробностями...

Кивнула подошедшему Игорю, посмотрела на больницу.

А в голове продолжал крутиться разговор с Рахимой Симбаевной. «Как врач, говорят, очень хороша... А вот как человек...»

— Если тебя интересует мое мнение, то о таких, как они, нужно писать короткие заметки. Пойманы. Осуждены. Не стоят они того, чтобы о них знали. Если только в качестве предупреждения.

— Согласен, — встал рядом со мной Игорь. — Чем быстрее стирать из памяти, тем меньше их будет.

— Если бы все было так просто... — Юлия то ли согласилась, то ли нет. — И о чем же тогда писать?

Как ни странно, ответ у меня был. Благодаря той же Рахиме Симбаевне.

— О людях! — не задумываясь, произнесла я. — О тех людях, которые делают эту жизнь нормальной. О тех, кто просто каждый день встает и идет честно делать свою работу. Об учителях, врачах, медсестрах, санитарках, водителях «скорой помощи», таксистах... О тех, чей долг — защищать Родину. О тех, кто работает в поле. Кто собирает самолеты. Да мало ли их... просто нормальных людей!

Наверное, я слегка погорячилась, но сказала именно то, о чем думала, но что только теперь сформулировала для себя.

Мы ищем острых ощущений. Подвигов. Романтики. И не замечаем, что это все здесь, рядом.

В тех вещах, которые нам кажутся обыденными.

* * *

Придумывать с одеждой я ничего не стала. Те же джинсы, футболка, легкая курточка. Ну и рюкзачок, в котором телефон и немного денег. Наличных. Карту оставила.

Я бы предпочла иметь при себе свой «ругер», но помнила про магическую проверку на оружие и наркотики.

Парни, когда спросила, можно ли ее обойти, переглянулись и пообещали что-нибудь придумать. Хотелось мне им поверить, но если только Трубецкой выбьет у отца специальное разрешение. Рассчитывать на это, не рассказав всей истории, вряд ли приходилось.

В клуб я приехала на такси, задержавшись на пятнадцать минут.

Об этом мы с ребятами тоже договорились. И чтобы они могли зайти первыми и осмотреться, и чтобы заставить Светлану и Тоню нервничать.

Если маньячками, конечно, были они.

Фейсконтроль, та самая проверка на наркотики и оружие...

«Весельчак» оказался больше похож на «Юпитер», чем на «Паутину». Только, в отличие от «Юпитера», оформление было не космическим, а развлекательным. Везде яркие цвета, движущиеся объемные изображения клоунов и людей в масках.

Судя по всему, народу нравилось. А вот мне от обилия красок хотелось куда-нибудь спрятаться. А еще лучше — сбежать. Вокруг все блестело, искрилось, менялось...

Казалось, что за спиной что-то происходит. Постоянно хотелось оглянуться.

В зал я сразу не пошла. Поднялась на второй этаж, встала у перил на галерее.

Схему, где находились камеры наблюдения, достал Саша Трубецкой. На вопрос, как удалось, с издевкой намекнул, что за деньги все возможно.

Огрызаться, говоря, что не всегда и не со всеми, я не стала. Чья-то алчность сейчас сыграла нам на руку.

Народу внизу было много. Бойкая музыка — диджей не жалел децибелов, девочки гоу-гоу, танцующие в клетках, стелющийся по полу туман дым-машин...

В «Юпитере» все выглядело более камерно. Не сказать, что спокойнее, но вроде как взрослее. В «Паутине» — проще. Первое впечатление, что приходили туда не повеселиться, а с одной-единственной целью — найти себе пару на ночь.

Здесь же... Здесь было безудержно и безрассудно. Казалось, все просто сошли с ума.

— Не шевелись.

Я вздрогнула от неожиданности — внутренне, но внешне даже не шелохнулась. Раздавшийся за спиной голос был знаком. Игорь.

— Они здесь. Сидят внизу. Вторая мертвая зона.

Мертвых зон мы насчитали шесть.

Угол, в котором я сейчас стояла, камерам тоже был недоступен.

— Поняла, — чуть слышно произнесла я, почувствовав, как его руки задирают штанину и касаются ноги.

Сначала он застегнул на лодыжке кобуру. Затем вставил в нее пистолет...

— «Ругер». Патрон в патроннике. На предохранителе.

— Спасибо, — прошептала я и, не сдержавшись, оглянулась.

Игоря рядом уже не было. Лишь спина мелькнула у выхода, что вел на лестницу.

С оружием стало как-то спокойнее. Пригодится или нет — не важно, главное, что еще один шанс, если ситуация развернется не в нашу пользу.

Наверху я задержалась. Заготовила несколько магем, одну — стандартный малый нейтрализатор — использовала сразу. Теперь все, что прописано в магической составляющей, будет разлагаться, не успев навредить организму.

Слабым местом у магеми был тот самый список. Все, что не попало в него, будет считаться безвредным.

Вторую — магему Хинстона — перевела в режим преактивации. Теперь достаточно капельки силы, чтобы она развернулась полностью.

Эта работала по иной схеме. За основу брался усредненный организм с усредненными же процессами. То, что не вписывалось в данный образ, воспринималось магемой враждебным агентом и нейтрализовалось.

В целительстве ее применяли редко — индивидуальность не часто укладывалась в усредненность, но в некоторых случаях она была просто незаменима.

Вниз я спустилась по другой лестнице, для чего пришлось пройти почти всю галерею. Подошла к барной стойке, вновь выбрав место в дальнем углу. Еще одна мертвая зона, до которой камеры не дотягивались.

Бармен подходить не торопился — желающих освежиться или добрать до кондиции было много. Когда дошла очередь до меня, заказала алкогольный коктейль.

Вопроса про возраст он не задал. Не было даже оценивающего взгляда.

Впрочем, так даже лучше. Не потребовалось строить глазки и просить войти в положение.

Когда принес бокал, взяла, тут же развернувшись спиной к стойке.

Если верить схеме, справа, за непонятной конструкцией, скрывалась дверь эвакуационного выхода. Дальше — подиум, на котором находился диджей с аппаратурой.

Танцпол был прямо напротив барной стойки. Слева — мягкие зоны. Там, за одной из них, еще один эвакуационный выход.

Логично было бы предположить, что Яну вывели через один из них, но оказалось, что клуб Юлина сестра покинула сама. Выйдя на улицу, свернула за угол, к стоянке. Обошла, дойдя до самого конца и...

По словам младшего Трубецкого, который оказался весьма осведомленным, ни одна машина из той зоны не выезжала. Но Янка пропала именно там.

— Еще?

Я, обернувшись, поставила уже пустой бокал и кивнула.

Коктейль оказался приятным. Алкоголь почти не чувствовался, полностью забиваемый вкусом гранатового сиропа.

Странное ощущение, когда ты вроде со всеми, но — один. Чужие взгляды, жесты, улыбки...

Ожившая книга, которую только-только начал читать. Еще ничего не ясно и не понятно, но что-то в уже прочитанном цепляет, заставляет перелистывать страницы, удовлетворяя желание узнать продолжение.

А продолжение...

Рассчитавшись, взяла поданный барменом бокал. Сделала глоток.

Пара на танцполе, за которой я наблюдала, разошлась в разные стороны. Ни один не оглянулся, словно танец, в котором они чувствовали себя единым целым, ничего не значил.

Все как в жизни. Люди встречаются. Люди расходятся, так и не поняв, что судьба сделала подарок, сведя со своей половинкой.

Алкоголь нейтрализовался быстро, но все равно успевал настроить на философский лад. А мне нужно было быть собранной.

Удастся мне стать приманкой или нет? Выйдут они на охоту сегодня или те три дня, в которые мы не вписались, их четкой график?

Вибрация из рюкзака сбивала с размышлений.

Достав телефон, поставила над собой купол. Если в «Юпитере» барная стойка была «закрыта» от оглушающей музыки, то здесь фильтры работали слабо, лишь слегка избавляя от шума.

— Андрей! — обрадовалась я, увидев знакомый номер. — У тебя все в порядке?

— Привет, ребенок, — отозвался он, появляясь на экране. — Бойцы говорят, ты зачастила в клубы.

Не скажу, что его заявление вызвало недовольство, но что-то такое мелькнуло. Обида не обида...

— Тебя это напрягает? — сделав усилие над собой и улыбнувшись, уточнила я.

— Если понимаешь, что делаешь, то нет, — несколько успокоил меня Андрей. Он находился в каком-то непонятном помещении. Что-то похожее на подвал. — Но тем не менее...

— Андрей, я спросила, все ли у тебя в порядке? — слегка заводясь, перебила я. Я тут беспокоюсь, а он...

О том, что он тоже беспокоится, я подумала. Но вскользь.

— У меня все в порядке, — грубее, чем мне бы хотелось, ответил он. — Скоро буду в Москве, и мы с тобой поговорим. И о клубах тоже.

Он отключился, больше ничего не сказав.

Я еще с минуту смотрела на экран, не веря, что все закончилось именно так.

Неприятное ощущение. Ты чего-то ждешь, на что-то надеешься, и вот оно происходит, но совсем не так, как себе представляла.

Состояние — как будто пыльным мешком по голове. Полная дезориентация.

— Ну и пожалуйста! — Сглотнув вставший в горле от обиды ком, я бросила телефон в рюкзачок. — Не больно-то и надо.

— Парень? — неожиданно спросили у меня.

Сбросив купол, посмотрела на стоявшую напротив Тоню.

— Да пошел он! — то ли играя роль, то ли действительно разозлившись на Андрея, буркнула я. — Где здесь можно выпить?

Судя по ее улыбке, Тоню уже бросали.

Возможно, не один раз.

— Сейчас отрубится, — наклонилась ко мне Тоня.

Мы сидели на мягком диване с одной стороны столика, Светлана — с другой.

О ком именно Антонина говорит, я поняла, но переспросила:

— Кто?

Тоня кивнула на Свету, потом, извернувшись, заглянула мне в глаза.

Несмотря на используемую магему, я пьянела. Не так быстро, как Светлана, но мысли путались все сильнее, да и тело вело себя так, словно я была марионеткой.

— Почему? — подалась я к Тоне, «сминая» взгляд. Не стоило ей знать, что я не настолько плоха, как могло показаться со стороны.

— Побудь с ней, я сейчас приду, — вместо ответа поднялась Тоня.

Выйдя за пределы мягкой зоны, модельной походкой двинулась в направлении туалетов.

Пили мы на равных. Сначала шампанское — за знакомство, затем перешли на ликеры, добавляя в них лед. Та бутылка, что сейчас стояла на столе, была третьей. По мне, так лишней.

Но Светлана, казалось, наслаждалась не только процессом, но и своим состоянием. А вот Тоня...

Будь она целителем, я сказала бы, что она использует магему. А так могла лишь предположить наличие амулета.

Нет, трезвой ее не назовешь: слегка нарушенная координация, несколько более порывистые жесты, но это если не смотреть ей в глаза. Они были холодными и чистыми.

Пока Тони не было, я немного перекусила. Шоколад, фрукты, сыр. На столе ничего больше не было, но лучше так, чем совсем не закусывая.

Светлана действительно отрубилась. Отставила стакан, сладко зевнула и буквально упала на диван, тут же уснув.

Ничего подобного на том пикнике я не заметила. Спиртное там было, но Светлана алкоголем не злоупотребляла. Скорее наоборот. Специально я за ней, конечно, не следила, но то, что, когда я уходила, Светлана была трезвой, помнила точно.

Тоня вернулась минут через пятнадцать. Подойдя к Светлане, подложила ей под голову подушку, подняла ноги на диван.

Мысленно укорив себя — не подумала, я откинулась на спинку.

Пить уже не хотелось, но, судя по всему, Тоня в отношении меня была настроена решительно.

— Не хочешь потанцевать? — вопреки ожиданиям, кивнула она на танцпол.

Только что закончился короткий перерыв, народ повалил слегка растрясись.

— Не знаю, — искренне ответила я.

С одной стороны хотелось, чтобы быстрее все закончилось, с другой...

Признаться честно, чем дальше, тем становилось страшнее. Словно я теряла контроль над ситуацией.

Имелись ли для этого объективные причины?

С тех пор как спустилась с галереи, никого из ребят я не видела. Даже мельком. И от этого появлялись нехорошие предчувствия. Как будто меня бросили, оставив с этой проблемой один на один.

Я твердо знала, что этого не может быть, но все равно беспокоилась.

К поимке маньячек меня Реваз с Андреем точно не готовили. Да если бы и готовили... Я — целительница. Там, где требовалось оказывать помощь больным, чувствовала себя значительно увереннее, чем здесь.

— Сходи, — пресекая мои душевные терзания, едва ли не требовательно произнесла Тоня. — Только не уходи далеко. Хочу посмотреть, как ты двигаешься.

Я пожала плечом. Потом поднялась.

Рюкзачок оставила на диване. Специально. Если залезет в телефон, ничего интересного для себя не найдет. В памяти только один номер — Андрея. А в истории — пусто, если не считать звонка, свидетельницей которого она стала.

До танцпола я дошла не без труда. Пока сидела, было терпимо, но стоило встать, как тело дало понять, что магема с алкоголем больше не справляется. Просто не успевает.

Добавить еще одну? Посчитав, что воспользуюсь этим вариантом, когда буду возвращаться на место, остановилась на самом краю

танцпола.

Танцевать я умела. И любила. Но сейчас чувствовала себя скованно. Незнакомое место, знакомые люди...

Все изменилось буквально в один миг. Ударил барабан, задавая ритм. Еще раз. И еще.

Кто-то неподалеку вскинул руки вверх. За ним следующий...

Царивший на танцполе полумрак пробил луч прожектора. Прошелся по залу, выхватывая похожие на маски лица, руки, плечи, извивающиеся тела...

Музыка звучала агрессивно. Она била по нервам, заставляла вздрагивать себе в такт, вытаскивала из нутра что-то древнее, низменное. Мне хватило минуты, чтобы практически поддаться ей, вливаясь в этот мир страстей.

Словно ощутив, что я уже готова, приблизился танцевавший неподалеку парень. Сначала извивался напротив, потом сдвинулся за спину... Ко мне не прикасался, но я кожей ощущала его движения, чувствовала дыхание, запах...

Это было страшно! Понимать, осознавать и не иметь возможности что-то сделать. Музыка срывала установки, толкала к безумию, уверяя, что здесь и сейчас...

— Хватит! — рванув за руку, вытащила меня с танцпола Тоня.

Так и волоча за собой, притащила в мягкую зону, толкнула на диван.

— На, выпей. — Подала стакан с ликером, в котором плавали кусочки льда.

— Что это было? — сделав глоток, мотнула я головой.

— Диджей развлекается, — скривившись, бросила она. — Говорит, что, если захочет, здесь все перетрахаются. Извини, я не думала, что ты поддашься.

— Извини?! — подскочила я. — Вы здесь все вообще с ума посходили! Одни подбрасывают наркотики, чтобы избавиться от провинциалов, другие... — Я махнула рукой, словно говоря, что мне здесь делать нечего.

Надев курточку и подхватив рюкзачок — он лежал на том же месте, где я его оставила, собралась уйти.

Эмоциональный всплеск прочистил не только организм, но и мозги, заставив серьезно задуматься о том, во что ввязались.

Князь Трубецкой был прав. Маньяками и прочими преступниками должна заниматься полиция. Наше дело — учеба.

— Подожди, — вновь схватив за руку, остановила меня Тоня. — Извини, я не подумала...

— О чем не подумала?! — взвилась я. — О том, что мне может быть неприятно? Или для вас, княжеских отпрысков, такие понятия, как сочувствие, сострадание, просто не существуют?

— Саша... — перебивая, протянула Тоня.

Она менялась на глазах. Вот еще мгновение назад была той самой Тоней, с которой я познакомилась в больнице, теперь же...

Это ее взгляд на меня был не холодным — мертвым. И — безумным. В том, что я видела, не проглядывало даже проблеска разума.

— Я уйду, — пытаюсь освободиться от захвата, дернулась я. — Отпусти.

— Отпустить? — улыбнулась она. Страшно! Многозначительно! — Какая смелая серая пташка...

Мне надо было действовать решительнее.

Я так и не поняла, успела или нет активировать магему до того, как игла впиалась мне в плечо.

Очнулась я от ощущения влажной свежести. Тело ломило, как от высокой температуры. Во рту было кисло, а язык ощущался распухшим и шершавым.

— Она приходит в себя, — раздался совсем рядом мужской голос.

— Ничего страшного, — ответили Тоня. — Потрепыхается и снова отключится.

— Если ты так считаешь...

— Хочешь на себе ее тащить? — тем самым тоном, когда послушаешься вопреки желанию, произнесла Тоня. — Вот именно! Эй, спящая красавица! Открой глазки.

Судя по всему, это было сказано мне. Сразу за предложением последовала пощечина. Затем вторая.

Я с трудом приоткрыла глаза. Было темно, но неподалеку горели фонари, освещающая стоявшие рядами машины.

Стоянка. Тот самый угол, где исчезла Яна.

— Встала и пошла! — поднимая, подхватили меня за шкуру.

Ноги держать отказывались. А еще кислым подступало к горлу...

Тоня успела отшвырнуть меня на траву до того, как меня вывернуло.

Пока избавлялась от всего, что оставалось в желудке, прояснилось и в голове. Несмотря ни на что, магему Хинстона активировать я успела, потому и чувствовала себя хреново.

Это было из хорошего. Все остальное — из плохого. Я была одна, и никто не спешил мне на помощь.

И что делать дальше...

— Ну что, проблевалась? — стоя от меня шагах в трех, зло спросила Тоня.

— Да, — хрипло отозвалась я. — Дай воды.

— Перебьешься! — фыркнула она. — Вот когда научишься просить...

Парень, которого я по-прежнему не видела, засмеялся. Как закаркал. Словно предрекал.

Что было с теми девчонками, которым не повезло стать жертвой этих тварей, я помнила. Издевались над ними несколько дней. Потом они умирали...

Я умирать не хотела. Я хотела жить! Хотела вновь увидеть отца, Андрея, Реваза.

Я хотела встретить Сашу Трубецкого, Игоря, Антона, Илью...
Встретить и спросить: где вы были...

— Встать! — рывкнула Тоня, не дав мне додумать мысль.

Вытерев рот рукавом курточки, я начала подниматься.

Ноги подкосились сами, но так получилось даже лучше.

О своем единственном шансе я вспомнила только сейчас.

«Ругер» в кобуре на лодыжке! Оставалось им воспользоваться.

Радуясь темноте, завалилась на бок. Продолжая вроде как делать попытки встать, вытащила пистолет из кобуры и засунула его за пояс джинсов, прикрыв курткой. Сделала вид, что с трудом утвердилась на коленях...

Меня опять подняли. И вновь за шкуру. Но теперь это была не Тоня, а незнакомый мне парень.

Толкнули вперед.

Я пробежала по траве несколько шагов. Споткнувшись о какую-то кочку, налетела на забор.

Выглядел он сплошным, отгораживая заднюю часть клуба от дороги. Но это только казалось. Тоня сделала короткий пасс, добавив начертанию огненной стихии, и рядом с одним из столбов проявился узкий проем.

— Вперед, пошла! — вновь толкнул меня парень.

На этот раз я споткнулась уже специально. Зацепившись за край проема, остановилась.

— Сучка...

Больше я не размышляла. Разворачиваясь, выхватила пистолет, сняла его с предохранителя.

Парень, стоявший довольно близко, вряд ли успел что-то понять.

Короткий взгляд на него, как на мишень. Голова, грудь, живот... Это — смертельно или условно смертельно. Но для него слишком милосердно. На мой взгляд.

Ему в колено я попала с первого выстрела и тут же перевела взгляд на Тоню.

Глаза уже привыкли к темноте, потому сомнений в том, что видела, не было. Ярость. Звериная ярость, которая буквально вынесла ее вперед.

Парень верещал, вопя на высокой ноте. Катался по земле. Тоня неслась ко мне. Летела, движимая единственной жаждой, которой жила.

Убить меня.

Уничтожить...

Мой выстрел слился с еще одним.

Попала я. Ее оттолкнуло от меня. Развернуло...

— Саша! — бросились ко мне из-за машин.

Словно того и ждали, с нескольких сторон врубилась прожектора. Кто-то что-то кричал. Отдавал команды...

Я все это фиксировала, но так, будто ко мне это не относилось. Действовала на автомате.

Извлечь магазин, открыть затвор, проверяя пустой патронник. Закрывать затвор, опустить курок, поставить на предохранитель, вернуть...

Если бы Андрей не успел подхватить, я бы упала. А так лишь прижалась к нему. Обняла, вцепившись в плечи. Уткнулась носом в грудь...

Он, конечно, еще получит за все, но это будет потом. Когда перестану чувствовать себя бесконечно счастливой и до конца осознаю, что в этой истории играла по его сценарию.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В больнице меня продержали недолго. Провели детоксикацию, дали принять душ, смывая все, что вышло из организма с потом. Восстановили водный баланс.

Мне повезло, что я была молодой и достаточно здоровой, вписавшись в ту самую усредненность, которую брала за основу магема Хинстона.

Окажись иначе... Окажись иначе, я бы столь легко не отделалась.

Потом меня забрал профессор, за что я была ему благодарна. Привез домой.

Лучше бы оставил в больнице.

Трое Трубецких, Игорь, Антон вместе с отцом, Илья, Людмила Викторовна, Юля, Яна, Сергей, Андрей...

Андрей стоял отдельно. Невозмутимый, как глыба. Сильный, как крепость, которая укроет от любой напасти. Верный, когда сдохнуть проще, чем предать. И — хитрый.

Но об этом я знала с самого детства. Уже привыкла.

Войдя в гостиную, где все собрались, я остановилась.

Несколько часов назад я стреляла в людей. Про одного точно знала, что только ранила. А вот вторая...

«Гнилой она человек. Иногда даже кажется, что и не человек вовсе...»

Рахима Симбаевна оказалась права. И не человек вовсе...

— Я целилась в плечо, — не пропустив, с каким ожиданием смотрят на меня все, повернулась я к Андрею.

Все остальное могло подождать. А вот это...

— Ты попала в плечо. — Он не столько улыбнулся, сколько продемонстрировал удовлетворение. — Она жива и уже дает показания. Как и ее дружок.

— Это хорошо, — кивнула я. — Отец говорил, что у каждого целителя есть свое кладбище. Эту тварь я бы не хотела видеть на нем.

Наверное, они ожидали от меня других слов...

Несмотря ни на что, они у меня были.

— Не знаю, как вы, а я бы сейчас чего-нибудь съела, — перевела я взгляд на Людмилу Викторовну.

Такое простое желание. Как свидетельство того, что жива.

Потом было первое сентября и еще три недели спокойной студенческой жизни.

И казалось бы, все вошло в свое русло: учеба, занятия в стрелковом клубе, ставшие нечастыми встречи с друзьями...

Ранним утром двадцать второго сентября возвращавшаяся из Персии команда, в состав которой вошли Игнат и Реваз, передаст сигнал опасности.

Больше на связь они не выйдут.

И это будет уже другая история, в которой Александра невольно сыграет свою роль.

notes

Примечания

1

Елочка — организованное место парковки для грузовиков. —
Здесь и далее примеч. авт.

2

Паровоз — автопоезд с одним или двумя прицепами.